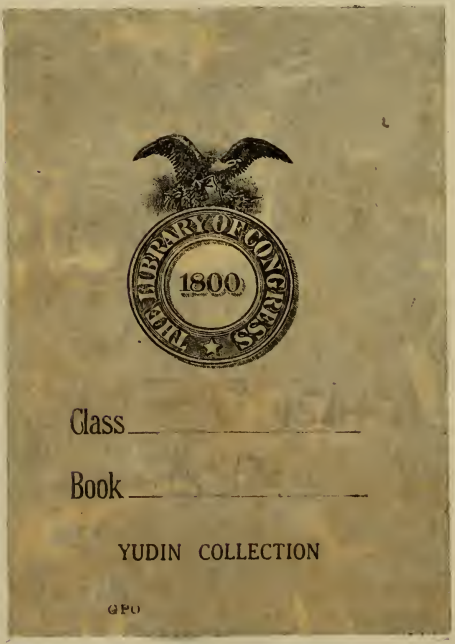
PG
3314
.Z7B8

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА


THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION
GPO

Bulich, Nikolai Nikolaevich
7995
7 C
64692
BIOGRAFICHESKII OCHERK
N.M. KARAMZINA

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
Н. М. КАРАМЗИНА
И
РАЗВИТІЕ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Н. Булича.

ЧИТАНО НА РОДИНѢ КАРАМЗИНА, ВЪ СИМБИРСКѢ, НА ЮБИЛЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРАХЪ ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРВОЙ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ, 1 И 2 ДЕКАБРЯ 1866 ГОДА.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1866.

21

52-50379

PG3314
Z7B8

Поминовеніе по Н. М. Карамзинѣ въ Полтавѣ.

Перваго Декабря 1866 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія нашего славнаго писателя и исторіографа Николая Михайловича Карамзина.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія его уже давно и единодушно считаютъ вторымъ родоначальникомъ нашей литературы послѣ Ломоносова. Имена ихъ стоятъ во главѣ двухъ періодовъ нашей умственной жизни. Въ этомъ заключается ихъ сходство; но есть между ними и замѣтная разница. Насадитель науки на русской землѣ, Ломоносовъ, жилъ и дѣйствовалъ въ трудную пору, на неприготовленной почвѣ; онъ далеко опередилъ свое время и глубиною знаній и размѣрами дѣла; видя, что поле науки неоглядно, а взяться некому, онъ самъ принялся за все. Скованный службою, придворными отношеніями и вѣчной борьбой съ интриганами, Ломоносовъ, не смотря на все это, успѣлъ въ своихъ широкихъ начинаніяхъ настолько, что приготовленное и начатое имъ оста-

лось работой для цѣлаго вѣка. Желанныхъ плодовъ отъ своихъ усилій Ломоносову не пришлось увидѣть; его оцѣнить и даже понять не могли ближайшіе современники; даже столѣтіе спустя послѣ его кончины, на вѣковомъ его юбилеѣ въ Университетахъ Московскомъ и Харьковскомъ, два факультета соединенными силами должны были изображать дѣятельность одного человѣка. Таково было разнообразіе и величіе Ломоносова; такъ нескоро созрѣли во всей полнотѣ плоды его гигантскихъ, многостороннихъ трудовъ.

Карамзину выпала иная, болѣе счастливая доля. Подобно Ломоносову, упорный и усидчивый труженикъ, но гораздо менѣе даровитый и порывистый, Карамзинъ ограничилъ свою дѣятельность болѣе тѣсными предѣлами, ограничился тѣмъ, въ чемъ чувствовалась настоятельная потребность; но въ этихъ предѣлахъ онъ сдѣлалъ все, что только могъ совершить самый сильный умъ въ его время. Правда, ему много помогла въ этомъ и самая обстановка: служенію литературѣ онъ отдалъ всего себя, покинувъ службу; а царскія щедроты дали ему возможность трудиться безбѣдно и обезопасили его отъ явныхъ подкоповъ, отъ грубыхъ выходокъ слѣпой вражды. Подобно Ломоносову, стоя выше своего вѣка, онъ съумѣлъ прійдтись по плечу ему, и силою своего труда и дарованій представилъ своему обществу все, что только могло интересовать его и принести ему немедленную пользу: вотъ почему, почти съ первыхъ дней своего появленія въ литературѣ, онъ сдѣлался все-

общимъ любимцемъ. Полуграмотныя женщины и высокообразованные законодатели, деревенскіе любители чтенія и члены Царскаго дома, требовательная молодость и неподатливая старость,—всѣ съ одинаковымъ чувствомъ вниманія и любви читали произведенія Карамзина. И Карамзинъ, еще при жизни своей, достигъ всего, чего только пожелать могло самое прихотливое воображеніе писателя и достигъ достойно и праведно.

Его сорокалѣтняя литературная дѣятельность имѣетъ весьма важное значеніе, не только историческое, но и педагогическое. Владѣя природными большими дарованіями, онъ еще болѣе развилъ ихъ постояннымъ трудомъ и пріобрѣлъ блестящее образованіе въ Москвѣ и заграницею. Многіе ли въ наше время скажутъ, подобно Ему, что они ѣздили заграницу, „для исканія той истины, о которой съ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ сердце“?.. Угадавъ свое призваніе, какъ писателя, Карамзинъ остался вѣренъ ему во всю жизнь. Создавъ свободную, ясную рѣчь, ожививъ литературу искреннимъ чувствомъ, обогативъ ее новымъ содержаніемъ, возбудивъ въ публикѣ охоту къ чтенію, Карамзинъ лучшихъ 24 года жизни посвятилъ составленію исторіи нашего отечества. Послѣдніе 10 лѣтъ онъ прожилъ во дворцѣ, близъ Государя, но и здѣсь онъ не измѣнилъ своему труду, своей любви къ нему; онъ во дворцѣ былъ отшельникомъ и зналъ только свое любимое дѣло. Его Исторія, возбудивъ умы и всеобщее вниманіе, содѣйствовала пробужденію русской мысли, народнаго

самопознанія и послужила началомъ разработки историческихъ памятниковъ. Такою литературною дѣятельностью Карамзинъ честно исполнилъ весь долгъ свой; такою дѣятельностію онъ, первый въ Россіи, доставилъ званію писателя значеніе самостоятельное и почетное. Личность его, какъ писателя, не утратила и до нынѣ своего значенія: его любовь къ литературѣ, его всегдашніе, неустанные труды на этомъ полѣ и, наконецъ, тотъ нравственный характеръ, которымъ проникнуты всѣ его произведенія,—останутся навсегда высокимъ образцомъ, достойнымъ полнаго подражанія. Отцы наши воспитались на Карамзинѣ; и съ какимъ восторгомъ и уваженіемъ они говорятъ о немъ! съ какимъ увлеченіемъ старались они въ свое время достать его „Исторію!“ какимъ счастливцемъ почитали того, кто могъ пріобрѣсть ее!... Да и мы сами, въ дѣтскіе годы, далеко не безъ увлеченія прочитывали его повѣсти, его „Письма русскаго путешественника“, его Исторію...

Но Карамзинъ замѣчателенъ и въ другихъ отношеніяхъ. Составляя „Исторію“, онъ какъ будто пережилъ, перечувствовалъ на самомъ себѣ труды и боли собиранія родной земли въ единое крѣпкое государство, и вотъ, когда явилась-было мысль у Императора Александра Благословеннаго возстановить Польшу въ ея древнихъ предѣлахъ, Карамзинъ явился пылкимъ радѣтелемъ цѣлости Россіи; въ увлеченіи любовію къ *милому отечеству*, онъ забылъ самого себя и готовъ былъ понести на себѣ царскій гнѣвъ... Мы, еще недавно пере-

жившіе наглыя попытки иноземцевъ оторвать отъ насъ, вмѣстѣ съ Польшей, исконныя русскія области, мы тѣмъ живѣе должны почитать въ Карамзинѣ чистаго, пламеннаго патріота. Желающіе могутъ прочесть въ книгѣ: „Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина“ его вдохновенную записку о Польшѣ *). Въ день юбилея его, 1 Декабря, Погодинъ читалъ въ Академіи Наукъ выдержки изъ этой записки: *принято съ неслыханнымъ восторгомъ*—говоритъ по этому поводу телеграмма Моск. Вѣдомостей.

Наконецъ, почтимъ въ Карамзинѣ свѣтлую личность человѣка. Люди, любившіе его какъ писателя, сознавались, что личное знакомство съ нимъ усиливало къ нему уваженіе. Мягкій и чувствительный, съ незлобной и прекрасной душою, онъ всегда былъ проникнутъ живѣйшимъ желаніемъ блага людямъ, являлся защитникомъ угнетеннаго, ходатаемъ виновнаго; онъ призывалъ царскія милости на Новикова, онъ спасъ намъ Пушкина; въ упоеніи счастьемъ, онъ не измѣнилъ себѣ и въ царскомъ дворцѣ; всю жизнь былъ одинаково добрымъ и прямымъ человѣкомъ, всегда высказывалъ открыто и благородно свои глубокія убѣжденія, и ему съ уваженіемъ внимали два Государя Россіи и всѣ лучшіе люди въ отечествѣ. Императоръ Александръ называлъ его „*мой искренній*“; Императоръ Николай почтилъ съ безпримѣрною щед-

*) На дняхъ она перепечатана въ Моск. Вѣд. 1866 № 254 и въ журналѣ «Литературная Библіотека» № 4.

ростію заслуги его, какъ писателя, и жизнь его, какъ гражданина. Карамзинъ только тогда выступилъ и на поприще писателя, когда воспиталъ въ себѣ человѣка. „Дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ“—говоритъ самъ онъ.

Такимъ образомъ въ лицѣ Карамзина представляется намъ писатель, гражданинъ и человѣкъ, въ чистѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ. Такое значеніе Карамзина стремились выразить учебныя заведенія Полтавы въ слѣдующей своей телеграммѣ:

„*Петербургъ. Президенту Академіи Наукъ.*

Празднику столѣтней годовщины Николая Михайловича Карамзина, торжественно совершаемому Академіею, посылаемъ единодушное сочувствіе, а самой Академіи полный глубокаго уваженія привѣтъ. Благодарной молитвой поминаемъ учителя цѣлыхъ поколѣній, пламеннаго защитника цѣлости Россіи; поминаемъ человѣка, чистаго сердцемъ. Да исполнится на каждомъ русскомъ теплое слово поэта:

«И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.»

Военная Гимназія, Губернская Гимназія, Семинарія, Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ, Маріинское училище, Уѣздное училище.“

Кромѣ этого заявленія, учебныя заведенія Полтавы почтили память Карамзина паннихидами. Учебное время не позволило соединиться всѣмъ заведеніямъ вмѣстѣ въ общей молитвѣ, и потому каждое изъ нихъ отдѣльно почтило память писателя. Особою торжественностію отличалась паннихида по немъ въ

Крестовой церкви архіерейскаго дома. Архипастырь нашъ созвалъ свою ближайшую семью—воспитанниковъ Семинаріи и совершилъ заупокойную литургію и панихиду. Въ глубокомъ безмолвіи, проникнутомъ святостію молитвы и особымъ уваженіемъ къ памяти дорогаго покойника, совершился весь ходъ богослуженія. Тихое, стройное пѣніе хора, лаврскіе напѣвы, *Отче нашъ* и *Со святыми упокой,* пропѣтыя всей массой воспитанниковъ Семинаріи, возбуждали въ сердцахъ присутствовавшихъ необычное умиленіе. Признательно помянуты были въ этотъ день имена приснопамятнаго Кіевскаго Владыки Филарета и недавно почившаго Черниговскаго Архіепископа Филарета и другихъ дѣятелей, послужившихъ благу родины. И много говорили душѣ эти моленія любви, не покидающей своихъ братій и за гробомъ. Въ свое время одинъ изъ профессоровъ Семинаріи (г. Поликарповъ) произнесъ рѣчь, въ которой старался уяснить слушателямъ значеніе Карамзина, особенно его заслуги по составленію Исторіи Государства Россійскаго. Въ рѣчи проповѣдника слышалось слово служителя науки; съ каѳедры церковной отдавался почетъ писателю, его любви къ своему дѣлу. И отрадно было видѣть, что церковь, поминая молитвою человѣка-христіанина, пріютила подъ своимъ покровомъ и слово науки. Такимъ образомъ на Карамзинѣ сбылось древнее вѣщее слово: *премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣстъ церковь* (Сир. гл. 44, ст. 14). Да будетъ же вѣчно тѣсенъ и вѣчно нерушимъ этотъ

союзъ церкви и науки! Да раздается почаще съ каѳедры церковной бесѣда наставника и о предметахъ мысли, бесѣда, въ коей разумъ плѣненъ въ послушаніе вѣры...

Наконецъ, кромѣ молитвы, въ учебныхъ заведеніяхъ помянули писателя разсказомъ о жизни и дѣятельности его, чтеніемъ избранныхъ отрывковъ изъ его сочиненій, объясненіемъ его значенія. Тамъ —заняло воспитанниковъ „Похвальное слово Карамзину“—Погодина; тамъ переданы были черты изъ жизни Карамзина и мысли его, громко говорящія о его любви къ просвѣщенію; тамъ выставлены на видъ нравственныя стороны его характера. И дай Богъ, чтобы эти чтенія, эти загробные уроки, которые далъ какъ-бы самъ Карамзинъ, остались не безъ пользы для нашего юношества!

Такъ тихо и скромно прошли въ Полтавѣ поминки по Н. М. Карамзинѣ. Не было даже тѣхъ начинаній, какія были по поводу юбилея Ломоносова. Почему-бы это такъ?—Потому-ли, что то былъ первый по времени юбилей въ нашей литературѣ и увлекъ насъ тогда своею новостію? Потому-ли, что имя рыбака-Ломоносова сказалось ближе народному чувству, чѣмъ имя болярина-Карамзина? Потому-ли, что дѣятельность Ломоносова болѣе глубока и многостороння? Потому-ли, что въ настоящій разъ юбилей пришелся въ учебное время, неудобное, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для празднованія памяти достойнаго дѣятеля науки? Потому-ли, наконецъ, что въ нашей Полтавѣ ин-

тересы свои—мѣстные, личные,—далеко превышаютъ и поглощаютъ всякіе умственные, общіе интересы?... Загадка необъяснимая!... Но грустно и печально время, въ которое можно дѣлать такіе вопросы; грустно и жалко состояніе общества, подающее поводъ, въ силу котораго могутъ возникать подобные вопросы. А вотъ, съ высоты каѳедры университетской, раздается суровое слово: „народъ, который не умѣетъ чтить своихъ великихъ людей, не достоинъ имѣть ихъ въ будущемъ.“ Человѣкъ, который уважаетъ самого себя, нравственно обязанъ отдать должный почетъ тому, кто вполнѣ его заслуживаетъ и своими сочиненіями, и своею жизнію. Освѣжить въ своей памяти нравственный образъ Карамзина, прочесть избранныя страницы его—все же было бы полезнѣе нашего всегдашняго препровожденія времени.

Будемъ надѣяться, что молодое поколѣніе лучше нашего съумѣетъ цѣнить своихъ великихъ предковъ, особенно Карамзина, о которомъ можно со всею справедливостію повторить древнее слово: „внимайте, юноши, старцу, которому внимали старцы, когда онъ былъ юношей!“

Газеты донесли къ намъ вѣсти, что юбилей Карамзина былъ празднуемъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Симбирскѣ, Кіевѣ, Дерптѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Воронежѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Минскѣ, Вильно, Немировѣ, Сѣдльцѣ, Одессѣ, Митавѣ, Новочеркасскѣ, Владимірѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Витебскѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ Россіи. Правительство и частныя лица, духовные и свѣт-

скіе, учебныя заведенія и всякій образованный человѣкъ, всѣ соединились въ одномъ чувствѣ— благодарномъ воспоминаніи о великомъ двигателѣ русскаго просвѣщенія*). Царскія милости полились и на семейство Карамзина, и на тѣхъ усердныхъ дѣятелей, которые достойно потрудились въ память Карамзина.

Пусть-же эта усердная, благотворная дѣятельность Карамзина, это вниманіе къ нему всей Россіи, эти праздники, въ честь его совершаемые, послужатъ для насъ новою возбуждающею силою къ труду неослабному и постоянно-полезному для блага дорогой намъ родины!

Пономаревъ.

1866 года 12 Декабря.
Г. Полтава.

---

*) См. Моск. Вѣд. №№ 254—255 и 264—267; Спб. Вѣд. № 322, 332; Сѣв. Почта №№ 255—257 и 263.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. М. КАРАМЗИНА

и

РАЗВИТІЕ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Н. Булича.

ЧИТАНО НА РОДИНѢ КАРАМЗИНА, ВЪ СИМБИРСКѢ, НА ЮБИЛЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРАХЪ ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРВОЙ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ, 1 И 2 ДЕКАБРЯ 1866 ГОДА.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1866.

Перепечатано изъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго университета 1866 года.

Мм. Гг!

Праздникъ настоящаго дня въ честь великаго русскаго писателя, вызвавшій такое теплое и сердечное участіе всѣхъ присутствующихъ здѣсь,—принадлежитъ всей Россіи и дай Богъ, чтобъ сознательный и нравственный смыслъ его вошелъ въ исторію нашего отечества. Молодость нашей умственной жизни, недавнее значеніе мысли и науки въ нашемъ общественномъ развитіи сказывается въ томъ обстоятельствѣ, что праздникъ этотъ только *первая* въ отечествѣ нашемъ столѣтняя годовщина дня рожденія великаго писателя, отдавшаго трудъ своей мысли и литературные таланты на пользу своей родинѣ. Русь не бѣдна людьми, дѣлающими честь ей, но Карамзинъ первый писатель ея, удостоившійся публичнаго, торжественнаго поминанія черезъ сто лѣтъ въ день его рожденія. Симбирскъ опередилъ всѣ другіе русскіе города въ этомъ отношеніи; на его долю выпало счастіе первому изъ русскихъ городовъ почтить память своего великаго одно-горожани-

на, человѣка мысли и слова, родившагося и выросшаго въ немъ. Здѣсь, на его родинѣ, праздникъ Карамзина получаетъ иное, сердечное, близкое душѣ всѣхъ присутствующихъ значеніе. Въ рядахъ слушателей сидитъ сынъ Карамзина, въ которомъ симбирское общество за нѣсколько часовъ передъ симъ такъ единодушно и восторженно привѣтствовало живую связь свою съ великимъ покойникомъ. Таланты и слава Карамзина, его сочиненія, его высокія гражданскія убѣжденія составляютъ достояніе всего нашего отечества. Вѣрный сынъ Россіи долженъ молиться на его могилѣ, по выраженію поэта, чтобъ пробудились въ немъ силы духовныя, силы для дѣлъ добра и пользы странѣ родной. Но Карамзинъ, какъ человѣкъ, принадлежитъ прежде всего Симбирску. Въ сердцахъ симбирскихъ уроженцевъ память о немъ должна жить теплѣе и сердечнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было и симбирскій праздникъ—воспоминаніе человѣка и симбирскаго уроженца.

Удостоенный чести приглашенія отъ комитета Карамзинской библіотеки читать публично на родинѣ Карамзина о его заслугахъ, я считаю себя глубоко счастливымъ, что мое имя соединится съ этимъ симбирскимъ праздникомъ. Его особенный характеръ я желалъ бы придать и моимъ словамъ о Карамзинѣ. Это не похвальная рѣчь; Карамзинъ не нуждается ни въ чьихъ похвалахъ; это не обстоятельный разборъ его литературныхъ и научныхъ заслугъ. Онъ увлекъ бы насъ далеко изъ нашего свѣтлаго праздника въ неизбѣжно

сухія критическія подробности. Поминая близость человѣка—Карамзина къ благородной и признательной почвѣ, его вскормившей, я бы желалъ представить здѣсь вашего великаго со-уроженца такимъ, каковъ онъ былъ въ то время, когда работалъ для настоящаго и будущаго, когда билось и волновалось его сердце. Образъ Карамзина невольно влечетъ къ себѣ душу по той удивительной гармоніи, какую представляетъ онъ, какъ человѣкъ и писатель. Его сердце и умъ, таланты и жизнь никогда не расходились между собою и достоинство писателя сливалось въ немъ съ достоинствомъ гражданина. Эта внутренняя гармонія человѣческихъ свойствъ и авторскихъ талантовъ Карамзина оставляетъ отрадное чувство въ душѣ, послѣ пребыванія въ честномъ мірѣ созданныхъ имъ образовъ и глубоко прочувствованныхъ убѣжденій. Карамзинъ лучше всякаго всегда говоритъ самъ за себя и такъ естественно является желаніе видѣть его здѣсь въ краскахъ времени, въ живыхъ изліяніяхъ его таланта и сердца; желаніе оживить на праздникѣ его родины, ему посвященномъ, воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ и о его великомъ дѣлѣ, къ несчастію забываемомъ въ смѣнѣ быстро идущихъ другъ за другомъ русскихъ поколѣній, но незабвенномъ для мысли, для славы и счастія нашей родины.

Симбирскъ.

1 декабря 1866 года.

I.

Дѣтство и первыя впечатлѣнія въ симбирской деревнѣ.—Ученіе и воспитаніе въ Москвѣ (1766—1782).

При внимательномъ взглядѣ на подробную карту Симбирской губерніи, между славянскими, татарскими и мордовскими названіями ея городовъ, селъ и деревень, мы встрѣтимъ нѣсколько селъ съ именами, давно знакомыми намъ въ исторіи литературы и просвѣщенія нашего отечества. Таковы: Аксаково, Языково, Загоскино, Тургенево и Карамзино. Послѣднее ([1]), по всей вѣроятности, на сколько допускаютъ соображенія немногочисленныхъ печатныхъ источниковъ для біографіи Карамзина, было гнѣздомъ дворянскаго рода Карамзиныхъ, хотя литературный представитель этого рода родился не въ Карамзинѣ, Симбирской губерніи и уѣзда, а въ селѣ Михайловскомъ, Преображенское тожъ, нынѣшней Самарской губерніи, Бузулуцкаго уѣзда. Въ эпоху же рожденія исторіографа деревня, гдѣ онъ родился, по тогдашнему административному дѣленію, принадлежала къ Самарскому уѣзду, Симбирской провинціи, Казанской губерніи и Астраханской епархіи. Такимъ образомъ вся приволжская страна, начиная съ Казани, можетъ считать его своимъ, по мѣсту рожденія ([2]).

([1]) Село Знаменское Карамзино тожъ (121 д.), Симбирской губерніи, Симбирскаго уѣзда, принадлежитъ теперь Владиміру и Ольгѣ Ниротморцевымъ. См. Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Спб. 1860. Т. III. Симбирская губернія.

([2]) Оно принадлежитъ теперь племяннику исторіографа Николаю Ѳедоровичу Карамзину (346 д.). См. Приложенія къ трудамъ и пр. Т.

Родъ Карамзиныхъ не встрѣчается ни на страницахъ «Исторіи Государства Россійскаго», этого главнаго историческаго свидѣтельства объ аристократизмѣ дворянскихъ фамилій нашихъ, ни въ актахъ, изданныхъ археографической коммиссіей, ни въ гербовникахъ временъ Екатерины II и только самъ исторіографъ далъ ему прочное значеніе. По семейному преданію, переданному Карамзинымъ сыновьямъ своимъ, родъ Карамзиныхъ, подобно нѣкоторымъ другимъ дворянскимъ семействамъ восточной Россіи былъ татарскаго происхожденія. Родоначальникомъ называлъ онъ какого-то татарина, по прозванію Кара-Мурза или *Черный* Мурза (3). Черная кровь татарина не сказалась однакожъ въ потомкахъ его: кромѣ одного, всѣ братья исторіографа и онъ самъ отличались бѣлизною (4), хотя нельзя не видѣть, судя по портретамъ, въ лицѣ Карамзина, слѣдовъ восточнаго типа. Для этого татарскаго происхожденія Карамзиныхъ, кромѣ однако вѣроятности филологической, нѣтъ прямыхъ доказательствъ въ актахъ. Только въ 1799 году Карамзинъ, всегда уважавшій дворянское происхожденіе и достоинство, вѣроятно по соглашенію съ братьями, сталъ хлопотать о своей родословной въ Москвѣ. Онъ искалъ своихъ предковъ и не могъ найти родоначальника, какого-то Симеона. Желая представить въ герольдію гербъ рода, онъ просилъ старшаго брата своего припомнить, не слыхалъ ли онъ отъ отца: изъ какихъ фигуръ состоялъ этотъ гербъ. Не ранѣе 1800 года Императоромъ Павломъ былъ утвержденъ этотъ гербъ и родъ Карамзиныхъ включенъ въ дворянскую книгу (5). Все это не свидѣтельствуетъ о древности рода.

III. Самарская губернія и замѣтку г. Ивлентьева въ Москвитянинѣ 1852 г. Т. III. Отд. VII. Стр. 146. Ср. также Москвит. 1846 г. № 4, отд. III, стр. 115, гдѣ свѣдѣнія о селѣ Михайловскомъ, какъ родинѣ Карамзина, основываются на свидѣтельствѣ роднаго брата его, Александра Михайловича, тогда (въ 1846 г.) еще бывшаго въ живыхъ. О тогдашнемъ, при рожденіи Карамзина, опредѣленіи мѣстности его родины, см. Миллеръ: Ежемѣсячныя сочиненія, 1757 г. Январь и Апрѣль.

1857

(3) Старчевскій: Николай Михайловичъ Карамзинъ. Спб. 1849 г., стр. 8. Погодинъ: «Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина». Утро, Сборникъ. М. 1866. Стр. 2. Здѣсь упоминается, что Кара-Мурзѣ были пожалованы земли въ Нижегородской губерніи.

(4) Письмо Натальи Ивановны Дмитріевой къ Погодину. Москвит. 1846. № 4. Стр. 116.

(5) Переписка съ братомъ Васильемъ Михайловичемъ. См. Атеней 1858 г. № 19, стр. 198, 199 и 201.

Около времени рожденія исторіографа родъ этотъ спокойно жилъ въ своемъ симбирскомъ гнѣздѣ, собирая доходы съ родоваго имѣнія и весело проживая ихъ по зимамъ въ Симбирскѣ, извѣстномъ прежде своею широкою помѣщичьею жизнію. О другихъ интересахъ жизни этого рода—мало свѣдѣній. Въ началѣ второй половины XVIII столѣтія не много было образованныхъ людей между помѣщиками, особенно средней руки, въ восточномъ краю Россіи, но молодая литература русская и особенно переводная уже проникала въ глушь провинцій, не отнимая значенія у старинныхъ религіозныхъ сочиненій, переходившихъ наслѣдственно отъ отца къ сыну (6). Читать любили многіе и при незначительномъ количествѣ матеріала для чтенія, послѣднее имѣло больше чѣмъ теперь образовательной силы. Неизвѣстно однакожъ былъ ли отецъ Карамзина столько же начитанъ, какъ отецъ Дмитріева.

Подобно другимъ симбирскимъ фамиліямъ, подобно Багровымъ-Аксаковымъ, Бахметевымъ, Неплюевымъ и Карамзины отличались практическимъ тактомъ и умѣньемъ пріобрѣтать земли. Соблазненные легкостью пріобрѣтенія и дешевизною дѣвственныхъ башкирскихъ земель, они явились цивилизаторами Оренбургскаго края, переселяли крестьянъ изъ старыхъ родовыхъ деревень, гдѣ становилось тѣсно отъ увеличивающагося населенія, отъ черезполосицы, вслѣдствіе дробленія имѣній и подымали нетронутыя нови, дававшія долго неслыханные урожаи. Впослѣдствіи времени патріархальность пріобрѣтенія земель отъ башкирцевъ послужила источникомъ долгихъ и утомительныхъ тяжебъ (7), которыя давали доходы бывшимъ чиновникамъ межевой канцеляріи; Карамзинымъ, подобно Аксаковымъ, досталась на долю подобная тяжба о башкирскихъ земляхъ, которая кончилась лѣтъ черезъ пятьдесятъ (8). Эта колонизація въ Оренбургскій край и была причиною того, что Карамзинъ родился не въ симбирскомъ гнѣздѣ, а въ заволжской степи, въ *новой* деревнѣ, куда отецъ его пріѣзжалъ на время похозяйничать и поохотиться.

---

(6) И. И. Дмитріевъ, старшій своего родственника Карамзина, четырьмя годами, оставилъ свѣдѣнія объ отцовской библіотекѣ. См. Взглядъ на мою жизнь М. 1866. Стр. 19.

(7) Аксаковъ С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. М. 1856. Стр. 11.

(8) Переписка Н. М. Карамзина съ братомъ. Атеней. 1858 г. № 19, стр. 201.

По странной ошибкѣ исторіографа въ его автобіографической замѣткѣ, сдѣланной имъ въ началѣ его литературной дѣятельности и опровергаемой другимъ собственнымъ его показаніемъ, 1765 годъ долго считали годомъ рожденія Карамзина, находя что-то мистическое въ совпаденіи въ одинъ годъ, и смерти Ломоносова и рожденія Карамзина, этихъ двухъ литературныхъ вождей нашихъ. Подобно году рожденія, и самое мѣсто рожденія опредѣлялось не точно. Въ короткихъ біографіяхъ Карамзина, согласно его собственной запискѣ, постоянно указывалось на Симбирскую губернію, какъ на его родину. Болѣе положительныхъ свидѣтельствъ существуетъ однакожъ за деревню или село Михайловку, которую Карамзинъ называетъ въ письмахъ къ старшему брату то заволжской, то бузулуцкой, то оренбургской деревней. Отецъ Карамзина былъ отставной капитанъ Михаилъ Егоровичъ, служившій въ Оренбургѣ при Неплюевѣ, безъ всякаго сомнѣнія простой русской помѣщикъ стараго времени, весь преданный хозяйственнымъ заботамъ, охотѣ и воспитанію дѣтей по долгу, на сколько позволяли деревенскія средства. Онъ былъ женатъ два раза и отъ первой жены его, Катерины Петровны Пазухиной было три сына: Василій, старшій братъ, Николай второй и Ѳедоръ, а кромѣ ихъ дочь Екатерина, вышедшая за-мужъ за казанскаго помѣщика Чебоксарскаго уѣзда С. С. Кушникова, адъютанта Суворовскаго и впослѣдствіи временнаго правителя въ Молдавіи и Валлахіи. Отъ втораго брака съ Авдотьей Гавриловной Дмитріевой, родной теткой извѣстнаго писателя и министра юстиціи при Александрѣ I, И. И. Дмитріева, у Карамзина были еще братъ Александръ и сестра Марѳа, вышедшая за-мужъ за симбирскаго помѣщика Философова. Карамзинъ вспоминаетъ еще въ письмахъ къ брату, родную тетку свою Пелагею Егоровну, умершую въ 1805 году; была ли она за-мужемъ, намъ неизвѣстно. И старшіе и младшіе братья и сестры Карамзина пережили его. Съ

(9) Споръ о годѣ рожденія Карамзина вызвалъ цѣлую литературу этого предмета. Доказательства за 1765 годъ собраны г. Погодинымъ. См. журналъ Москвитянинъ. 1846, № 4, отд III, стр. 114—116. Доказательства за 1766 годъ собраны имъ же. См. Утро, стр 429—432. Въ рѣшеніи вопроса принимали участіе: С. Д. Полторацкій (Сѣв. Пч. 1861 г. № 65), А. Д. Галаховъ (Спб. Вѣд. 1865), М. А. Дмитріевъ, М. Н. Лонгиновъ (Русск. Арх. 1865 г., стр. 1370—1375) и нѣкот. другіе. Споръ рѣшенъ въ пользу 1766 года семействомъ Карамзина, но оно не заявило никакихъ для того положительныхъ документовъ.

старшимъ братомъ своимъ, Васильемъ Михайловичемъ, жившимъ постоянно въ Симбирской губерніи, Карамзинъ велъ длившуюся до самой смерти его переписку ([10]). Она служитъ свидѣтельствомъ самаго дружескаго чувства между братьями. Не ограничиваясь передачею въ ней брату подробностей о своихъ дѣлахъ и семействѣ, о своихъ планахъ и намѣреніяхъ касательно матеріальнаго устройства жизни, Карамзинъ передаетъ въ ней почти весь ходъ великаго труда своего «Исторіи Государства Россійскаго», которому онъ отдалъ исключительно послѣдніе годы своей жизни. Кромѣ близкой связи съ старшимъ братомъ Васильемъ Михайловичемъ, письма эти свидѣтельствуютъ вообще о его родственной любви. Карамзинъ часто спрашиваетъ о своихъ братьяхъ, о ихъ дѣлахъ, онъ радуется по временамъ ихъ пріѣзду въ Москву или Петербургъ, оживляется съ ними воспоминаніемъ о родинѣ, покинутой имъ въ юности и потомъ никогда невиданной; онъ хлопочетъ о воспитаніи племянниковъ и племянницъ, пріискивая для нихъ учителей и учительницъ, или помѣщая ихъ въ учебныя заведенія. Но отношенія Карамзина къ роднымъ носили характеръ только обыкновенной родственной пріязни: онъ жилъ въ мірѣ, чуждомъ для нихъ, въ интересахъ, далекихъ отъ ихъ симбирскаго дворянскаго кружка.

Если, какъ обыкновенно говорятъ біографы Карамзина, считать неконченную повѣсть его «Рыцарь нашего времени» ([11]) за его поэтическую автобіографію, по его собственнымъ словамъ основанную «на воспоминаніяхъ его молодости», то не смотря на ея *чувствительный* или *сентиментальный* характеръ, общій всѣмъ повѣстямъ Карамзина, мы можемъ найти въ ней дѣйствительныя воспоминанія первыхъ отроческихъ лѣтъ Карамзина. Первые дѣтскіе годы Карамзина, какъ и Леона въ «Рыцарѣ нашего времени», прошли въ симбирской деревнѣ, «на луговой сторонѣ Волги, тамъ, гдѣ впадаетъ

([10]) Атеней 1858 г. Части 3 и 4.

([11]) Сочиненія, изданіе Смирдина 1848 г. Т. III, стр. 239—281. Повѣсть эта не окончена и ея тринадцать главъ были написаны Карамзинымъ въ 1799 и 1803 годахъ. Г. Погодинъ приводитъ свидѣтельство И. И. Дмитріева, что въ этой повѣсти сохранены дѣйствительно біографическія черты Онъ называетъ даже графиню, полюбившую мальчика. Это была какая-то сосѣдка по деревнѣ—Пушкина. См. Утро. Стр. 6 и 13.

въ нее прозрачная Свіяга», въ родовомъ гнѣздѣ, «гдѣ родился прадѣдъ, дѣдъ, отецъ Леоновъ». Можетъ быть въ отцѣ и матери романическаго героя можно узнать родителей Карамзина: «Отецъ Леоновъ былъ русской коренной дворянинъ, израненный отставный капитанъ, человѣкъ лѣтъ въ пятьдесятъ, ни богатой, ни убогой, и—что всего важнѣе—самой доброй человѣкъ.... Послѣ турецкихъ и шведскихъ кампаній возвратившись на свою родину, онъ вздумалъ жениться—то есть не совсѣмъ во время—и женился на двадцатилѣтней красавицѣ, дочери самаго ближняго сосѣда, которая, не смотря на молодыя лѣта свои, *имѣла удивительную склонность къ меланхоліи, такъ что цѣлые дни могла просиживать въ глубокой задумчивости*; когда же говорила, то говорила умно, складно и даже съ разительнымъ краснорѣчіемъ; а когда взглядывала на человѣка, то всякому хотѣлось остановить на себѣ глаза ея: такъ они были привѣтливы и милы» ([12]). Но Карамзинъ, если и желалъ въ этихъ словахъ изобразить портретъ своей матери, то писалъ или по чужимъ разсказамъ, или по темному воспоминанію. Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій, въ «Посланіи къ женщинамъ» ([13]), онъ положительно говоритъ, что не зналъ матери:

«Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый
Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство».

Карамзинъ вообще давалъ высокое значеніе *природѣ* или *натурѣ*, которую только направляетъ и развиваетъ воспитаніе. Слѣдовательно, только въ этомъ, чисто Карамзинскомъ смыслѣ,

---

([12]) Соч. Т. III. стр. 241—242.

([13]) Тамъ же т. I, стр. 104—105.

мы можемъ говорить о вліяніи на него матери. Ея тихій нравъ, ея мечтательность и чувствительность, качества, которыя высоко цѣнились Карамзинымъ и литературными современниками его, могли достаться въ наслѣдство сыну путемъ рожденія. Самая возможность появленія такой нѣжной природы, какою могла быть мать Карамзина,—посреди грубыхъ деревенскихъ нравовъ, объясняется однакожъ, при вдумываніи въ общій смыслъ жизни того времени. Болѣе нервная, болѣе нѣжная натура, чѣмъ натура мужская, испуганная и робкая, она уходила внутрь себя и въ этомъ побѣгѣ отъ дѣйствительности, раскрывался просторъ ея воображенію и той чувствительности, которой было такъ много въ современныхъ романахъ. При томъ она *читала*; чтеніе это конечно состояло только въ переводныхъ романахъ, но и они, несмотря на нелѣпость своего содержанія, играли значительную роль въ образованіи нравственныхъ идей современнаго русскаго общества. Леону въ «Рыцарѣ нашего времени», когда ему исполнилось десять лѣтъ, отдали ключъ отъ *желтаго шкапа*, гдѣ хранилась библіотека его матери, состоявшая изъ романовъ и немногихъ духовныхъ книгъ. По свидѣтельству Карамзина, чтеніе первыхъ было полезно для образованія въ Леонѣ нравственнаго чувства. «Въ Даирѣ, Мирамондѣ, Селимѣ и Дамасинѣ (знаетъ ли ихъ читатель?) однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ желтаго шкапа, герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе, наконецъ какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: «и такъ любезность и добродѣтель одно! и такъ зло безобразно и гнусно! и такъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!» Сколь же такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служитъ оно для доброй нравственности, нѣтъ нужды доказывать» ([14]). Эта безсознательная и не глубокая нравственность, почерпаемая изъ чтенія романовъ, имѣла однако свой историческій смыслъ: она способствовала смягченію грубыхъ нравовъ. «Дурные люди и романовъ не читаютъ, говоритъ Карамзинъ. Жестокая душа ихъ не принимаетъ простыхъ впечатлѣній любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности... Неоспоримо то, что

([14]) Сочин. Т. III, стр. 255—256.

романы дѣлаютъ и сердце и воображеніе... *романическими*: какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера!... Однимъ словомъ хорошо, что наша публика и романы читаетъ!» ([15]). Только возможностію читать въ собранной матерью библіотекѣ романы, въ которыхъ открылся впечатлительному мальчику новый міръ, разнообразные люди, приключенія, игра судьбы и страстей, обязанъ былъ Карамзинъ своей матери. Только въ этомъ смыслѣ можно говорить о вліяніи ея на сына... Тѣмъ не менѣе однакожъ память ея была священна для Карамзина:

«Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство,
Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
И совѣстью моей въ часъ слабости была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю» ([16]).

Изъ этихъ неясныхъ намековъ его въ стихахъ, видно, что Карамзинъ не помнилъ ласокъ матери. Хотя въ «Рыцарѣ нашего времени» и говорится, что Леону было семь лѣтъ во время смерти его матери, но сиротство Карамзина началось гораздо раньше. Ему было только четыре года, въ 1770 году, когда отецъ его женился уже на второй женѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ мы имѣемъ положительное свидѣтельство И. И. Дмитріева, въ запискахъ котораго сохранилось воспоминаніе о первой встрѣчѣ съ своимъ другомъ, тогда ребенкомъ, Карамзинымъ: «Въ 1770 году въ провинціальномъ городѣ Симбирскѣ, старшій братъ мой и я, десятилѣтній отрокъ, находились на свадебномъ пиру подъ руководствомъ нашего учителя, г. Манженя. Въ толпѣ пирующихъ увидѣлъ я въ первый разъ *пятилѣтняго* мальчика въ шелковомъ перувьеневомъ камзольчикѣ, съ рукавами, котораго *русская* нянюшка подводила за руку къ новобрачной и окружавшимъ ея барынямъ. Это былъ будущій нашъ исторіографъ Карамзинъ. Отецъ его, симбирскій помѣщикъ, отставной капитанъ Михайло Егоровичъ, соединился тогда вторымъ бракомъ съ родною сестрою моего родителя, воспитанною по ея сиротству въ нашемъ се-

---

([15]) Сочин. Т. III, стр. 550.

([16]) Тамъ же т. I, стр. 105.

мействѣ» ([17]). Объ отношеніяхъ сына къ отцу, умершему въ 1782 или 1783 году, слѣдовательно тогда, когда Карамзину было около семнадцати лѣтъ, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Въ «Рыцарѣ нашего времени» говорится о немъ съ полнымъ уваженіемъ, упоминается и о его *чувствительности*, но послѣдняя едва ли не была литературнымъ созданіемъ Карамзина. Отцу конечно обязанъ былъ Карамзинъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ. Безъ всякаго сомнѣнія Карамзинъ, подобно Леону, началъ учиться грамотѣ у сельскаго дьячка, «славнѣйшаго грамотѣя въ околоткѣ». Быстрыми успѣхами Леона въ изученіи грамоты, дьячекъ не можетъ нахвалиться. Отецъ заставлялъ ребенка читать передъ деревенскими сосѣдями и радовался ихъ похвалами сыну. Первая свѣтская книга, которую читалъ Леонъ, были Езоповы басни. Онъ вытвердилъ ихъ наизусть, «отчего во всю жизнь свою имѣлъ онъ рѣдкое уваженіе къ безсловеснымъ тварямъ, помня ихъ умныя разсужденія въ книгѣ греческаго мудреца, и часто, видя глупости людей, жалѣлъ, что они не имѣютъ благоразумія скотовъ Езоповыхъ» ([18]). Послѣ домашнаго ученія, грамоты и сказокъ вмѣстѣ съ чтеніемъ романовъ и Ролленевой римской исторіи въ переводѣ Тредьяковскаго, Карамзинъ учится въ Симбирскѣ, (въ пансіонѣ Фовеля, по словамъ г. Погодина), гдѣ тогда уже было нѣсколько пансіоновъ, заведенныхъ иностранцами, какъ свидѣтельствуетъ Дмитріевъ. Онъ же говоритъ, что Карамзинъ учился у симбирскаго пятидесятилѣтняго врача изъ нѣмцевъ—нѣмецкому языку. Дмитріевъ вспоминаетъ даже привлекательную наружность старика: «онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его обнаруживались кротость и человѣколюбіе» ([19]). Напрасно, однакожъ, стали бы мы искать лицо это въ сочиненіяхъ Карамзина: оно загладилось лицами, съ гораздо могущественнѣйшимъ нравственнымъ и умственнымъ вліяніемъ на него впослѣдствіи.

Невозмутимый покой деревенской жизни со всею, теперь исчезнувшею ея обстановкою, со всѣми ея прежними, дурными и хорошими условіями, окружалъ ребенка Карамзина. Первыя дѣтскія воспоминанія его относятся къ жизни въ деревнѣ, къ тѣмъ людямъ, которые окружали его дѣтство. Въ «Рыцарѣ нашего времени» поднимается предъ нами цѣлый рядъ

([17]) Взглядъ на мою жизнь. Стр. 38.
([18]) Сочин т. III, стр. 253.
([19]) Взглядъ. Стр. 39.

старинныхъ типовъ, далекихъ, исчезнувшихъ представителей первыхъ годовъ Екатерининскаго времени, отставныхъ военныхъ помѣщиковъ, которые рѣдко ѣздили въ городъ, рѣдко разлучались «съ мирными пенатами» и проводили всю жизнь или въ занятіяхъ патріархальнымъ хозяйствомъ или въ веселомъ гостепріимствѣ. Карамзинъ приводитъ содержаніе ихъ разговоровъ: «Деревенское хозяйство, охота, извѣстныя тяжбы въ губерніи, анекдоты старины служили богатою матеріею для разсказовъ и примѣчаній» ([20]). Дѣтскія воспоминанія эти свѣтлымъ призракомъ носились въ памяти Карамзина и фигуры деревенскихъ сосѣдей, друзей отца его—очевидно написаны съ натуры. «Зеркало памяти моей ясно» говоритъ Карамзинъ и въ словахъ его такъ много искренности, что нельзя не вѣрить въ дѣйствительность его живыхъ портретовъ: «Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, витязи Симбирскаго уѣзда, вѣрные друзья капитана Радушина»!—грустно говоритъ онъ, но зеркало памяти его ясно и фигуры дѣтства съ отчетливостію ложатся на бумагу, точные, какъ портреты кисти Боровиковскаго или рѣзца Чемесова. «Какъ теперь смотрю на тебя, заслуженный маіоръ, Ѳадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ, бархатномъ камзолѣ, съ кортикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, непривыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота ландмилиціи повиновалась, и который въ яркихъ звукахъ своихъ нерѣдко ужасалъ дурныхъ воеводъ провинціи! Вижу и тебя, сѣдовласый ротмистръ Буриловъ, простреленный насквозь башкирскою стрѣлою въ степяхъ уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душею; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого нибудь недостойнаго дворянина въ нашемъ уѣздѣ! Гляжу и на важную осанку твою, бывшій воеводскій товарищъ Прямодушинъ, и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя секретарь провинціи, ибо совѣсть умнѣе крючкотворства, вижу, какъ ты

([20]) Соч. т. III. стр. 261.

разсказывая о Биронѣ и тайной канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ тебѣ фельдмаршалъ Минихъ» ([21])....

Бесѣда этихъ людей, воспоминанія прожитой ими жизни, по сознанію Карамзина, имѣли вліяніе на развитіе характера его. Они были для него представителями исчезнувшаго, стариннаго дворянства русскаго, которое въ своемъ идеальномъ и нравственномъ значеніи всегда было дорого Карамзину. Онъ глубоко гордился своимъ дворянскимъ достоинствомъ, высоко цѣнилъ его и опредѣленію его значенія посвящено не мало страницъ его сочиненій. По словамъ Карамзина, «Рыцарь нашего времени» отъ этихъ представителей старинной помѣщичьей жизни, деревенскихъ сосѣдей отца «заимствовалъ русское дружелюбіе, набрался духу русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ боярахъ: ибо спѣсь и высокомѣріе не замѣняютъ ее, ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ» ([22]).

Чтобъ стать на эту сословную точку зрѣнія Карамзина и понять ее, надобно нѣсколько оглянуться назадъ и припомнить историческій ходъ развитія общественнаго положенія нашего дворянства, имѣвшаго свои судьбы. Въ ту пору, когда мальчикъ Карамзинъ выросталъ посреди этихъ провинціальныхъ типовъ, которымъ онъ отдаетъ невольную дань уваженія,—въ полной силѣ существовала знаменитая грамота Петра III «о дворянской вольности»; ея параграфы были въ цѣлости; они давали дѣйствительныя права, хотя и не могли создать того, что создается исторіей. Если и тогда значеніе дворянина въ губерніи измѣрялось количествомъ крѣпостныхъ душъ, то эти крѣпостныя души гораздо чаще переходили изъ рукъ въ руки по родовому праву, чѣмъ *благопріобрѣтались*. Этотъ родъ владѣнія давалъ кажется нѣсколько лучшій характеръ и самому крѣпостному праву. И полновластные бары и безправные рабы, въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу, связывались воспоминаніемъ. Родовое дворянство и давность рода налагали нравственныя обязанности и уважались.

([21]) Соч. т. III. стр. 261—262.

([22]) Тамъ же стр. 264.

Наслѣдники въ своихъ помѣщичьихъ отношеніяхъ не всегда рѣшались на ломку прежняго и хранили отцовское преданіе. Заведенный обычай получалъ значеніе отъ давности. Старинная, родовая связь ставила нравственныя преграды, налагала узду на дикій произволъ.

Дворянское сословіе въ обществѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, посреди всеобщаго невѣжества, было единственнымъ образованнымъ классомъ. Слѣдовательно только оно одно могло служить съ пользою государству. Эта служба, въ соединеніи съ земскимъ значеніемъ, отдавала всякую провинцію во власть дворянства. Дворяне были тогда единственными администраторами и эта власть давала имъ гордость и сознаніе своего достоинства. Они презрительно смотрѣли на то, что называлось приказнымъ крючкотворствомъ, подъячествомъ. Они старались быть чуждыми этой глубокой, старинной язвы.

Но прошли года и представители сословія мельчали постепенно. Силы внутренняго развитія не доставало въ старинномъ дворянствѣ провинцій. Его мысль не возбуждалась; оно не могло отступить даже отъ прадѣдовскаго порядка въ хозяйствѣ; оно раззорялось на ту безплодную роскошь, которая занесена была къ намъ моднымъ подражаніемъ Европѣ. И вотъ—тѣ самые презираемые прежде подъячіе и приказные, учась и образовываясь, получали значеніе на службѣ, вѣсъ въ обществѣ, пріобрѣтали деньги, которыя естественно могли быть употреблены только на то, что пользовалось уваженіемъ и почетомъ и что условливалось дѣвственными, нетронутыми плугомъ пространствами Россіи, при жалкомъ развитіи другихъ экономическихъ условій жизни—на пріобрѣтеніе крѣпостныхъ пахарей. Въ рядахъ дворянскаго сословія, какъ въ рядахъ Наполеоновскаго войска, явилась старая и молодая гвардія, враждебно смотрѣвшія другъ на друга и характеръ крѣпостнаго права въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ долженъ былъ сложиться иначе. Здѣсь не было старыхъ воспоминаній и родоваго преданія. Деньги, добытыя трудомъ и употребленныя на покупку имѣнія, должны были давать доходы и конечно на увеличеніе доходовъ стали обращать главное вниманіе покупатели. Владѣніе душами постепенно переходило въ тяжелую эксплоатацію и власть въ государствѣ стала невольно думать объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ. Такой характеръ владѣнія въ имѣніяхъ благопріобрѣ-

тенныхъ сообщился очень скоро и старымъ, родовымъ, хотя и вслѣдствіе другихъ причинъ. Екатерининская роскошь, поведшая къ учрежденію Сохранной казны Воспитательныхъ домовъ, дававшей легкую возможность закладывать имѣнія, пожары и грабежъ Пугачевщины, стремленіе молодыхъ сержантовъ гвардіи, дѣтей деревенскихъ помѣщиковъ, добиваться блестящей карьеры въ Петербургѣ, и наконецъ постепенное истощеніе почвы раззорили и старую гвардію нашего дворянства. И ему пришлось думать объ увеличеніи доходовъ и для нихъ порвать прежнюю связь съ мужикомъ. Значеніе административной власти въ губерніи росло годъ отъ году и она уже не была въ рукахъ дворянства. Постепенно должна была пропадать родовая гордость дворянства, и безъ всякаго сомнѣнія дѣти маіора Громилова, друга Карамзинскаго дѣтства, голосъ котораго ужасалъ дурныхъ воеводъ провинціи, ѣздили низкопоклонничать къ дурному воеводѣ и выбирали такихъ капитанъ-исправниковъ, которые въ виду ихъ, нагрѣвая руки свои около казенныхъ крестьянъ, оставляли ихъ на полной свободѣ хозяйничать съ своими....

Вмѣстѣ съ этими понятіями стараго дворянина, понятіями о чести и достоинствѣ, которымъ оставался вѣренъ всю жизнь Карамзинъ, вмѣстѣ съ первоначальнымъ чтеніемъ, которое необходимо должно было оказать на него вліяніе и породить въ немъ мечтательность, всегда его отличавшую, на молодой душѣ ребенка-Карамзина сказалось и вліяніе природы. Сочиненія Карамзина изобилуютъ, если не живыми и своеобразными описаніями картинъ природы, то словами о любви къ ней и о вліяніи ея на душу и сердце. Современный міръ былъ полонъ тоскою о природѣ. Утомленныхъ умственною борьбою людей XVIII столѣтія она манила въ свои свѣжія объятія. Послѣ вѣка симметріи и классическихъ формъ, этикета и придворныхъ условій, тягостно ложившихся на жизнь, наступило желаніе естественности и свободы. Пророческій голосъ Ж. Ж. Руссо, скептика по отношенію ко всей прежней цивилизаціи, раздался призывомъ въ Европѣ. Онъ говорилъ о новой жизни, не похожей на старую; онъ говорилъ о правахъ человѣческихъ, забытыхъ въ одностороннемъ развитіи; онъ звалъ людей въ пустыню, на лоно свободной и естественной жизни. Голосъ его звучалъ не даромъ и цѣлая школа французскихъ и нѣмецкихъ писателей повторяла слова его, развивала ихъ далѣе. Въ Швейцаріи, родинѣ Руссо, яви-

лось нѣсколько писателей, писавшихъ о природѣ, систематизировавшихъ ее. Въ сочиненіяхъ ихъ не было строгой науки, но за то было много чувства и любви къ природѣ. Карамзинъ, выросшій въ умственномъ движеніи послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія, первый заговорилъ у насъ о природѣ или, какъ говорили тогда, *о Натурѣ* и въ его сочиненіяхъ мы найдемъ много мыслей, высказанныхъ по поводу вліянія природы на человѣка. Это былъ новый элементъ, внесенный имъ въ нашу литературу, невозможный прежде.

Природа, которая окружала его съ дѣтства — знакома намъ. Ея скудные, но полные широкой жизни образы должны были оказать вліяніе на молодую и впечатлительную душу Карамзина и мы найдемъ въ его сочиненіяхъ указаніе на образы природы, знакомые ему съ дѣтства. Далекое, родное село Михайловка, которое, какъ говорятъ очевидцы, славится своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, почти совсѣмъ не удержалось въ его памяти. «Хотя темно, однакоже помню тамошнія мѣста, пишетъ онъ къ брату Василью Михайловичу, помню, какъ мы съ вами возвращались оттуда въ началѣ зимы» и изъ этой поѣздки вспоминаются Карамзину *заволжскія* вьюги и метели ([23]). Въ «Рыцарѣ нашего времени» можно найти нѣсколько очерковъ природы, посреди которой прошло дѣтство Карамзина и кажется Симбирскъ, съ своею Волгою, гдѣ онъ часто бывалъ въ дѣтствѣ, гдѣ сначала учился, гдѣ потомъ въ началѣ 80-хъ годовъ явился свѣтскимъ человѣкомъ, дольше всего сохранился въ его памяти. Проводя жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ нѣсколько разъ собирался посѣтить свой родной городъ, но съ тѣхъ поръ, какъ его увезъ оттуда землякъ И. П. Тургеневъ, Карамзинъ едва ли бывалъ въ Симбирскѣ. Но вспоминать ему этотъ городъ случалось не разъ, въ болѣе молодые годы, то въ письмахъ къ другу юности И. И. Дмитріеву, то въ письмахъ къ брату. Даже и въ ту пору, когда вся жизнь его была посвящена русской исторіи, онъ пишетъ къ брату, сообщившему ему, что выстроилъ домъ въ Симбирскѣ, на Вѣнцѣ: «Воображаю живо моего любезнѣйшаго брата, сидящаго подъ окномъ прекраснаго домика и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ изъ дѣтства. Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ немногихъ въ Европѣ.

([23]) Атеней 1858 г. № 19 стр. 196.

Вы живете, любезный братъ, въ древнемъ отечествѣ болгаровъ, народа довольно образованнаго и торговаго, порабощеннаго татарами. Близь Симбирска, въ лѣтніе мѣсяцы, кочевалъ иногда славный Батый, завоеватель Россіи» ([24]). Занятый великимъ трудомъ своимъ, Карамзинъ смотрѣлъ на родныя мѣста съ точки зрѣнія исторіи. Но за то Волга, Волга Симбирска, *священнѣйшая* рѣка въ мірѣ, *царица* и *мать кристальныхъ* водъ, по выраженію Карамзина, гдѣ разъ «во цвѣтѣ радостной весны» онъ едва не потонулъ, осталась, кажется, какъ самое дорогое воспоминаніе юности въ его памяти. На ея берегахъ, говоритъ онъ:

«Въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился
И чувствомъ жизни насладился»....

Здѣсь онъ полюбилъ природу:

«Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ».

И Карамзинъ вспоминаетъ красоту береговъ родной рѣки и безконечный рядъ судовъ на ея *серебряномъ хребтѣ*, несущихъ *благословенье земли* ([25]).

Волга и ея образы окружала дѣтство Карамзина; онъ выросъ на ея берегахъ, онъ читалъ первыя книги на ея горахъ и засыпалъ подъ шумъ ея волнъ. Эти образы дѣтства на Волгѣ остались навсегда въ его сердцѣ. «Иногда, оставляя книгу, говоритъ онъ о Леонѣ, смотрѣлъ онъ на синее пространство Волги, на бѣлые парусы судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ, и въ то же мгновеніе снова парятъ въ воздухѣ. Сія картина такъ сильно впечатлѣлась въ его юной душѣ, что онъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, въ кипѣніи страстей, въ пламенной дѣятельности сердца, не могъ безъ особливаго радостнаго движенія видѣть большой рѣки, плывущихъ судовъ, летающихъ рыболововъ: Волга, родина и безпечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, трогали душу, извлекали слезы» ([26]).

([24]) Атеней № 22, стр. 419.

([25]) Волга, стихотвореніе (1793). Соч. т. I. стр. 9—13.

([26]) Соч. т. III. стр. 257.

Дѣйствительно Волга съ своей жизнію, была самымъ сильнымъ воспоминаніемъ Карамзина о его дѣтствѣ, проходившемъ то въ Симбирскѣ, то въ деревнѣ. Но собственныя воспоминанія его чрезвычайно скудны; современныхъ записокъ, за исключеніемъ одного Дмитріева, представившаго небольшой отрывокъ о ребенкѣ-Карамзинѣ, при глубокомъ невѣжествѣ тогдашней жизни, не было. Ребенокъ выросталъ подъ тѣми знакомыми намъ впечатлѣніями, подъ которыми выросло столько русскихъ поколѣній. Только они одни, составляя нѣчто цѣлое, могутъ служить образованіемъ общаго склада характеровъ. Они и Карамзина, по своему образованію примкнувшаго къ общему духовному движенію Европы, сохранили для Россіи. Они спасли въ немъ русское чувство и сдѣлали его русскимъ писателемъ.

Чувствительность, наслѣдственное ли свойство его матери или своеобычная черта его характера, развитая потомъ чтеніемъ и образованіемъ, и мечтательность, какъ слѣдствіе ранняго чтенія современныхъ романовъ—отличали его отъ сверстниковъ и придавали ему оригинальность. «Я былъ еще ребенокъ и умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе ближнихъ». Это страданіе ближнихъ, въ образѣ голоднаго года, незадолго до Пугачевскаго бунта, составляетъ одно изъ грустныхъ дѣтскихъ воспоминаній Карамзина, хотя на мрачномъ фонѣ народнаго бѣдствія рисуется свѣтлая фигура Флора Силина, благодѣтельнаго крестьянина, лица дѣйствительнаго, не смотря на сентиментальный покровъ, какимъ одѣлъ его Карамзинъ ([27]). Въ «Рыцарѣ нашего времени» разсказывается приключеніе съ медвѣдемъ, бросившимся на Леона и убитымъ громомъ. Карамзинъ говоритъ, что *этотъ случай не выдумка* и что онъ возбудилъ и укрѣпилъ навсегда его религіозное чувство и увѣренность въ Творцѣ ([28]). Чтеніе романовъ сильнѣе и глубже дѣйствовало на воображеніе Карамзина всего прочаго. Они, какъ вспоминаетъ онъ самъ, довели его разъ даже до

([27]) Соч. стр. 661—665. По свидѣтельству г. Погодина этотъ Флоръ Силинъ, былъ крестьянинъ села Троицкаго, принадлежащаго Дмитріевымъ. Другъ его читалъ старику статью Карамзина. Москвит. 1846 г. № 4, отд. III, стр. 115.

([28]) Тамъ же стр. 260.

донкихотства и, выбравъ ржавую саблю изъ стараго отцовскаго оружія, «заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился онъ на гумно искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ» ([29]).

Вотъ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя сохранились для насъ о дѣтствѣ Карамзина, еще не тронутомъ воспитаніемъ. Здѣсь уже сказывается его характеръ, смутно зрѣютъ убѣжденія и привязанности. Свободно росъ ребенокъ посреди родныхъ, сосѣдей, полей и лѣсовъ дворянскаго гнѣзда своего, прислушиваясь къ шуму волжскихъ волнъ или слѣдя съ сердечнымъ трепетомъ за фантастическимъ содержаніемъ русской сказки или романа. Годы ранняго Карамзинскаго дѣтства были мирными годами восточной Россіи, но гроза собиралась въ ней и тотъ черный годъ, когда шайки Емели вспугнули дворянъ-помѣщиковъ съ ихъ теплыхъ и давно насиженныхъ гнѣздъ, вѣроятно былъ рѣшительнымъ и въ жизни Карамзина. Безпечная жизнь деревенская должна была смѣниться ученіемъ.

Дѣло жизни и царствованія Петра В. — преобразованіе Россіи, т. е. соединеніе съ Европою въ духѣ и идеѣ, участіе въ общей жизни человѣчества, могло достигнуть только тогда своей цѣли, когда работа его перешла изъ области внѣшней жизни въ область мысли. Въ эпоху рожденія Карамзина въ русскомъ обществѣ и литературѣ подражаніе внѣшней сторонѣ европейскаго образованія было въ полномъ развитіи. Но не смотря на то, что при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, что въ зараждающемся искусствѣ и съ Ломоносовымъ родившейся литературѣ мы встрѣчаемъ вездѣ наружныя, блестящія формы, созрѣвшія въ условіяхъ чужой жизни, духовное содержаніе европейской жизни, ея душа и мысль— были совершенно чужды намъ. Общество обезьянничало, но не жило сознательно.

Для сознательно-историческаго пути намъ необходимо было, чтобъ главное содержаніе европейской мысли, ея духъ, ея наука были усвоены нами и переработаны. Когда Карамзину настало время учиться, въ ту пору, за исключеніемъ чуждой русской жизни Академіи Наукъ въ Петербургѣ, науки не было въ Россіи и одинъ только Московскій университетъ, основанный за десять лѣтъ до рожденія Карамзина, этотъ един-

---

([29]) Сочин. т. II. стр. 318.

ственный въ Россіи университетъ, который можетъ гордиться своими преданіями, знакомилъ нашихъ предковъ съ наукою и удовлетворялъ неизбѣжной потребности знанія, проводя ихъ въ молодую русскую жизнь и воспитывая людей для дѣятельности общественной. «Если мы видимъ, говоритъ Карамзинъ, нынѣ столь многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ; если слогъ приказной не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ, если необходимыя правила логики и языка соблюдаются нерѣдко — въ опредѣленіяхъ судилищъ, если министерство находитъ всегда довольно юношей, способныхъ быть его орудіями и служить отечеству во всѣхъ частяхъ своими знаніями; то государство обязано сею пользою Московскому университету» ([30]). Знаній не доставало нашему подражательному существованію; въ нихъ нуждалась и начинающаяся литература, богатая внѣшними формами, но бѣдная содержаніемъ и мыслію. Если значеніе Карамзина въ исторіи нашего духовнаго развитія заключается въ томъ, что онъ первый изъ нашихъ писателей, не довольствуясь внѣшнимъ подражаніемъ европейскимъ литературнымъ формамъ, по образованію своему, могъ усвоить духъ и мысль Европы, то этимъ образованіемъ своимъ, онъ обязанъ былъ Московскому университету, хотя и не непосредственно ему, а существовавшему при немъ пансіону профессора Шадена, нѣмца, въ числѣ многихъ другихъ его соотечественниковъ, переселившагося въ Москву изъ своей ученой родины для образованія молодыхъ русскихъ поколѣній.

Намъ неизвѣстенъ достовѣрно тотъ годъ, когда Карамзинъ поступилъ въ этотъ пансіонъ въ Москвѣ, неизвѣстно также учился ли онъ здѣсь одинъ, безъ братьевъ, или вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Васильемъ Михайловичемъ, съ которымъ онъ соединенъ былъ тѣсною и продолжительною дружбою. Пугачевщина, съ своимъ грабежемъ и убійствомъ помѣщиковъ, должна была разрушить патріархально-мирную жизнь Карамзиныхъ въ наслѣдственной ихъ деревнѣ, но въ спискѣ жертвъ Пугачевскаго бунта ([31]) мы не встрѣчаемъ ни одного члена этой фамиліи. Вѣроятно или буря шла далеко отъ ихъ села,

---

([30]) Сочин. I. стр. 367.

([31]) Сочин. Пушкина, изд. Анненкова т. VI, стр. 246—281.

или они спаслись отъ нея побѣгомъ въ Симбирскъ, который не былъ взятъ шайками Пугачева, или куда нибудь дальше, подобно семейству Дмитріевыхъ, бѣжавшему отъ волненій, грабежа и кровопролитія въ Москву. Въ сочиненіяхъ Карамзина мы не встрѣчаемъ ни одного воспоминанія объ этой трагической эпохѣ для помѣщиковъ восточнаго края, гдѣ долго въ разныхъ семействахъ дворянскихъ, сосѣднихъ съ Карамзиными, хранились кровавыя преданія (32). Въ 1774 году, когда пойманъ былъ Пугачевъ и привезенъ въ Симбирскъ, Карамзину было уже восемь лѣтъ. Приближалось время, когда надобно было воспитывать подростающихъ дѣтей, а воспитаніе тогда можно было получить только въ Москвѣ. Дмитріевы уже жили въ Москвѣ и И. И. Дмитріевъ видѣлъ и описалъ казнь Пугачева (33). Карамзинъ поступилъ въ пансіонъ Шадена однако позднѣе, хотя съ точностію мы не можемъ опредѣлить времени. По свидѣтельству Дмитріева, это было «съ наступленіемъ юношескаго возраста». По замѣчанію г. Погодина на 14 году (34). Соображая однако разныя обстоятельства, обращая вниманіе на значительный объемъ пріобрѣтенныхъ въ пансіонѣ Шадена свѣдѣній, можно думать, что Карамзинъ поступилъ въ этотъ пансіонъ раньше (35), тѣмъ болѣе, что онъ самъ смотритъ на себя во время пансіонскаго ученія, какъ на ребенка.

Въ пансіонѣ нѣмецкаго профессора, заведенномъ и устроенномъ на нѣмецкій ладъ, съ строгою аккуратностію и съ глубокимъ уваженіемъ къ ученію, прошли первые молодые годы Карамзина до шестнадцати или семнадцатилѣтняго возраста. Здѣсь надобно искать начала его литературныхъ симпатій и антипатій, которымъ онъ оставался вѣренъ всю жизнь свою;

---

(32) Записки Д. Б. Мертваго. Русск. Вѣстн. 1857 г. № 1.

(33) Взглядъ. Стр. 27—30.

(34) По словамъ г. Погодина въ Москвѣ служилъ кто-то изъ симбирскихъ уроженцевъ Александръ Ивановичъ Теряевъ, подъ покровительство котораго и былъ отправленъ Карамзинъ.

(35) Соображеніе, что Карамзинъ кончилъ ученіе у Шадена въ концѣ 1781 года, какъ это обыкновенно принято, т. е. тогда, когда ему было только 15 лѣтъ, значительно подрываетъ увѣренность, что Карамзинъ родился въ 1766 году. Его развитіе и скоро потомъ начавшіеся литературные труды заставляютъ предполагать или то, что онъ родился годомъ раньше, или то, что онъ кончилъ ученіе годомъ позже.

здѣсь посѣяно было то, что потомъ созрѣло и здѣсь же, подъ вліяніемъ строгаго ученія и лучшей современной педагогической теоріи, Карамзинъ обогатился свѣдѣніями, которыя потомъ сдѣлали ему доступною умственную жизнь Европы и познакомили его очень рано съ именами представителей ея духовной дѣятельности, которыхъ онъ рано сталъ уважать.

Въ ту пору, когда началось въ пансіонѣ Шадена ученіе Карамзина, жизнь Европы была полна страстной и ожесточенной умственной борьбы. Почти всѣ народы Европы выставили представителей въ этой многолѣтней борьбѣ съ прошедшимъ, которую начала Англія, воспитанная смѣлыми и свободными своими мыслителями. Но главною страною, гдѣ жарче была эта борьба и ожесточеннѣе нападенія на прошлое и его авторитеты,—была Франція. Имена ея литературныхъ борцовъ, вліяніе ихъ произведеній распространялось далеко, дошло до насъ. Извѣстности ихъ у насъ много способствовало самое направленіе первыхъ годовъ царствованія Императрицы Екатерины, которая была воспитана на вліятельныхъ сочиненіяхъ вѣка. Долго смотрѣла она съ уваженіемъ на энциклопедистовъ и находилась съ ними въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Ея державному примѣру слѣдовалъ дворъ, высшее общество и наконецъ сама литература, настроенная, хотя и чрезвычайно слабо на общій тонъ. Карамзину удалось избѣжать этого господствовавшаго вліянія. Онъ не пошелъ по обычной дорогѣ, неизбѣжной тогда для русскаго дворянина: онъ не попалъ въ руки къ гувернеру французу и не увлекся исключительно вліяніемъ французской литературы. Съ нею познакомился онъ болѣе разумнымъ и сознательнымъ образомъ. Этотъ новый путь его развитія и былъ причиною, почему Карамзинъ своею литературною дѣятельностію начинаетъ новую эпоху нашего образованія и нашей литературы.

Изъ европейскихъ странъ меньше всѣхъ участвовала въ общей умственной борьбѣ Германія. Ожесточенный характеръ борьбы смягчался въ ней наукою, составлявшею главное содержаніе ея жизни и борьба происходила въ ней болѣе въ области теоріи. При раздѣленіи Германіи на мелкія владѣнія—ожесточеніе противъ феодальнаго государства не могло въ ней произвести такія явленія, какія произвело оно во Франціи съ ея сильною централизаціей и соединеніемъ государственныхъ силъ въ одну громадную массу, а протестантизмъ Германіи, дававшій свободу ея мысли, отнималъ у религіозной борьбы

злость и горечь, возможныя въ католическомъ государствѣ. Съ такимъ направленіемъ были и ученые профессоры Германіи, которыхъ вызывали въ молодой Московскій университетъ. Не смотря на то, что языкъ отдѣлялъ ихъ отъ слушателей, они принесли однакожъ пользу Россіи тѣмъ, что хлопотали о наукѣ и передачѣ ея въ странѣ, которая сильно въ ней нуждалась. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ первыхъ профессоровъ Московскаго университета принадлежалъ и Шаденъ, въ пансіонѣ котораго Карамзинъ получилъ первоначальное образованіе и первыя свѣдѣнія.

Шаденъ былъ родомъ изъ Пресбурга въ Венгріи и образованіемъ своимъ обязанъ былъ Тюбингенскому университету, гдѣ подчинился вполнѣ вліянію Лейбнице-Вольфіанской философіи, которая сказалась и въ его педагогической теоріи ([36]). Получивъ въ Тюбингенскомъ университетѣ степень доктора философіи, Шаденъ прибылъ въ Москву въ 1756 году въ качествѣ ректора надъ двумя университетскими гимназіями. Какъ ученый авторъ, Шаденъ неизвѣстенъ и вся жизнь его была посвящена преподаванію. Московскому университету онъ служилъ 41 годъ ([37]). Существенная польза, принесенная Шаденомъ русскому обществу, заключается въ воспитаніи нѣсколькихъ поколѣній, вынесшихъ изъ подъ его руководства полезныя свѣдѣнія для жизни и благодарную память о своемъ воспитателѣ. Его собственное преподаваніе, основывавшееся на древнихъ языкахъ, было очень разнообразно. Въ гимназіяхъ (дворянской и разночинцевъ), имъ образованныхъ первоначально, Шаденъ преподавалъ риторику, піитику, миѳологію, курсъ философіи, училъ языку латинскому и греческому и вызывался даже преподавать охотникамъ языкъ еврейскій и халдейскій. Преподаваніе его въ университетѣ происходило на языкѣ латинскомъ и нѣмецкомъ.

Къ сожалѣнію о пребываніи Карамзина въ пансіонѣ Шадена, помѣщавшемся въ его собственной квартирѣ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Соучениковъ у Карамзина было только 8 человѣкъ; между ними г. Погодинъ называетъ двухъ братьевъ Бекетовыхъ: Платона и Ивана Петровичей,

---

([36]) Словарь профессоровъ Московскаго университета. М. 1855 г. ч. 2, стр. 558—574.

([37]) Шевыревъ. Исторія Московскаго университета. М. 1855 г., стр. 32.

сдѣлавшихся потомъ извѣстными по любви къ наукѣ и къ просвѣщенію. Можно предполагать, что въ пансіонѣ же Шадена была первая встрѣча Карамзина съ другомъ его Петровымъ, имѣвшимъ такое сильное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе. Въ пансіонѣ преподавалъ самъ Шаденъ и приходившіе учителя, но что и въ какомъ видѣ преподавалось въ этомъ пансіонѣ—намъ неизвѣстно. Карамзинъ, въ составленной имъ для митрополита Евгенія автобіографической запискѣ, говоритъ, что онъ посѣщалъ изъ пансіона также и нѣкоторые классы Московскаго университета. По всей вѣроятности это должно относиться къ одной изъ гимназій, находившихся въ вѣдѣніи Шадена.

Фонъ-Визинъ, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Московскаго университета, мало вынесшій вообще изъ тогдашняго университетскаго преподаванія, сохранилъ однакожъ благодарную память о Шаденѣ. «Сей ученый мужъ, говоритъ онъ, имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны» ([38]). Муравьевъ, впослѣдствіи попечитель Московскаго университета и воспитатель Великихъ Князей, въ своемъ посланіи къ И. П. Тургеневу, товарищу дѣтства и соученику своему, вспоминая прежнихъ профессоровъ, говоритъ, что «Шаденъ истину являетъ безъ покрова» ([39]). Ученики Шадена любили его; они чувствовали, какъ многимъ были ему обязаны и когда достойный профессоръ умеръ въ 1797 году, въ память ему было написано нѣсколько благодарныхъ, полныхъ чувства рѣчей и стиховъ ([40]). И Карамзинъ съ особенно нѣжнымъ чувствомъ вспоминалъ своего учителя. Во время путешествія своего по Европѣ, въ Лейпцигѣ, гуляя въ Вендлеровомъ саду, онъ увидѣлъ мраморный памятникъ Геллерту, и вспомнилъ «то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку, когда профессоръ Шаденъ, преподавая намъ, *маленькимъ* ученикамъ своимъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen), съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ

([38]) Чистосердечное признаніе. См. Сочиненія, изд. Глазунова. Спб. 1866 г., стр 540.

([39]) Сочиненія, изданіе Смирдина, т. I, стр. 85.

([40]) Пріятное и полезное препровожденіе времени, ч. XVI, стр. 31—32. Словарь проф. ч. 2. стр. 564.

васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы!» Воспоминанія разтрогали мое сердце» ([41]).

Это указаніе Карамзина о Геллертѣ (1715—1769), какъ о томъ нѣмецкомъ писателѣ, которому подражалъ учитель его Шаденъ, позволяетъ намъ нѣсколько остановиться на содержаніи его ученія. Кромѣ басенъ, которыя пользовались чрезвычайной популярностію въ Германіи и сдѣлали народнымъ имя его, Геллертъ былъ еще профессоромъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ его популярныя лекціи о нравственности находили весьма много слушателей и хотя набожнымъ характеромъ своимъ нѣсколько напоминали піэтистовъ, но чрезвычайно ясно, съ точки зрѣнія здраваго смысла, говорили о справедливости, добродѣтели и религіи ([42]). Нравственное ученіе Геллерта, враждебное древнимъ и деистамъ, отличалось нѣсколько ипохондрическою слабостью, мораль его и въ басняхъ была слаба, притомъ она была болтлива, но въ умственной жизни Германіи прошлаго вѣка его вліяніе было ощутительно, особенно въ среднемъ сословіи общества, такъ что Гёте имѣлъ полное право назвать его сочиненія «основаніемъ нравственной культуры Германіи.» Геллерту надобно приписать самое сильное распространеніе въ литературѣ, а чрезъ нея и въ обществѣ той *чувствительности* или сентиментальности, которая долго господствовала въ нѣмецкой литературѣ и посредствомъ воспитанія у Шадена отразилась и въ произведеніяхъ Карамзина. Современники были въ полномъ восторгѣ отъ него, а Карамзинъ отзывается о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Сколько можно судить по воспоминанію учениковъ, лекціи Шадена о нравственности многимъ обязаны были идеямъ Геллерта, хотя потомъ, онъ и слѣдилъ за развитіемъ мысли въ Германіи и за ея представителями, далеко ушедшими впередъ отъ того времени, когда Геллертъ читалъ въ Лейпцигѣ свои популярныя лекціи о нравственности. Нравственное ученіе Геллерта было приводимо Шаденомъ въ систему. Собственныя мысли, нравственные, жизненные и политическіе идеалы Шадена видны въ нѣкоторыхъ латинскихъ рѣчахъ,

---

([41]) Соч. т. II, стр. 120.

([42]) Schmidt Iul. Gesch. d. geist. Lebens in Deutschland 1862. B. I. S. 611—613. Лучшая характеристика Геллерта, его личности, содержанія его сочиненій и вліянія на общество принадлежитъ Гервинусу: Geschichte der deutschen Dichtung. IV. Bd. Leipz. 1853. S. 85—90.

произнесенныхъ имъ по разнымъ случаямъ. Онѣ отличаются глубиною мысли и основательностію и изъ нихъ становится намъ ясно, что Шаденъ принадлежалъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые выбрали задачею своей дѣятельности, съ помощію науки и убѣжденія, бороться съ волнующими современный міръ ученіями энциклопедистовъ. Въ рѣчахъ своихъ Шаденъ говорилъ о Богѣ, о любви къ нему, о могуществѣ вѣры, которой долженъ подчиниться разумъ, о непреложныхъ законахъ, правящихъ міромъ, и недопускающихъ слѣпаго случая, о монархіи, какъ лучшемъ образѣ правленія, единственно возможномъ въ Россіи, гдѣ идеи государя и отечества должны быть нераздѣльны, и въ особенности о воспитаніи, которое должно быть непремѣнно согласовано съ государственными потребностями. Говоря о наукѣ, Шаденъ нападаетъ на одностороннее развитіе ума; онъ желаетъ участія въ пріобрѣтеніи знанія сердца и чувства, желаетъ больше воспитанія нравственнаго, чѣмъ холодныхъ свѣдѣній и эту живую сторону требуетъ отъ воспитательныхъ учрежденій. О русскомъ народѣ, какъ народѣ сѣверномъ, Шаденъ говоритъ, что чувства его должны быть грубы и что на нихъ, для развитія *чувствительности*, необходимо дѣйствовать воспитаніемъ ([43]). Замѣтить надобно, что Шаденъ желалъ воспитанія такого, которое бы имѣло близкую связь съ обществомъ, не чуждалось его, а служило ему.

Соображая педагогическія и нравственныя убѣжденія Шадена съ тѣми свидѣтельствами, которыя дошли до насъ о его честномъ личномъ характерѣ, какъ человѣка и професора, о твердости его убѣжденій, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, сопоставляя съ этимъ общій характеръ всѣхъ произведеній Карамзина, и тонъ ихъ, и политическіе идеалы, вынесенные имъ изъ глубокаго изученія отечественной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно согласные съ ученіемъ Шадена, и нравственныя свойства его произведеній, мы убѣждаемся, что гораздо сильнѣе дѣтскихъ вліяній и общества, окружавшаго ребенка въ симбирской деревнѣ, было вліяніе на него воспитательнаго заведенія Шадена. Изъ него онъ вышелъ прямо въ жизнь и принесъ съ собою въ нее, вмѣстѣ съ сложившимися убѣжденіями, которыя на-

---

([43]) Шевыревъ. Исторія Москов. универ. Стр. 157—161. Біографіи профессоровъ. ч. 2, стр. 569—574.

всегда опредѣлили его литературную дѣятельность и положительныя свѣдѣнія, необходимыя для нея. Мы позволяемъ себѣ думать даже, что вліяніе Шадена и воспитанія имъ даннаго Карамзину было сильнѣе и значительнѣе послѣдующаго, именно Новикова и того мистико-масонскаго кружка людей, который образовался около этого замѣчательнѣйшаго представителя умственной жизни нашего отечества въ концѣ прошлаго столѣтія. Если вліяніе Новиковскаго кружка и спасло Карамзина отъ пустоты и бездѣятельности свѣтской жизни въ провинціи, давъ ему толчекъ и сблизивъ его съ умственными интересами, то съ другой стороны этотъ кружокъ не привилъ къ нему своихъ убѣжденій; прежнія вліянія оказались сильнѣе; въ Европѣ, въ бесѣдѣ съ представителями ея литературы, эти прежнія вліянія опять получили силу; свѣжій воздухъ заграничной жизни развѣялъ то, что могло запасть въ душу Карамзина изъ масонства, а преслѣдованія послѣдняго со стороны правительства уже не позволили ему раздѣлять далѣе убѣжденій разсѣяннаго кружка.

Гораздо труднѣе сказать, въ чемъ состояли положительныя свѣдѣнія, которыя Карамзинъ вынесъ изъ пансіона Шадена, гдѣ по всей вѣроятности пробылъ около четырехъ лѣтъ, хотя опредѣлить положительно годы его пребыванія въ пансіонѣ невозможно, при спутанности и неопредѣленности всѣхъ біографическихъ данныхъ о Карамзинѣ. Въ воспоминаніи объ урокахъ Шадена по Геллерту, Карамзинъ называетъ себя *маленькимъ* ученикомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ о чтеніи донесеній англійскихъ торжествующихъ генераловъ изъ временъ войны съ возникающими Сѣверо-Американскими штатами ([44]). Для того, чтобъ интересоваться современными политическими событіями, нужно было уже имѣть достаточное развитіе.

Положительно можно сказать, что Карамзинъ въ пансіонѣ Шадена познакомился хорошо съ иностранными языками: французскимъ и нѣмецкимъ, а можетъ быть и англійскимъ, хотя онъ не могъ говорить на этомъ послѣднемъ языкѣ ([45]).

([44]) Сочиненія. т. II, стр. 773.

([45]) Онъ такъ хорошо зналъ языкъ нѣмецкій, что въ письмѣ къ Боннету имѣлъ право сказать: «богатство и сила нѣмецкаго языка мнѣ извѣстны». Сочин. т. II. Стр. 345.

Древніе языки не были ему знакомы ([16]). Знакомство же съ новыми, подъ вліяніемъ и при совѣтахъ воспитателя, доставило ему средства для обширнаго образовательнаго чтенія, особенно въ нѣмецкихъ авторахъ и дало ему возможность очень скоро явиться печатнымъ переводчикомъ съ нѣмецкаго. Выборъ этихъ переводовъ совершенно совпадаетъ съ направленіемъ Шадена. Воспитатель полюбилъ Карамзина и доставилъ ему знакомства въ близкихъ ему иностранныхъ домахъ, слѣдилъ за его чтеніемъ и направлялъ его ([17]). Карамзинъ думалъ кончить свое воспитаніе въ Лейпцигскомъ университетѣ и искренно, глубоко сожалѣлъ, что обстоятельства не позволили ему исполнить этого намѣренія ([18]), сожалѣлъ о потерянныхъ годахъ.

По всей вѣроятности Карамзинъ оставилъ, для вступленія въ службу, пансіонъ Шадена въ 1782 году.

II.

Петербургъ. Первый литературный опытъ Карамзина. Москва и духовное развитіе Карамзина въ кругу масоновъ. Первые переводные и оригинальные труды. Отношеніе къ идеямъ масонства и мистицизма (1783—1789).

Оставивъ въ 1782 году пансіонъ Шадена, Карамзинъ могъ посѣтить на нѣкоторое время свою родину, хотя на это и нѣтъ положительныхъ указаній. По крайней мѣрѣ, явившись въ Петербургъ на службу въ Преображенскій полкъ, куда онъ былъ записанъ по старому обычаю еще въ дѣтствѣ подпрапорщикомъ, Карамзинъ привезъ своему родственнику И. И.

([46]) Греческому языку онъ начиналъ учиться по грамматикѣ Тренделенбурга, но по его замѣчанію «послѣ не имѣлъ уже времени думать о немъ». Сочин. т. II, стр. 33. Изъ письма къ нему Петрова видно, что по латыни онъ не учился. Русск. Арх. 1863 г. Стр. 889.

([47]) Погодинъ. Утро. Стр. 16. Старчевскій. Стр. 15 и 16.

([48]) Сочин. т. II, стр. 115.

Дмитріеву письмо отъ отца ([1]). Дмитріевъ, еще въ симбирскомъ домѣ отца познакомившійся съ начинавшеюся русскою литературою, по пріѣздѣ въ Москву увлеченный чтеніемъ современныхъ русскихъ поэтовъ, семнадцати лѣтъ сталъ писать стихи, служа унтеръ-офицеромъ въ Семеновскомъ полку. Стихи эти тогда же были напечатаны. Извѣстно, что въ ту пору для нѣсколькихъ русскихъ поэтовъ-дворянъ, избравшихъ военную службу, караульня служила храмомъ Аполлона. Литература или скорѣе стихи безъ глубокаго содержанія, оды и надписи, басни и эклоги были въ большой модѣ: ими пріобрѣталась извѣстность и значеніе въ свѣтѣ, при видимомъ покровительствѣ императрицы литературнымъ занятіямъ. Дмитріевъ не былъ воспитанъ въ такой строгой школѣ, какъ Карамзинъ; кругъ его чтенія ограничивался только современными русскими стихотворцами и легкими французскими поэтами, которымъ онъ подражалъ. Но Дмитріевъ былъ старше шестью годами своего земляка и родственника, былъ уже опытнымъ въ литературномъ дѣлѣ, а потому не мудрено, что примѣръ его увлекъ въ писательство и Карамзина. Кромѣ родственной связи, дружба Карамзина съ Дмитріевымъ основывалась преимущественно на общей склонности ихъ къ поэзіи и вообще къ словесности. Переписка ихъ между собою, продолжавшаяся до самой смерти Карамзина, посвящена въ молодости главнымъ образомъ литературнымъ вопросамъ; друзья передаютъ впечатлѣнія прочитаннаго и пересылаются стихами ([2]). Безъ сомнѣнія, подобно Дмитріеву и Карамзинъ началъ свою литературную дѣятельность стихами, но какіе изъ нихъ относятся къ этому времени петербургской военной службы и молодыхъ волненій его—намъ неизвѣстно. ([3]) Первымъ печатнымъ произведеніемъ Карамзина, явившимся въ свѣтъ съ его именемъ былъ пере-

---

([1]) Взглядъ на мою жизнь. Стр. 39.

([2]) Утро. Стр. 32—38. Значеніе обширной переписки Карамзина съ Дмитріевымъ безспорно будетъ важно для біографіи перваго. Она, какъ извѣстно, должна появиться въ свѣтъ къ юбилею, въ изданіи Я. К. Грота.

([3]) Первый переводъ его съ нѣмецкаго, упоминаемый Дмитріевымъ (Взглядъ, стр. 40) и обмѣненный имъ у издателя книгопродавца Миллера на переводъ романа Фильдинга Томъ Джонсъ, былъ Разговоръ Австрійской Маріи Терезіи съ нашей Императрицей Елисаветой Петровной въ Елисейскихъ поляхъ. Переводъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ отысканъ. См. Галаховъ. Н. М. Карамзинъ. Статья вторая, Современникъ. 1853 г. Т. XLII, отд. III, стр. 3.

водъ съ языка нѣмецкаго, въ которомъ онъ примѣнилъ свои свѣдѣнія, вынесенныя имъ изъ пансіона Шадена ([4]).

Какъ вся русская поэзія того времени, въ которой пытали себя молодыя силы, была чужда дѣйствительности, такъ и первый извѣстный намъ переводъ Карамзина, напечатанный въ то время, когда онъ служилъ въ гвардейскомъ полку въ Петербургѣ, въ 1783 году, сдѣланъ имъ былъ изъ писателя, котораго идилліи пользовались чрезвычайною славою въ XVIII вѣкѣ, но были изображеніемъ жизни идеальной, совершенно не похожей на дѣйствительность ([5]). Поэзія Геснера принадлежала къ болѣзненнымъ явленіямъ въ литературѣ XVIII вѣка. Аркадскій міръ его идиллій, этотъ идеалъ блаженства, лежащій въ прошломъ, не впереди человѣчества, былъ идеаломъ не свободы и дѣйствія, а выраженіемъ тоскливаго, слабодушнаго чувства, неудовлетвореннаго настоящимъ. Въ этихъ сладкихъ, изнѣженныхъ звукахъ, въ этихъ живописныхъ и мягкихъ ландшафтахъ природы, въ этой патріархальной простотѣ нравовъ, доходившей до манерности и изысканности, мы не видимъ живаго и крѣпкаго чувства историческаго. Этотъ мелкій міръ, съ своими мирными героями, какъ бы застылъ и не движется посреди буколической любви, звуковъ свирѣли и мечтательнаго счастія, въ которомъ раскрывался просторъ сентиментальному воображенію. По всей вѣроятности выборомъ идилліи Геснера для перевода Карамзинъ обязанъ былъ воспитанію, полученному имъ въ пансіонѣ Шадена. Онъ любилъ Геснера и цѣнилъ его идилліи. Сердечно жалѣлъ онъ потомъ, увидѣвъ не далеко отъ Базеля его памятникъ, что не засталъ въ живыхъ «нѣжнаго пѣвца Швейцаріи» ([6]). Даже страна эта предстала ему въ той идиллической обстановкѣ, въ какой является она у Геснера и на него находило желаніе «возвратиться въ первобытное состояніе человѣка», пожить жизнію «добродушныхъ пастуховъ» швейцарскихъ ([7]).

([4]) Деревянная нога, швейцарская идиллія г. Геснера. Спб. 1783 г. Въ вольной типографіи Брейткопфа. Въ подлинникѣ идиллія эта (das hölzerne Bein) заключаетъ всего пять стр. 12°.

([5]) См. Gervinus: Gesch. d. d. Dichtung, IV B. S. 149—156 и Hettner: Gesch. d. deutsch. Literatur im achtz. Jahrh. 2. B. 1864, S. 114—116.

([6]) Сочин. т. II. Стр. 200.

([7]) Тамъ же, стр. 278—279.

Этимъ переводомъ началось литературное поприще Карамзина. Не составь онъ себѣ славнаго имени въ исторіи нашего духовнаго развитія, эта маленькая книжечка, слабый и робкій опытъ юноши, потерялась бы между множествомъ подобныхъ явленій, но намъ она дорога, потому что принадлежитъ Карамзину, потому что и въ ней сказывается его общее направленіе и путь, по которому онъ такъ долго шелъ впослѣдствіи.

Не долго по видимому пробылъ Карамзинъ въ Петербургѣ. Военная служба въ гвардейскихъ казармахъ чуть было не смѣнилась для него дѣйствительною. Онъ «хотѣлъ враговъ разить, хотѣлъ военной славы», но неизвѣстныя намъ обстоятельства помѣшали этому желанію ([8]). Между тѣмъ случилась смерть отца ([9]); домашнія дѣла, раздѣлъ имѣнія, вѣроятно были причиною того, что Карамзинъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и уѣхалъ на родину. Здѣсь, въ 1785 года засталъ его Дмитріевъ въ свѣтскомъ кругу Симбирска и удивился значительной перемѣнѣ въ немъ. Вмѣсто неопытнаго и миловиднаго юноши, онъ увидѣлъ «человѣка надежнаго на себя въ обществѣ, опытнаго за вистовымъ столомъ, любезнаго въ дамскомъ кругу.» Пріятели обрадовались другъ другу; литературные вопросы опять сдѣлались предметомъ ихъ разговоровъ и вмѣстѣ читали они въ Симбирскѣ Юнговы «Ночи». Но свѣтская жизнь Симбирска была завлекательна для молодаго Карамзина и кто знаетъ, какъ долго длилась бы она, еслибъ землякъ его Иванъ Петровичъ Тургеневъ, богатый симбирскій помѣщикъ и искренній другъ Новикова не замѣтилъ дарованій и образованія Карамзина, которые могли пригодиться въ обширныхъ литературныхъ предпріятіяхъ Новикова и не уговорилъ его ѣхать въ Москву.

([8]) Г. Погодинъ сообщаетъ, что назначеніе въ дѣйствительную службу доставалось тогда только богатымъ офицерамъ, притомъ оно зависѣло отъ секретаря, которому надобно было дать взятку, а у Карамзина не было денегъ. См. Утро, стр. 18. Мы не знаемъ источника этихъ свѣдѣній.

([9]) Къ сожалѣнію и это обстоятельство не опредѣлено точнымъ образомъ. Въ примѣчаніяхъ г. Лонгинова къ запискамъ Дмитріева обозначается 1785 годъ, у г. Погодина 1783 или 1784 годъ. Вообще годы жизни Карамзина съ 1782 по 1785, со времени окончанія ученія въ пансіонѣ и до близкой связи съ литературнымъ и масонскимъ кружкомъ Новикова, являются почти пробѣломъ въ его біографіи,—такъ мало мы имѣемъ для нихъ свѣдѣній.

Объ Иванѣ Петровичѣ Тургеневѣ впослѣдствіи бригадирѣ, а при императорѣ Павлѣ Петровичѣ Дѣйствительномъ Статскомъ Совѣтникѣ и послѣднемъ директорѣ Московскаго университетѣ, отцѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ въ литературныхъ русскихъ преданіяхъ сыновей, мы имѣемъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія. Землякъ Карамзину, онъ учился въ Московской гимназіи (1768—1771) и можетъ быть потомъ и въ университетѣ. Такимъ образомъ онъ былъ товарищемъ извѣстному писателю М. Н. Муравьеву, бывшему потомъ воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, и другомъ ему, что свидѣтельствуетъ поэтическое посланіе Муравьева, написанное въ 1774 году къ Тургеневу ([10]). Воспитаніе въ Москвѣ дало возможность Тургеневу сблизиться съ представителями литературы нашей того времени, а служба въ Москвѣ, при извѣстномъ генералъ-губернаторѣ графѣ З. Х. Чернышевѣ—поддерживать эти связи ([11]). Рано сблизился онъ съ Новиковымъ, (если считать принадлежащимъ ему въ журналѣ послѣдняго «Живописецъ» отрывокъ изъ путешествія по Россіи, гдѣ въ первый разъ поднятъ былъ голосъ противъ темной стороны крѣпостнаго права), и вмѣстѣ съ Новиковымъ былъ увлеченъ масонствомъ, въ распространеніи котораго принималъ самое дѣятельное участіе. Имъ была даже основана масонская ложа въ Симбирскѣ, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Голубцова ([12]). Послѣ процесса Новикова, Тургеневъ былъ сосланъ въ свою деревню, но вмѣстѣ съ Новиковымъ и другими мартинистами былъ прощенъ императоромъ Павломъ и сдѣланъ директоромъ Московскаго университета. Что Тургеневъ былъ человѣкъ образованный, видно изъ того, что онъ участвовалъ въ переводахъ нѣкоторыхъ мистическихъ и масонскихъ книгъ. Съ его рекомендаціею молодой Карамзинъ вступилъ въ 1785 году въ совершенно уже сформированный кругъ Новикова, кругъ, полный широкихъ плановъ и начинаній, дѣятельности разнообразной, направленной къ благу человѣчества и русскаго просвѣщенія.

Но еще прежде пріѣзда въ Москву въ концѣ лѣта 1785 года, Карамзинъ былъ уже близокъ съ однимъ изъ дѣятельныхъ

([10]) Сочиненія, изд. Смирдина, т. I. стр. 62—65.

([11]) Шевыревъ, Исторія Моск. ун. стр. 170 и 289.

([12]) Тихонравова, Лѣтописи, т. V. Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ, стр. 89.

литературныхъ сотрудниковъ Новикова—Александромъ Андреевичемъ Петровымъ (ум. въ 1793 году). Дружба съ этимъ человѣкомъ, являющимся въ сочиненіяхъ Карамзина подъ поэтическимъ именемъ «Агатона», имѣла на него глубокое вліяніе. Петровъ былъ развѣ двумя годами старше своего друга, но его сдержанный характеръ, строгое развитіе мысли, чуждое сентиментальности и разслабленности, замѣтныхъ въ Карамзинѣ, большее образованіе (Петровъ зналъ классическіе языки и превосходно былъ знакомъ съ англійскою литературою) благотворно дѣйствовали на воспріимчивую натуру Карамзина, который смотрѣлъ на своего друга, какъ на существо высшее. Петровъ направлялъ и чтеніе Карамзина и дѣлалъ выборъ для его литературныхъ трудовъ; нѣсколько лѣтъ, до самаго отъѣзда Карамзина за-границу, они были неразлучны и жили на одной квартирѣ. Когда началась эта дружба опредѣлительно сказать нельзя, но изъ писемъ Петрова къ Карамзину, писанныхъ изъ Москвы лѣтомъ 1785 года, передъ самымъ пріѣздомъ туда Карамзина видно, что дружба эта была въ полномъ развитіи ([13]). Изъ этой переписки видно, что Петровъ стоялъ гораздо выше въ духовномъ отношеніи Карамзина. Онъ шутитъ надъ его меланхоліей и скукой, навѣянными пустотою провинціальной жизни и даетъ ему здравые, практическіе совѣты для дѣятельности, хотя, какъ видно изъ той же переписки, Карамзинъ не всегда скучалъ; онъ смѣется надъ какою то пьесою Карамзина о «Соломонѣ», написанною по нѣмецки, гдѣ онъ въ трехъ строкахъ нашелъ пять ошибокъ противъ языка. Карамзинъ, не смотря на разсѣянность свѣтской жизни въ Симбирскѣ, читалъ въ немъ Шекспира, любимаго писателя Петрова и вѣроятно готовилъ свой переводъ «Юлія Цезаря». Петровъ, по видимому близкій съ масонами, звалъ Карамзина къ *Іоаннову дню*, празднику масонскихъ ложъ.

Если мистицизмъ и масонство въ концѣ XVIII вѣка у насъ въ Россіи были явленіями, занесенными, подобно многимъ другимъ, изъ европейской умственной жизни, если они не имѣли въ русскомъ обществѣ ни историческихъ причинъ, ни исторической почвы, какъ на Западѣ, то все таки мы имѣемъ право утверждать, что состояніе русской жизни и ея условія были благопріятны для нихъ и во многомъ ихъ оправдывали. Какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, масонство могло по-

([13]) Русскій Архивъ 1863 г. Стр. 881—890.

явиться совершенно естественно и найти благопріятную почву для своего развитія, сдѣлаться даже явленіемъ, принесшимъ извѣстную долю пользы русскому обществу.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ западной Европѣ и преимущественно въ Германіи, съ которою наши петербургскіе и московскіе масоны имѣли непосредственныя сношенія, мы видимъ быстрое усиленіе и развитіе разныхъ тайныхъ обществъ, извѣстныхъ подъ названіемъ масоновъ, иллюминатовъ, розенкрейцеровъ и др. Различныя историческія причины способствовали этому тайному, но съ широкими границами движенію. Съ одной стороны іезуитскій орденъ, послѣ реформаціонныхъ войнъ, снова и въ новомъ блескѣ возстановилъ католичество, грозившее свободѣ мысли. Съ другой стороны тогдашнее политическое устройство государствъ въ западной Европѣ было такого рода, что форма ихъ не допускала возможности личнаго участія, личной дѣятельности развитаго гражданина въ дѣлахъ общественныхъ, а между тѣмъ эти развитыя личности страстно желали общественной дѣятельности. За невозможностію ея, весь пылъ подобныхъ стремленій уходилъ въ дѣятельность тайныхъ обществъ, гдѣ раскрывался полный просторъ личнымъ начинаніямъ. Стремленія эти были сильны и могущественны, потому что они вызывались всѣмъ развитіемъ литературы и мысли въ XVIII вѣкѣ, которое, освобождая сердце и умъ, требовало вмѣстѣ съ тѣмъ и свободы полической дѣятельности, а она не допускалась гнетомъ феодальнаго государства, господствовавшаго во всей силѣ до французской революціи. Чего хотѣли тайныя общества масоновъ, иллюминатовъ и др.? Исключенные изъ государственной дѣятельности, братья орденовъ не могли имѣть въ виду близкой, практической цѣли въ государствѣ; они были чужды политическимъ стремленіямъ, не думали о государственномъ переворотѣ и одною изъ первыхъ обязанностей брата считали повиновеніе государю, во владѣніяхъ котораго жили и существующимъ въ нихъ законамъ. Цѣль тайныхъ обществъ была гораздо дальше, была чище и идеальнѣе, вызываясь современными общественными явленіями: этимъ неестественнымъ развитіемъ ума и грубымъ невѣжествомъ массъ въ XVIII вѣкѣ. Тайныя общества хотѣли всеобщаго просвѣщенія и идеальнаго христіанства, очищеннаго отъ фанатизма и суевѣрія. Это нравственное дѣло должно быть достигнуто братскими усиліями общества, а потому необходимо было увеличивать число братій, такъ какъ каждый изъ нихъ

являлся работникомъ будущаго зданія для просвѣтленнаго и счастливаго человѣчества. Понятно, что въ такомъ обществѣ первую и главную роль должны были играть писатели, такъ какъ только нравственными, литературными средствами можно было проводить въ жизнь цивилизующія начала. Сочиненія должны были издаваться въ одномъ духѣ, для чего необходимъ союзъ писателей, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи, необходимы матеріальныя средства для подобной литературной дѣятельности: типографіи, книжныя лавки, читальни, необходимо воспитаніе въ извѣстномъ направленіи, а потому ордена заводили свои школы, воспитательныя заведенія и проч. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, вербуя во всѣхъ сословіяхъ и народахъ своихъ членовъ, тайное общество, въ концѣ концевъ, должно было потерять этотъ характеръ свой: предѣлы человѣчества были его предѣлами. Такимъ образомъ въ усиліяхъ тайныхъ обществъ мы видимъ благую, честную цѣль, хотя сами они были порожденіемъ больнаго и неестественнаго устройства общественной жизни.

Если въ Россіи XVIII столѣтія и не было тѣхъ историческихъ причинъ, которыя въ Европѣ породили тогда движеніе тайныхъ обществъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они нашли у насъ весьма благопріятную почву и обширное поле для дѣятельности. Кто не знаетъ нашего эфемернаго умственнаго развитія въ XVIII вѣкѣ, вызваннаго горячечнымъ подражаніемъ Европѣ послѣ реформы Петра В., это неестественное, почти больное развитіе головъ въ верху и спящую неподвижность массы въ низу? Кто не знаетъ недостатка нравственныхъ убѣжденій въ нашихъ людяхъ XVIII вѣка, ихъ грубыхъ, чисто матеріальныхъ побужденій для дѣятельности, ихъ жизни точно въ лагерѣ страны завоеванной, презрѣнія ко всякой умственной дѣятельности и жадную погоню въ высшихъ классахъ, гдѣ сосредоточивалась вся жизнь государства, за золотомъ и наслажденіями? Что-то черствое, жесткое видно въ этихъ натурахъ и бѣдность ихъ внутренняго содержанія не скрывается отъ насъ ни блескомъ царствованія Екатерины, ни ея гуманными фразами, ни звонкими стихами Державина ([14]). Людямъ нравственно развитымъ съ болью кидались

([14]) Прекрасную характеристику русскаго общества XVIII столѣтія и явленій, вызвавшихъ противодѣйствіе въ масонствѣ и мистицизмѣ, сдѣлалъ покойный С. В. Ешевскій въ статьѣ своей «Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній

въ глаза всѣ эти печальныя противорѣчія общества, сердце ихъ должно было скорбѣть. Надобно прибавить ко всему этому, что съ легкой руки Императрицы, многимъ обязанной сочиненіямъ французскихъ энциклопедистовъ и лично знакомой съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ обществѣ, даже теоретически, господствовалъ матеріализмъ, развиваемый передовыми мыслителями Франціи и изсушающій сердце. Естественно, необходимо являлось противодѣйствіе этому направленію, и, если оно вдалось въ крайности, то онѣ были вызваны крайностями противоположнаго явленія; но заслуга русскаго масонства передъ русскимъ обществомъ, разумѣется въ той ограниченной сферѣ дѣйствія, какая была предоставлена ему, и между немногими личностями, литературнымъ путемъ, была очень велика. Русское масонство боролось съ матеріализмомъ и глубокою чувственностію, оно возставало противъ индефферентизма и фанатизма въ религіи, противъ односторонняго развитія ума при совершенномъ забвеніи сердца; оно желало просвѣщенія массы, желало лучшаго матеріальнаго устройства ея быта и съ этой цѣлію помогало бѣднымъ. Вотъ почему просвѣщенный митрополитъ московскій, знаменитый Платонъ, послѣ испытательной бесѣды по указу Императрицы Екатерины съ Новиковымъ, доносилъ ей въ 1786 году, между прочимъ слѣдующее: «Какъ предъ престоломъ Божьимъ, такъ и предъ престоломъ Твоимъ, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести Тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, Всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ» ([15]).

Въ самомъ дѣлѣ чего хотѣли русскіе масоны? Ихъ главная, ихъ существенная цѣль заключалась въ воспитаніи *внутренняго человѣка*, не въ томъ только освобожденіи его отъ историческихъ опредѣленій, о которомъ хлопотали деистическія ученія вѣка, но и въ развитіи его внутренней стороны, задавленной господствомъ животныхъ инстинктовъ. Вѣра въ Бога, религія страны, повиновеніе государю и исполненіе законовъ—оставались нетронутыми, ихъ желали только чище и сознательнѣе. Конечно

къ статьѣ Новиковъ и Шварцъ». Русск. Вѣстникъ. 1857 г. Т. XII, стр. 174—201.

([15]) Москвитянинъ 1842. г № 3, стр. 130.

въ этомъ свободномъ соединеніи людей для далекой и неопредѣленной цѣли воспитанія человѣчества—не могло быть ясно очерченной системы и программы дѣйствія (строго систематизированы были только внѣшніе обряды ложъ, которыми масоны думали увлечь толпу и людей, не смотря на свое развитіе легко поддающихся внѣшнимъ приманкамъ); при томъ цѣль общества и не могла быть формулирована, такъ какъ она мерцала въ далекомъ будущемъ и къ ней вели разнообразные пути, но нравственный характеръ главныхъ представителей русскаго масонства прошлаго вѣка ручается намъ за чистоту ихъ убѣжденій и за истину ихъ словъ. Несчастіе этого общества, условливаемое временемъ и обстоятельствами, составляла тайна и таинственные, исполненные символизма внѣшніе обряды. Подъ покровъ тайны легко могли прокрасться и прокрадывались ложь и обманъ. Наше время знаетъ, что благо человѣчества достигается не таинственными обрядами, а дѣйствіями явными, но въ XVIII вѣкѣ были другія отношенія. Загораживаясь отъ общества заборомъ тайны, собираясь въ недоступныя для другихъ собранія, употребляя непонятные обряды и вычурный символическій языкъ, масоны невольно возбуждали къ себѣ недовѣріе не только правительства, которое естественно не могло терпѣть рядомъ съ собою другой власти, но и простыхъ, благомыслящихъ людей.

Изучая заявленія русскихъ масоновъ о себѣ и о цѣли ихъ общества, соображая образъ ихъ дѣйствій, мы видимъ, что цѣли и намѣренія ихъ были высоко-нравственныя. Мистическая работа надъ «дикимъ камнемъ», надъ грубымъ и непросвѣщеннымъ обществомъ—вотъ сущность того кружка, который возникъ въ обществѣ Новикова и друзей его. Желаніе расширить общество и средства распространенія были тѣ же, что и въ Германіи. Вотъ что, между прочимъ, писали берлинскіе масоны въ 1784 году, въ самую сильную пору движенія Новиковскаго кружка, къ одному изъ главныхъ масонскихъ дѣятелей въ Москвѣ, Петру Алексѣевичу Татищеву: «цѣль общества.... соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастомъ, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни, не давать заглохнуть природнымъ дарованіямъ, но поощрять ихъ къ дѣятельности; содѣйствовать распространенію знаній въ латинскомъ языкѣ, также знакомству съ древностями, съ природою, которая въ нѣдрахъ своихъ бережетъ такъ много со-

кровищъ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя, который приступаетъ къ ней съ чистою мыслію; для безпріютныхъ молодыхъ людей завести особыя филологическія семинаріи, гдѣ бы они сверхъ образованія могли получить и самое содержаніе, и имѣя цѣлію приготовить изъ нихъ будущихъ воспитателей народа, заранѣе направить ихъ умы къ общеполезной дѣятельности и воспитывать въ сердцахъ ихъ любовь къ Богу и ближнему; наконецъ вообще способствовать посредствомъ хорошаго выбора книгъ для чтенія, просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ» ([16]). Новиковъ и друзья его, сформировавшіе въ Москвѣ общество, бывшее въ непосредственныхъ связяхъ съ нѣмецкими масонами, почти буквально исполнили эту программу.

Извѣстна дѣятельность Новикова и друзей его, составляющая самый замѣчательный эпизодъ изъ исторіи нашего просвѣщенія XVIII вѣка ([17]). Не смотря на то, что Новиковъ (1744—1818) и числился между воспитанниками Московскаго университета, изъ котораго онъ былъ однако исключенъ въ одно время съ товарищемъ своимъ, знаменитымъ Потемкинымъ, за лѣность и нехожденіе въ классы, онъ принадлежалъ къ числу самородныхъ русскихъ умовъ, съ постоянною, неумолкаемою жаждою дѣятельности. Его здравый умъ, его замѣчательныя дарованія, любовь къ чтенію и знакомство съ людьми дѣятельными въ литературѣ въ то время, когда въ началѣ царствованія Екатерины II литература, поощряемая самою императрицею, получила особенное оживленіе, невольно влекли Новикова къ работѣ умственной. Служа въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку, Новиковъ началъ свое литературное поприще сатирическими журналами, умныя и мѣткія нападенія которыхъ обратили на него общее вниманіе. Но видя безплодность своей сатиры, понимая, что недостатки общества зависятъ отъ историческихъ условій его развитія, Новиковъ перешелъ къ изученію историческихъ памятниковъ Россіи, издані-

---

([16]) Статья Ешевскаго въ Русск. В. 1857, т. XII, стр. 185.

([17]) О Новиковѣ, его біографіи и вообще дѣятельности, кромѣ множества разбросанныхъ по періодическимъ изданіямъ матеріаловъ, см. двѣ главныя статьи: Лонгинова: «Новиковъ и Шварцъ, матеріалы для исторіи русской литературы въ концѣ XVIII столѣтія (Русск Вѣстн 1857 г. Т. XI, стр. 539—585) и Аѳанасьева: Николай Ивановичъ Новиковъ, біографическій очеркъ (Библ. Зап. 1858 г. №. 6, стр. 161—181).

емъ которыхъ принесъ существенную пользу наукѣ. За тѣмъ, вѣроятно увлеченный движеніемъ масонства, онъ сталъ издавать журналы, посвященные нравственности вообще и нравственной религіи. Уже въ 1777 году онъ издаетъ журналъ «Утренній свѣтъ», наполненный статьями исключительно нравственнаго и религіознаго содержанія и всю выручку съ этого изданія отдаетъ на воспитаніе дѣтей въ двухъ петербургскихъ училищахъ. Тогда уже опредѣлилась его дѣятельность и издательная и филантропическая. Съ выходомъ въ отставку, съ переѣздомъ въ родную ему Москву въ началѣ 1779 года, и съ переходомъ къ нему по контракту тогда же университетской типографіи, эта дѣятельность Новикова получила широкіе размѣры. Переходъ университетской типографіи и изданія Московскихъ Вѣдомостей въ руки Новикова составляетъ эпоху въ исторіи нашего просвѣщенія ([18]). Предпринимая разныя изданія періодическія, задумывая переводы замѣчательныхъ иностранныхъ произведеній, возбуждая, однимъ словомъ, въ высшей степени литературную дѣятельность, которая естественно являлась помощницею его комерческаго предпріятія, Новиковъ нуждался въ совѣтникахъ и пособникахъ и такимъ образомъ онъ невольно сдѣлался центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ литературные представители Москвы, все то, что питало сочувствіе къ дѣятельности слова, уму и просвѣщенію. Въ этотъ кругъ людей, молодыхъ и образованныхъ, соединенныхъ одною идеею и общею дѣятельностію, увлеченныхъ примѣромъ Новикова и его вліяніемъ, въ этотъ кругъ *любослововъ*, какъ называетъ ихъ И. И. Дмитріевъ вступилъ въ 1785 году молодой Карамзинъ и четыре года, проведенные имъ въ этомъ обществѣ, на глазахъ лучшихъ людей времени, въ общихъ, сознательныхъ трудахъ, въ переводахъ замѣчательнѣйшихъ тогда произведеній западныхъ литературъ, подъ вліяніемъ пылкой, молодой дружбы, были прекрасною школою для Карамзина. Здѣсь, разнообразнымъ трудомъ и упражненіемъ не только развился его авторскій талантъ, но воспиталось его сердце, раскрылось его чувство къ воспріятію самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Когда Дмитріевъ

([18]) Издательская дѣятельность Новикова, въ общихъ результатахъ ея, прекрасно очерчена Карамзинымъ въ его статьѣ: «О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи».—Сочин. т. III, стр. 545—546. См. Шевыревъ, Истор. Моск ун. стр. 216—219.

увидалъ его въ этомъ московскомъ кружкѣ, онъ не узналъ Карамзина: «Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки, но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ *усовершенію въ себѣ человѣка*».

Высшій и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственный смыслъ этому литературному кругу и его дѣятельности придавало *масонство*, которому Новиковъ отдался со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры и которое своими широкими какъ человѣчество цѣлями, своею благородною любовью къ человѣческому роду было для этихъ людей восполненіемъ дѣйствительности, замѣненіемъ невозможности дѣйствовать на нее. Масонство, появившееся въ Россіи въ 1741 году, вскорѣ послѣ своего развитія въ Германіи ([19]), получило сильное распространеніе у насъ съ начала царствованія Екатерины, вслѣдствіе ея покровительства и особенно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе движенія тайныхъ обществъ Европы, вслѣдствіе стремленія ихъ къ прозелитизму. Не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ были основаны дѣятельно работающія ложи. Даже цѣлая ложа или система въ Петербургѣ получила названіе *Елагинской*, по имени извѣстнаго Ивана Перфильевича Елагина, писателя, историка и гофъ-маршала Екатерины II. Весьма вѣроятно, что между всѣми этими ложами не было тѣсныхъ связей, хотя связи и сношенія съ западными ложами давали главную пищу нашимъ. Очень можетъ быть, что еще живя въ Петербургѣ, Новиковъ уже посѣщалъ находившіяся тамъ ложи ([20]), но всего вѣроятнѣе онъ сдѣлался жаркимъ и дѣятельнымъ масономъ уже въ Москвѣ и тогда, когда началась и опредѣлилась его издательная дѣятельность. Появленіе масонства въ кружкѣ Новикова начинается съ того утра, когда по словамъ его пришелъ къ нему «нѣмчикъ», сдѣлавшійся его искреннимъ и неразлучнымъ другомъ до самой смерти своей. Этотъ «нѣмчикъ» былъ главною фигурою московскихъ масоновъ; это былъ типъ

([19]) См. другую статью Ешевскаго: Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія (1780—1789) въ Русск. Вѣстн. 1864 г. Т. LII, стр. 361—406.

([20]) «Матеріалы для біографіи Новикова» въ Сборникѣ студентовъ Спб. универ. 1857 г., стр. 322.

учителя, которому покланялись съ благоговѣніемъ молодые литераторы Новиковскаго кружка, самый дѣятельный организаторъ въ московскомъ масонствѣ—профессоръ Московскаго университета—Иванъ Егоровичъ Шварцъ, оставившій въ душѣ всѣхъ своихъ единомысленниковъ самую глубокую и сердечную привязанность, перешедшую по смерти его на его сиротъ и семейство ([21]). Въ біографіи Карамзина эта личность по своему, хотя и не прямому вліянію на него, заслуживаетъ воспоминанія.

Шварцъ пріѣхалъ профессоромъ философіи въ Москву вѣроятно изъ Іены въ 1776 году и не слѣдуя примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, тотчасъ же и дѣятельно занялся изученіемъ русскаго языка и литературы. Обширныя издательскія предпріятія Новикова очень скоро обратили на себя его вниманіе и Шварцъ познакомился съ нимъ. Это было вскорѣ послѣ пріѣзда Новикова въ Москву. Увлеченный Новиковымъ, Шварцъ сталъ набирать для него сотрудниковъ и переводчиковъ между своими молодыми слушателями, которые страстно полюбили его, какъ за его дружеское обращеніе съ ними, такъ и за постоянную готовность дѣлиться съ ними и свѣдѣніями и книгами. Московское общество съ полнымъ сочувствіемъ отозвалось на любовь Шварца и къ Россіи и къ ея молодому поколѣнію. Связь съ этимъ московскимъ обществомъ, уваженіе, которымъ Шварцъ пользовался въ немъ, невольно влекли его, къ организаціи обширнаго плана для распространенія просвѣщенія въ Росссіи, но у Шварца не было денегъ для такой организаціи. Его намѣреніе дѣйствовать литературою на просвѣщеніе народныхъ массъ, его желаніе практической дѣятельности не могли осуществиться до встрѣчи съ Новиковымъ. Тѣмъ не менѣе ему удалось основать при университетѣ педагогическую семинарію для приготовленія достойныхъ преподавателей и профессоровъ и ей онъ посвятилъ исключительно свою дѣятельность. По всей вѣроятности Шварцъ, котораго научныя убѣжденія сформировались въ германскихъ университетахъ недовольствомъ и враждою къ господствующей наукѣ энциклопедистовъ, неудовлетворявшей его по своей заносчивой бездоказательности и наклонностію къ мистицизму, который

([21]) См. его біографію въ «Біографическомъ словарѣ» профессоровъ Моск. универ. Ч. 2, стр. 574—599.

какъ противоположность получалъ тогда значеніе, по всей вѣроятности Шварцъ еще на родинѣ былъ близокъ съ масонскими ложами, а въ Новиковѣ и друзьяхъ его встрѣтилъ единомысленниковъ. Въ 1781 году, для поправленія здоровья, разстроеннаго усиленными трудами, Шварцъ поѣхалъ за границу и друзья его воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ посредствомъ его завести прямыя связи съ нѣмецкими масонами и оттуда получить и нравственную помощь и правильную организацію. Можетъ быть и денежныя средства путешествія или отъ этихъ же друзей, такъ какъ Шварцъ везъ съ собою на воспитаніе въ Германію сына одного изъ богатыхъ и вліятельныхъ масоновъ—Татищева. Шварцъ является какъ бы аккредитованнымъ отъ московскихъ масоновъ лицомъ за границею. Въ Брауншвейгѣ онъ представился герцогу, главѣ масоновъ, съ которымъ былъ близокъ и знаменитый Лессингъ, и получилъ отъ него инструкцію и довѣрительную грамоту. Кромѣ Брауншвейгскаго герцога, Шварцъ сбизился съ Іерузалемомъ, а въ Берлинѣ съ главными представителями ложъ и такимъ образомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ своего путешествія по Германіи, онъ исполнилъ всѣ порученія своихъ московскихъ друзей, завелъ сношенія и привезъ оттуда правильную организацію ложъ.

Дѣйствительно по возвращеніи въ 1782 году Шварца изъ за-границы, въ обществѣ друзей Новикова мы впервые видимъ стройную ассоціацію, получающую правильный и практическій характеръ. Оставляя то, что относится собственно до организаціи масонства, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ ассоціаціяхъ, которыя имѣли дѣло съ интересами литературы и просвѣщенія вообще и въ которыхъ Карамзинъ принималъ непосредственное участіе своимъ трудомъ, какъ переводчикъ, хотя эти литературныя ассосіаціи были прямымъ слѣдствіемъ цѣлей масонства.

Тотчасъ по возвращеніи Шварца изъ за границы, въ 1782 году вполнѣ организовалось извѣстное «Дружеское Ученое Общество», котораго начало было положено нѣсколько прежде его же энергическою дѣятельностію. Это общество существовало съ вѣдома правительства и ему явно покровительствовали и московскій главнокомандующій графъ З. Г. Чернышевъ и московскій митрополитъ Платонъ и кураторъ университета Херасковъ. Членами этого общества были: правитель канцеляріи главнокомандующаго Семенъ Ивановичъ Га-

малея (1743—1822), отличавшійся своимъ безкорыстіемъ въ этой должности, образецъ для послѣдующаго мистицизма временъ Александра I, извѣстный переводчикъ разныхъ мистическихъ сочиненій и вѣрный другъ послѣднихъ тяжелыхъ годовъ Новикова; адъютантъ главнокомандующаго симбирскій помѣщикъ бригадиръ Иванъ Петровичъ Тургеневъ; совѣтникъ уголовной палаты Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ (1756—1816), извѣстный писатель и переводчикъ масонскихъ и мистическихъ книгъ, записки котораго любопытны и для внутренней исторіи общества, рисуя его собственный переходъ отъ увлеченій Système de la Nature къ мистицизму и для внѣшней исторіи, такъ какъ здѣсь подробно разсказано слѣдствіе надъ масонами и преслѣдованіе братьевъ. Къ этимъ вліятельнымъ по уму и убѣжденіямъ членамъ общества, вмѣстѣ съ Новиковымъ, примыкали другіе члены, извѣстные въ московскомъ обществѣ по своему богатству, связямъ и значенію: Князь Александръ Алексѣевичъ Черкасскій, князь Николай Никитичъ Трубецкой, братъ его Юрій Никитичъ (оба братья писателя Хераскова по матери), лейбъ-гвардіи маіоръ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, полковникъ Василій Чулковъ, богатый купецъ Походяшевъ и мн. др. люди, которые будучи увлечены убѣжденіями Шварца и Новикова, ихъ сердечнымъ краснорѣчіемъ, не жалѣли своихъ капиталовъ для достиженія великой цѣли—просвѣщенія своего отечества. Засѣданія этого общества происходили публично и въ программѣ его, тогда же опубликованной ([22]), мы видимъ почти буквальное повтореніе того, о чемъ писали нѣмецкіе масоны Татищеву. Въ помощь къ этому обществу тогда же, лѣтомъ 1782 года, стараніями Шварца была присоединена организованная имъ прежде при Московскомъ университетѣ «Филологическая семинарія», въ которой теперь на счетъ Дружескаго Общества воспитывалось до 50 студентовъ изъ академій и семинарій для приготовленія къ педагогической дѣятельности. Въ ней главное участіе принималъ Шварцъ. Онъ учредилъ здѣсь собраніе, въ которомъ студенты читали свои произведенія и подвергали ихъ взаимной критикѣ, пока они не являлись въ печати въ изданіяхъ Новикова: «Вечерняя Заря» (1782) и «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784), изданіяхъ, проникнутыхъ глубоко-религіознымъ содержаніемъ. Изъ этой то семинаріи вышли тѣ моло-

---

([22]) Библ. Зап. 1858 г. стр. 169.

дые люди, которые явились сотрудниками въ изданіяхъ и переводахъ Новикова: Ключаревъ, Страховъ, Петровъ, Лабзинъ, Подшиваловъ, Невзоровъ, Тимковскій и др., молодые люди, проникнутые однимъ духомъ, одними стремленіями. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, смотрѣвшимъ потомъ на дѣло Новикова и друзей его здравыми глазами, нельзя не сказать, что во всѣхъ литературныхъ трудахъ, изданныхъ въ свѣтъ подъ покровительствомъ «Дружескаго Ученаго Общества», благая цѣль просвѣщенія народа затемнена мистическими и масонскими тенденціями. Презирая школьную мудрость, Новиковъ и друзья его впали въ другую крайность и вмѣсто здоровой и естественной пищи давали читателямъ произведенія странныя, гдѣ не всякому удавалось различить великую и простую истину христіанства подъ таинственными и загадочными формулами, подъ вычурнымъ, страннымъ и символическимъ языкомъ. Этотъ общій недостатокъ изданій «Ученаго Дружескаго Общества» былъ слѣдствіемъ масонства. Братья забывали, что они писали для толпы, непосвященной въ ихъ таинства.

Главнымъ вождемъ духовнаго направленія этой молодежи и этихъ изданій былъ, какъ мы сказали уже, Шварцъ. Его лекціи о богопознаніи и «о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ» находили внимательныхъ, увлеченныхъ слушателей. Студенты боготворили молодаго профессора. Дмитріевъ говоритъ, что Карамзинъ слушалъ Шварца ([23]), а для Петрова эти лекціи были чѣмъ-то въ родѣ откровенія истины. Лекціи эти, исполненныя глубокаго религіознаго чувства и страстнаго одушевленія, были всѣ направлены противъ господствующаго французскаго невѣрія, противъ ученій матеріализ-

---

([23]) Взглядъ на мою жизнь. стр. 41. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту «Записокъ» (78) г. Лонгиновъ высказываетъ сомнѣніе въ этомъ извѣстіи и старается доказать, что Дмитріеву могла измѣнить память. Намъ кажется, напротивъ, совершенно вѣроятнымъ извѣстіе Дмитріева, хотя у насъ и нѣтъ на то положительнаго доказательства. Между временемъ выхода изъ пансіона Шадена (1782) и пріѣздомъ въ Москву съ Тургеневымъ (1785) прошло четыре года, а въ это время созрѣла уже дружба Карамзина къ Петрову, страстному поклоннику Шварца, какъ видно изъ писемъ Петрова къ Карамзину въ Симбирскъ въ 1785 году, которыя доказываютъ, что у нихъ были уже общіе литературные интересы. Не могъ ли Карамзинъ въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ слушать Шварца вмѣстѣ съ Петровымъ? Минуя Москву, ему трудно было проѣхать въ Симбирскъ. Вообще эти годы—пробѣлъ въ біографіи Карамзина.

ма и такъ глубоко было вліяніе Шварца и его лекцій, что старики мистики Александровскихъ временъ не могли безъ слезъ вспоминать объ этомъ далекомъ увлеченіи молодости и съ набожнымъ чувствомъ переписывали тетрадки Шварцевыхъ лекцій, въ которыхъ заключался для нихъ весь кодексъ науки. Эти-то лекціи, можетъ быть потому, что въ нихъ высказывался масонскій образъ мыслей Шварца и презрѣніе къ цеховой учености, а можетъ быть и вслѣдствіе блестящаго успѣха ихъ, были заподозрѣны нѣкоторыми профессорами и въ томъ числѣ учителемъ Карамзина—Шаденомъ. Сторону враговъ Шварца принялъ и кураторъ университета Мелиссино, бывшій тоже масономъ, но вѣроятно другаго толка. Непріятности съ начальствомъ и болѣзни, какъ слѣдствіе сильнаго напряженія умственнаго, заставили Шварца постепенно укорачивать преподаваніе и рано, на тридцать третьемъ году жизни, свели его въ могилу. Глубокая преданность учениковъ искренно оплакала потерю любимаго учителя, а вдова и дѣти Шварца взяты были на попеченіе «Дружескаго Ученаго Общества».

Духъ любви, одушевлявшій это общество и выразившійся во многихъ филантропическихъ начинаніяхъ, въ благотворительности бѣднымъ, въ устройствѣ больницъ, аптекъ, школъ, въ раздачѣ милліонныхъ пособій московскимъ бѣднякамъ во время страшнаго голода, казалось отлетѣлъ отъ него вмѣстѣ съ смертію Шварца. Самое «Дружеское Общество» исчезаетъ въ 1784 году и вмѣсто него возникаетъ тогда же «Типографическая Компанія», основанная уже на чисто комерческихъ началахъ, такъ какъ связью этой компаніи, которая должна была продолжать прежнія издательскія предпріятія общества, является уже контрактъ, замѣнившій собою дружественное довѣріе. Цѣль этой компаніи было изданіе и продажа по возможно дешевой цѣнѣ книгъ для народнаго образованія и мистическихъ, и хотя члены ея остались прежніе, съ прибавленіемъ только нѣкоторыхъ новыхъ, но все дѣло было въ рукахъ у Новикова. Это время отличается усиленной издательской дѣятельностію. Оно же замѣчательно тѣмъ, что тогда начались первыя подозрѣнія и преслѣдованія власти, первыя запрещенія книгъ. Въ 1785 году умеръ главнокомандующій Чернышевъ. Его адъютантъ Тургеневъ и его правитель канцеляріи Гамалея, близкіе и дѣятельные члены Компаніи—должны были выйти въ отставку.

Карамзинъ былъ разумѣется младшимъ членомъ въ этомъ литературномъ кругу Новикова; онъ вошелъ въ него позже другихъ. Здѣсь встрѣтилъ его близкій ему прежде Петровъ. Дружба съ Петровымъ, нѣсколько старшимъ его по лѣтамъ и совершенно различнымъ по характеру и по взгляду на жизнь, была отраднымъ явленіемъ молодости Карамзина и память друга навсегда осталась ему дорогою. «Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою, говоритъ Дмитріевъ: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ. Но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ; и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею у Меньшиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ «Дружескому Обществу». Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ; оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго предъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву; а другая освящена была Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа» ([24]). Въ этомъ жилищѣ, съ его мистическою обстановкою, прошло четыре года Карамзинской жизни, отданные дѣятельному труду и богатые умственными впечатлѣніями.

Петрову Карамзинъ посвятилъ нѣсколько воспоминаній въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ глубоко былъ растроганъ раннею смертію своего друга въ Петербургѣ. Въ душу Петрова изливалась душа его и Карамзинъ повѣрялъ ему свои надежды и сомнѣнія, свои мечты и планы своихъ сочиненій ([25]). Онъ былъ его учителемъ и вдали отъ свѣта, они просиживали вдвоемъ половину зимнихъ ночей надъ Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ и вѣроятно Петрову Карамзинъ былъ обязанъ знакомствомъ съ англійскими писателями, такъ какъ Петровъ любилъ ихъ и вообще все англійское. Первыя метафизическія понятія Карамзина, по его собственному признанію, развились въ тиши ночныхъ бесѣдъ съ другомъ; эсте-

---

([24]) Взглядъ на мою жизнь стр 42.

([25]) Сочин. III, стр. 360.

тическимъ тактомъ онъ обязанъ былъ также Петрову. Вмѣстѣ изучали они современнаго эстетическаго теоретика— Батте. Противоположность характеровъ еще тѣснѣе сблизила ихъ: они восполняли другъ друга и въ минуты сомнѣнія, недовольства собою и міромъ, въ припадкахъ «черной меланхоліи», которая составляла тогда неотъемлемую принадлежность всякаго развитаго юноши, Карамзинъ почерпалъ утѣшеніе въ умѣ и твердомъ характерѣ своего «Агатона» ([26]). Переписка обоихъ друзей, къ сожалѣнію дошедшая до насъ въ весьма незначительномъ количествѣ писемъ, свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, какое имѣлъ Петровъ для Карамзина. Видно, какое участіе Петровъ принималъ въ судьбѣ своего друга, слѣдя за нимъ по картѣ во время его путешествія за-границей и интересуясь ходомъ его литературныхъ успѣховъ, когда по возвращеніи изъ за-границы, Карамзинъ сталъ издавать «Московской журналъ» ([27]).

Старшій годами и развитіемъ, Петровъ гораздо прежде сталъ писать и дѣятельно участвовалъ въ изданіяхъ Новикова въ качествѣ переводчика, будучи еще студентомъ университета, начиная съ 1780 года. На него возложенъ былъ главный трудъ изданія «Дѣтскаго Чтенія» которое выходило при Московскихъ Вѣдомостяхъ (1785—1789) и наполнялось преимущественно переводными статьями. Петровымъ переведены были и цѣлыя сочиненія по порученію компаніи ([28]). Въ первомъ журналѣ друга онъ помѣстилъ также нѣсколько переводныхъ статей. Послѣ процесса Новикова и друзей его, когда распалась «Компанія Типографическая», Петровъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ и умеръ тамъ въ 1793 году.

Другою личностію, которая имѣла также сильное вліяніе на молодаго Карамзина, потому что связь его съ нею вводила его въ среду стремленій и идеаловъ новаго и чрезвычайно важнаго періода нѣмецкой литературы, называемаго обы-

---

([26]) Сочин. т. II, стр. 674, 578, и III стр. 363.

([27]) «Письма Петрова къ Карамзину» Русск. Арх. 1863 г. стр. 891—898. Литературные намеки въ этихъ письмахъ объяснены А. Д. Галаховымъ въ его второй статьѣ о Карамзинѣ. См. Современ. 1853 г. т. XLII, отд. III, стр. 12—16.

([28]) Переводы Петрова перечислены Дмитріевымъ (Взглядъ н. м. ж. стр. 42 и примѣчанія къ этому мѣсту г. Лонгинова) и Галаховымъ, тамъ же, стр. 20—21.

кновенно историками ея *періодомъ волненій* (Sturm-und Drang-Periode) былъ Ленцъ, нѣмецкій писатель, ровесникъ Гёте и другъ его молодости, несчастный соперникъ его по любви къ Фредерикѣ Бріонъ, извѣстной въ біографіи Гёте. Ленцъ былъ печальною жертвою тѣхъ бурныхъ стремленій, которыя овладѣли тогда молодыми представителями нѣмецкой литературы и изъ которыхъ Гёте вышелъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ. Соперничество въ любви и соперничество въ талантѣ съ Гёте довело его до сумасшествія. Всѣ сочиненія его молодости доказывали, что онъ кончитъ этимъ печальнымъ исходомъ свою жизнь съ ея *мутнымъ*, по выраженію Петрова, потокомъ. Эти первыя сочиненія Ленца Карамзинъ однако высоко цѣнилъ и называлъ его жертвою «глубокой чувствительности». Что занесло Ленца въ Москву и въ кругъ Новикова (онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Карамзинымъ)—мы не знаемъ, но изъ сочиненій Карамзина видно, что онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Ленцу. Путешествуя за-границей, онъ собираетъ слѣды Ленца, говоритъ о немъ съ Виландомъ, передаетъ анекдоты, слышанные о Ленцѣ въ Веймарѣ. По возвращеніи изъ за-границы Карамзинъ засталъ его еще въ Москвѣ и когда Ленцъ умеръ въ 1792 году, онъ сообщилъ о томъ Петрову ([29]). Вліянію Ленца надобно кажется приписать переводы Карамзина изъ Шекспира и Лессинга.

Почти такая же судьба постигла и третье лицо, съ которымъ былъ друженъ Карамзинъ въ этотъ первый періодъ своей литературной дѣятельности, хотя оно далеко не имѣло поэтическаго таланта и бурной оригинальности Ленца. Къ обществу Новикова принадлежалъ Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ (род. 1749 г. ум. въ 90 годахъ); не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, онъ былъ очень друженъ съ Карамзинымъ. Кутузовъ былъ изъ тѣхъ двѣнадцати молодыхъ людей, которыхъ императрица Екатерина II отправила учиться за границу. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ Радищевымъ, онъ провелъ четыре года въ Лейпцигѣ (1766—1770) и былъ друженъ съ нимъ. Радищевъ посвятилъ ему свое «Житіе Ѳ. В. Ушакова», ихъ товарища, умершаго за-границею. Подобно

([29]) Сочин. т. II. Стр. 10—11, 146, 153—154. Русск. Арх. 1863 г. Стр. 896 Характеристика Ленца по Гервинусу см. въ упомянутой статьѣ Галахова, стр. 7—9. Ср. Воспоминанія о Ленцѣ (изъ Тика) въ Телескопѣ 1831 г., ч. V., стр. 539—549.

большей части этихъ молодыхъ людей ([30]), Кутузовъ не приготовился за границею ни къ чему, чтобы могло приносить дѣйствительную пользу его отечеству, и по видимому, кромѣ знанія нѣмецкаго языка, ничего не вывезъ изъ Лейпцига. Живя въ Москвѣ, онъ участвовалъ капиталомъ въ предпріятіяхъ Новикова и занимался переводами; ему принадлежитъ полный прозаическій переводъ Клопштоковой Мессіады. Карамзинъ, какъ извѣстно, сердечно любилъ его. Не задолго до отъѣзда за границу Карамзина, Кутузовъ былъ посланъ туда Новиковымъ и его друзьями съ цѣлями масонскими, для поддержанія связей съ заграничными братьями, что и послужило однимъ изъ пунктовъ обвиненій членовъ «Типографической Компаніи» ([31]). Когда Прозоровскій производилъ слѣдствіе и дозналъ связи Кутузова съ обвиненными мартинистами, когда его бумаги были забраны и между ними нашлись письма «преступника» Радищева, Кутузовъ уже побоялся воротиться на родину. Изъ характеристики Кутузова, сдѣланной Карамзинымъ, изъ отрывка письма его къ послѣднему, видно, что воображеніе играло сильную роль въ жизни Кутузова и онъ страдалъ меланхоліей, хотя по словамъ Карамзина и былъ добродушнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Карамзину не удалось однакожъ встрѣтиться съ нимъ за-границею, о чемъ онъ очень жалѣлъ. Кутузовъ былъ въ Парижѣ во время взятія Бастилліи (14 іюля 1789 года) и умеръ «жертвою несчастныхъ обстоятельствъ», какъ говоритъ Карамзинъ ([32]).

Въ этомъ обществѣ молодыхъ друзей, работающихъ по идеѣ умершаго Шварца и по распоряженію Новикова и друзей его ([33]), началась первая литературная дѣятельность Карамзина, представляющаяся намъ только въ переводахъ. Весьма естественно, что нельзя было отъ него ожидать ничего

([30]) Извѣстія о судьбѣ нѣкоторыхъ, сообщенныя г. Лонгиновымъ, см. въ Библ. Зап. 1859 г., стр. 539—541.

([31]) См. «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ и членахъ компаніи типографической, сообщ. Д. И. Иловайскимъ въ Лѣтоп. Тихонравова, т. V. стр. 35, 43, 49, 51, 55 и пр.

([32]) Сочин. т. II. Стр. 55, 63—64, 133, 164.

([33]) «Ты началъ что-то писать, говоритъ Петровъ въ письмѣ своемъ къ Карамзину, но не хочешь сказать мнѣ что такое. И я началъ, по приказанію, нѣчто писать». Русск. Арх. 1863 г. Стр. 894.

оригинальнаго, кромѣ развѣ стиховъ, навѣянныхъ молодымъ чувствомъ. Карамзинъ былъ слишкомъ молодъ для того, чтобъ сознательно участвовать въ предпріятіяхъ «Компаніи типографической», чтобъ понять ея цѣли и сдѣлать ихъ своими. Но это общество, эти люди, составлявшіе свѣтлый кружекъ въ тогдашнихъ темныхъ московскихъ захолустьяхъ, горячо преданные другъ другу и отдаленной, мечтательной, но отрадной сердцу цѣли, разговоры ихъ, полные любовью къ мудрости, вѣрою въ Бога и человѣчество, чуждые грязи ежедневной и чуждые дѣйствительности, которую они промѣняли на золотые сны, должны были оказать сильное воспитательное вліяніе на Карамзина. Это была превосходная школа для его таланта, сердца, ума. Она воспитала въ немъ ту пламенную любовь къ человѣчеству, которая такъ изобильно разсѣяна въ его сочиненіяхъ, ту чистоту стремленій, которая потомъ дала ему силы посвятить себя самоотверженно и вполнѣ великому труду послѣдняго періода его литературной дѣятельности, ту вѣру въ будущее, съ которою только и можно создать на землѣ что-либо великое и ту глубокую нѣжность характера, которая такъ привязывала къ нему людей и сдѣлала его средоточіемъ самаго свѣтлаго кружка нашей литературы.

Намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на этихъ первыхъ переводныхъ трудахъ Карамзина, изученіе которыхъ имѣетъ развѣ значеніе въ спеціальной исторіи Карамзинскаго слога. Переводы эти немного могутъ прибавить къ біографіи Карамзина и къ исторіи его внутренняго духовнаго развитія. Но выборъ этихъ переводовъ очень важенъ для насъ. Онъ показываетъ намъ ясно, что Карамзинъ былъ или слишкомъ молодъ для того чтобъ быть посвященнымъ въ тайны масонства и мистицизма, или умъ и душа его не поддавались ихъ вліянію. И то и другое обстоятельство сохранили Карамзина отъ вреднаго вліянія Новиковскаго кружка. Онъ спасъ въ себѣ реальное чувство, на сколько допускала его современная исторія русскаго общества, не потерялся въ безцѣльномъ мистическомъ стремленіи и не испортилъ свой ясный, образцовый языкъ вычурнымъ символизмомъ. За исключеніемъ «Бесѣдъ съ Богомъ» Штурма ([34]), въ переводѣ которыхъ принималъ Карамзинъ участіе вѣроятно по заказу, другіе переводы его этого

([34]) Періодическое изданіе 1787 года. М. 3 части.

періода свидѣтельствуютъ о свободѣ выбора. «О происхожденіи зла, поэма *великаго* Галлера» ([35]), трактующая этотъ знаменитый въ исторіи духовнаго развитія XVIII столѣтія вопросъ съ точки зрѣнія оптимизма и развивающая теорію свободной воли, переведена была Карамзинымъ не по заказу. Переводъ этотъ возникъ подъ вліяніемъ тѣхъ философскихъ разговоровъ, которые Карамзинъ велъ съ своими московскими друзьями. Безъ сомнѣнія въ поэмѣ Галлера онъ нашелъ удовлетворившій его отвѣтъ на задачу современной философіи. Здѣсь дѣйствительно были затронуты главные вопросы религіи и нравственности, занимавшіе лучшихъ мыслящихъ людей прошлаго вѣка, начиная съ Бэйля и англійскихъ деистовъ. Здѣсь была изложена сущность «Теодицеи» Лейбница. Съ особеннымъ удовольствіемъ, вспоминая этотъ переводъ впослѣдствіи, Карамзинъ привелъ сужденіе о поэмѣ Галлера, высказанное ему Боннетомъ, назвавшимъ ее «самымъ лучшимъ изъ философическихъ сочиненій» ([36]). Переводъ этотъ Карамзинъ посвятилъ старшему брату своему Василью Михайловичу, чтобъ «имѣть случай излить предъ нимъ ощущенія своего сердца». Еще свободнѣе долженъ былъ быть выборъ со стороны Карамзина переводовъ изъ Шекспира и Лессинга. Здѣсь очевидно было вліяніе Ленца и Петрова, но никакъ не мистиковъ. Карамзинъ рано могъ познакомиться съ Шекспиромъ и думать о переводѣ его на русскій языкъ. Еще въ началѣ 1785 года, когда Карамзинъ велъ разсѣянную жизнь въ Симбирскѣ, Петровъ, говоря ему въ письмѣ своемъ о скукѣ его мучившей, сообщаетъ, что и «самый Шекспиръ его не прельщаетъ». Труня надъ мнимою бездѣятельностію Карамзина, другъ его продолжаетъ: «Хоть ты и секретничаешь, однако я воображаю, какъ по пріѣздѣ твоемъ всѣ московскіе авторы и переводчики будутъ ходить повѣся головы, для того что бѣдные сіи люди будутъ тогда раза по четыре пріѣзжать и приходить къ директорамъ типографской компаніи, и получать отъ нихъ непріятный отвѣтъ, что книгъ не можно еще начать печатаніемъ, ибо обѣ типографіи заняты печатаніемъ *Россійскаго Шекспира*» ([37]). Англійскаго трагика безъ сомнѣнія читалъ

([35]) М. въ типографіи компаніи типографической, 1786 г. 12°, 78 стр.

([36]) Сочин. т. II, стр. 375. Объ этой поэмѣ см. въ статьѣ Галахова, стр. 35—38.

([37]) Русск. Арх. 1863 г., стр. 887.

онъ вмѣстѣ съ Петровымъ и выбралъ изъ его трагедій для перевода «Юлія Цезаря» ([38]). Удивительно здравый взглядъ на Шекспира, безъ сомнѣнія пріобрѣтенный чтеніемъ Лессинга, который противопоставилъ его вліянію господствовавшей до тѣхъ поръ въ Германіи классической школы французовъ, развиваетъ Карамзинъ въ своемъ предисловіи къ переводу. Онъ говоритъ о величіи Шекспира, о глубокомъ знаніи имъ природы человѣческой и жизни, о силѣ его поэтическаго изображенія. Карамзинъ возстаетъ противъ «софизмовъ» Вольтера, направленныхъ на англійскаго трагика съ точки зрѣнія французской трагедіи и оправдываетъ нарушеніе Шекспиромъ условныхъ правилъ господствовавшей теоріи ([39]). Съ восторгомъ говорилъ онъ о неподдѣльныхъ красотахъ поэзіи Шекспира, когда оставляя Англію, дѣлалъ краткій очеркъ ея литературнаго богатства ([40]). Это былъ другъ природы для Карамзина, великій геній.

Изъ того же правильно развитаго взгляда на поэзію могъ возникнуть переводъ лучшей трагедіи Лессинга: «Эмилія Галотти» ([41]). Этого творца національной нѣмецкой литературы Карамзинъ называетъ «философомъ, проникшимъ взоромъ своимъ во глубины сердца человѣческаго». По переводу этому пьеса Лессинга очень долго игралась на московскомъ театрѣ и разбору игры актеровъ Карамзинъ посвятилъ потомъ статью въ «Московскомъ Журналѣ».

Всего пріятнѣе кажется было участвовать Карамзину вмѣстѣ съ Петровымъ въ редакторствѣ «Дѣтскаго Чтенія», которое издавалось до самаго отъѣзда Карамзина за границу. Періодическое изданіе это безплатно прилагалось къ «Москов-

---

([38]) М. Въ типографіи компаніи типографической 1787. Главнокомандующій московскій, князь Прозоровскій, производившій слѣдствіе надъ мартинистами, отнесъ этотъ переводъ Карамзина къ числу вредныхъ книгъ и всѣ непроданные его экземпляры были въ 1794 году сожжены (въ числѣ другихъ 16,656 книгъ). См Тихонравова Лѣтописи, т. V, стр. 10. Вслѣдствіе такого распоряженія переводъ Карамзина сдѣлался библіографическою рѣдкостію.

([39]) См. перепечатку этого предисловія въ Сѣверномъ Обозрѣніи 1849 г. Т. I. Стр. 466—469 и у Галахова, тамъ же, стр. 43—45.

([40]) Сочин. Т. II, стр. 747—748. Ср. стихотвореніе, написанное одновременно съ переводомъ, Москов. Журн. 1792, сентябрь.

([41]) Москва. Въ универ. типографіи у Н. Новикова. 1788.

скимъ Вѣдомостямъ». Новиковъ и здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ изданіяхъ, оказалъ дѣйствительную пользу обществу. Русскія дѣти того времени вовсе не имѣли для себя образовательнаго чтенія и изъ рукъ французскихъ гувернеровъ, противъ которыхъ онъ ратовалъ въ «Кошелькѣ», переходили прямо къ произведеніямъ французской литературы, полной отрицанія и матеріализма. Въ эту пору Германія представила уже нѣсколько раціональныхъ педагоговъ-писателей для дѣтей и переводы изъ нихъ и лучшихъ французскихъ составили содержаніе «Дѣтскаго чтенія», которое долго, почти до сороковыхъ годовъ считались самою умною и полезною книгою «для образованія сердца и разума», хотя большинство статей не оригинальны. «Дѣтское чтеніе» въ литературной біографіи Карамзина потому важно, что здѣсь надобно искать его первыхъ оригинальныхъ опытовъ и въ прозѣ и поэзіи, навѣянныхъ молодостью и замѣчательныхъ тѣмъ, что въ нихъ заключены зародыши будущаго его литературнаго направленія. Здѣсь помѣщено поэтическое посланіе Карамзина къ другу его Петрову, жившему въ деревнѣ ([42]), въ которомъ высказываетъ онъ желаніе знать и учиться, переводы изъ Попа ([43]), изъ Вейссе, переводы Томсона, стихами и прозой, переводъ повѣстей г-жи Жанлисъ и отрывки изъ извѣстнаго сочиненія XVIII вѣка «Contemplation de la nature», съ авторомъ котораго Боннетомъ, «чувствительнымъ философомъ», какъ онъ называетъ его, Карамзинъ познакомился въ Швейцаріи и передавалъ ему свое намѣреніе перевести это сочиненіе на русскій языкъ ([44]). Наконецъ въ «Дѣтскомъ чтеніи» по всей вѣроятности надобно искать и первую «чувствительную» повѣсть Карамзина, слабый прототипъ того, что прославило его впослѣдствіи. Повѣсть эта, названная издателями «старинною русскою» есть «Евгеній и Юлія» ([45]). Героиня, подобно другимъ героинямъ сентиментальныхъ повѣстей, любитъ природу и прекраснаго юношу, читаетъ поэтовъ, но страдаетъ меланхоліей. Любимый юноша захворалъ и умеръ горячкою, а Юлія

([42]) «Анакреонтическіе стихи». Дѣтское чтеніе. Изд. 2. М. 1819, ч. XVII, стр. 102—104.

([43]) «Всеобщая Молитва». Тамъ же, стр. 111—114.

([44]) Сочин. т. II, стр. 340.

([45]) Дѣтское чтеніе, ч. XVII, стр. 146—162. Доказательства о принадлежности ея Карамзину см. у Галахова, стр. 61—64.

осталась жить надъ его могилою въ «меланхолическомъ уединеніи». Юнгъ, Томсонъ, Оссіанъ, вѣрные выразители своего времени съ его неудавшеюся исторіею—создали эту меланхолію. Естественнымъ путемъ развитія она зашла и къ намъ и осѣнила молодую душу Карамзина, готовую принять всякія впечатлѣнія.

Карамзинъ былъ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ изданіи ([46]), особенно съ 1788 года и до отъѣзда своего за границу. Петровъ пишетъ ему изъ Москвы, что «Дѣтское чтеніе» осиротѣло безъ него и дѣйствительно вмѣстѣ съ отъѣздомъ Карамзина оно прекратилось.

Вотъ тѣ произведенія первой молодости Карамзина, первой эпохи его литературнаго развитія, созрѣвшія подъ вліяніемъ Новиковскаго кружка, въ дружескихъ бесѣдахъ молодости, полныхъ безграничныхъ стремленій. Судя по времени, мы должны утвердительно сказать, что на долю духовнаго развитія Карамзина въ эти четыре года ([47]) достались самыя богатыя умственныя впечатлѣнія. Самыя знаменитыя произведенія европейскихъ литературъ, по идеямъ, волнующимъ умы вѣка или по красотѣ выраженія были доступны ему. Жизнь тогдашняго образованнаго русскаго человѣка, наша бѣдная тогда духовнымъ развитіемъ литература, разорванность нашей исторіи и невозможность общественной дѣятельности невольно отдѣляли юношу отъ національныхъ началъ и погружали его въ широкую волну умственной жизни Европы, которая одна могла дать развитіе на обще-человѣческихъ началахъ. Не мало и масонство дѣйствовало на подобное воспріятіе образовательныхъ началъ изъ чужой жизни, масонство съ своею ненавистью къ національностямъ, съ своею пылкою мечтою о томъ времени,

«....когда народы, распри позабывъ
Въ единую семью соединятся.»

Былъ ли Карамзинъ посвященъ въ тайны масонства, въ какую либо, хотя бы самую нисшую степень его? Участво-

---

([46]) Въ немъ участвовали и другіе начинающіе тогда литераторы: Прокоповичъ-Антонскій, Подшиваловъ, Бобровъ и др. См. Галаховъ, стр. 53.

([47]) См. объ этихъ годахъ весьма живую статью г. Тихонравова: «Четыре года изъ жизни Карамзина», Русск. Вѣстн. 1862 г. Т. XXXVIII, стр. 732—749.

валъ ли онъ въ собраніяхъ масоновъ и исполнялъ ли ихъ обряды? На эти вопросы, не важные для литературной дѣятельности Карамзина, но любопытные для его біографіи какъ человѣка—мы не можемъ дать отвѣтовъ утвердительныхъ. Совершенно справедливо, что натура Карамзина была чужда масонству и мистицизму, что въ его сочиненіяхъ, ясныхъ по формѣ выраженія, по мысли, чуждой всего неопредѣленнаго, и по содержанію, довольно близкому къ жизни, мы не находимъ слѣдовъ мистицизма, но Карамзинъ все таки жилъ четыре года въ обществѣ масоновъ, а при извѣстномъ стремленіи братьевъ къ прозелитизму, трудно думать, чтобъ онъ на сколько нибудь не былъ посвященъ въ ихъ таинства. То обстоятельство, что въ его сочиненіяхъ не встрѣчается ни одного намека (за исключеніемъ случайно вырвавшагося восклицанія) ([48]) на принадлежность его къ масонскому обществу, казалось, можетъ служить нѣмымъ, но яснымъ отвѣтомъ на предположеніе объ участіи его въ собраніяхъ масоновъ. Но

([48]) Восклицаніе это должно было принадлежать Кутузову. Карамзинъ въ послѣднюю ночь путешествія передъ Берлиномъ, воображалъ увидѣть въ этомъ городѣ Кутузова, идущаго къ нему на встрѣчу и кричащаго: кого я вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ? (Сочин. т. II, стр. 55). Названіе это, данное Карамзину въ дружескомъ обществѣ единомысленниковъ, возбудило любопытство г. Галахова (статья въ Соврем. стр. 21—23) и догадываясь о смыслѣ его, онъ сообщилъ свѣдѣнія о Михаилѣ Рамзеѣ (1686—1743), но обративъ вниманіе только на литературные труды Рамзея, онъ добивался отыскать какое-то сходство мыслей между молодымъ Карамзинымъ и авторомъ XVII вѣка, въ которомъ не было, да и не могло быть ничего общаго съ Карамзинымъ и этимъ далекимъ сравненіемъ затемнилъ свою догадку. Мы думаемъ, что братъ Рамзей было масонскимъ именемъ Карамзина Михаилъ Андрей Рамзей, жаркій приверженецъ Стюартовъ, переселившійся во Францію и обращенный Фенелономъ въ католичество, имѣетъ почетное мѣсто въ исторіи масонства Надѣясь помочь погибшему дѣлу Стюартовъ, онъ разсчитывалъ во Франціи на масоновъ и былъ виновникомъ преобразованія этого братства и новой жизни, пробужденной въ немъ. Онъ искалъ предковъ масоновъ въ крестоносцахъ среднихъ вѣковъ и первый проводитъ ту мысль, что масоны должны образовать изъ себя духовную націю, въ которую должно войти все человѣчество. Объ историческомъ значеніи Рамзея въ масонствѣ, см. Kloss: Geschichte der Freimaurerei in Frankreich, 1853, 1-r Band, S. 44—49 и Bauer: Freimaurer, Iesuiten und Illuminaten, Berlin, 1863. S. 28—29. Г. Погодину, напротивъ того, кажется, что Рамзей есть сокращеніе Карамзина (Утро, стр. 29). Любопытно было бы знать, на какихъ фонетическихъ законахъ основано такое сокращеніе?

припомнимъ и другія обстоятельства. Съ 1785 года начались преслѣдованія Новиковскаго общества, этого «скопища извѣстнаго новаго раскола» со стороны власти. Въ 1786 году послѣдовали запрещенія масонскихъ и мистическихъ книгъ. Еще въ концѣ 1788 года, когда Карамзинъ былъ въ Москвѣ, по указу Екатерины II, воспрещено было университету возобновлять снова на десять лѣтъ контрактъ съ содержателемъ типографіи Новиковымъ, какъ человѣкомъ вреднымъ. Эти преслѣдованія увеличивались все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ развертывались событія французской революціи. Они достигли высшей степени, когда Карамзинъ, по возвращеніи изъ за-границы сталъ издавать свой «Московской Журналъ». «Компанія типографическая» прекратила свои дѣйствія въ 1791 году, а въ началѣ 1792 года Новиковъ и друзья его были забраны и попали или въ крѣпости или въ ссылку. Самыя названія: масонъ, мартинистъ сдѣлались опасными, такъ какъ они относились къ государственнымъ преступникамъ и понятно почему Карамзинъ долженъ былъ избѣгать всякихъ намековъ на прежнія свои отношенія. Когда Новиковъ, освобожденный Павломъ I, но съ подорваннымъ навсегда здоровьемъ отъ слѣдствія Шешковскаго и шлиссельбургскихъ казематовъ, удалился доживать печальные дни свои, посреди немногихъ вѣрныхъ ему друзей стараго времени и больныхъ дѣтей, въ свою подмосковную деревню, когда въ царствованіе Александра мистицизмъ и масонство снова поднялись и новые члены ихъ, соединившись съ разсѣянными членами прежнихъ обществъ, стали организоваться, Карамзинъ смотрѣлъ гораздо прямѣе, съ болѣе здравымъ смысломъ на жизнь, чѣмъ нѣкоторые его мечтательные современники. Преобразованія новаго царствованія, призывъ свѣжихъ русскихъ силъ къ дѣйствованію сдѣлали его публицистомъ. Къ тому великому дѣлу, которому Новиковъ посвятилъ столько усилій, къ просвѣщенію народа, къ заведенію сельскихъ училищъ, вызываемыхъ новою реформою просвѣщенія, Карамзинъ призывалъ теперь русскихъ дворянъ ([19]). Ихъ сознательныя усилія, ихъ жертвы должны были смѣнить усилія старыхъ масоновъ. Потомъ онъ былъ весь отданъ великой цѣли, великому труду, и ему было не до мистицизма.

([19]) Сочин. т. III, стр. 352—353.

Но Карамзинъ былъ честный человѣкъ и не разрывалъ своихъ связей съ старцемъ. Въ годы извѣстности и славы онъ велъ переписку съ Новиковымъ и выслушивалъ отъ него такія истины, которыя ему очень легко могли показаться строгими ([50]). Глубокая, радикальная противоположность существовала тогда между этими двумя людьми, изъ которыхъ одинъ стоялъ на краю гроба и былъ озаренъ не вечернимъ свѣтомъ своей мистической вѣры, а другой, славный уже писатель на родинѣ, приготовлялся завершить свое служеніе ей изданіемъ труда, которое сдѣлало его имя безсмертнымъ, труда, которому онъ посвятилъ столько лѣтъ самой самоотверженной науки. Въ глазахъ Новикова и эта слава, и этотъ трудъ, и вся философія Карамзина, и вся наука человѣческая—были прахъ и ничтожество. Насмѣшливо говоря въ письмѣ даже о меланхоліи Карамзина, какъ *о выраженіи пріятной задумчивости*, презрительно упоминая о философіи Филалета, представляя себя идіотомъ, ничего незнающимъ, ничего не читавшимъ, Новиковъ былъ совершенно чуждъ стремленіямъ Карамзина. Старая связь была порвана навсегда и время взяло свое. Никакимъ таинствамъ не могъ посвятить Новиковъ Карамзина, для котораго вся жизнь сдѣлалась положительнымъ служеніемъ отечеству, никакими земными успѣхами, никакою «Исторіей Государства Россійскаго» съ другой стороны не могъ удивить Карамзинъ Новикова. Имъ оставалось только пожать другъ другу руки и разойтись на всегда ([51]). Когда Новиковъ умеръ въ 1818 году, оставивъ послѣ себя въ высшей степени разстроенное состояніе и неизлѣчимо больныхъ дѣтей, Карамзинъ принялъ самое живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ поправлялъ просьбу на Высочайшее имя дочери покойнаго Новикова и самъ подавалъ докладную записку Императору Александру ([52]), въ которой, разсказывая всѣ заслуги Новикова, онъ призывалъ царскую милость на дѣтей «усопшаго страдальца». «Новиковъ, говорилъ онъ, какъ гражданинъ, полезной своей дѣятельностію заслуживалъ общественную призна-

---

([50]) См. два письма Новикова къ Карамзину, перепечатанныя въ Сборникѣ студ. Спб. университета, стр. 330—335.

([51]) См. вышеупом. ст. Тихонравова, стр. 748.

([52]) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. Спб. 1862. Стр. 223—226.

тельность; Новиковъ, какъ теософической мечтатель, *по крайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы*». Дѣятельнымъ участіемъ въ несчастной судьбѣ сиротъ, Карамзинъ кажется заплатилъ за то духовное и нравственное образованіе, которое онъ получилъ въ обществѣ Новикова и друзей его и которое приготовило его и къ путешествію за границу и къ болѣе полной литературной дѣятельности.

Если ученіе въ пансіонѣ Шадена дало Карамзину средства развитія, средства для знакомства съ разнообразными произведеніями ума человѣческаго, если оно *научило* его читать и мыслить о прочитанномъ, то пребываніе его въ обществѣ московскихъ масоновъ *воспитало* его мысль, дало ей широкую основу, наполнило ее любовью къ обще-человѣческому, съ которою только и можно было приступить къ положительному изученію отечественнаго, по знаменитому выраженію Карамзина: «Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не славянами» ([53]).

III.

Путешествіе за границу. Москва. Развитіе литературной дѣятельности Карамзина. «Московской Журналъ», сборники и «Вѣстникъ Европы» (1789—1803).

Постоянно знакомясь съ духовною жизнію Запада, обращаясь въ кругу людей, которые учились въ Европѣ и путешествовали за-границею (Ленцъ и Кутузовъ), Карамзинъ могъ очень рано думать о путешествіи. Безъ сомнѣнія оно для него, какъ и для всякаго образованнаго русскаго, особенно въ то время, было любимою, долго лелѣянною мечтою. Мы видѣли, что учась въ пансіонѣ Шадена, онъ собирался, подъ вліяніемъ своего учителя, кончить свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ; онъ жалѣлъ, что это намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Военная служба, отставка,

---

([53]) Сочин т. II, стр. 515.

жизнь въ Симбирскѣ и наконецъ литературная дѣятельность въ обществѣ масоновъ, должны были замедлить осуществленіе его желанія. Но годы, прожитые имъ въ Москвѣ, были полезны даже и для того, чтобъ путешествіе послужило для Карамзина средствомъ дѣйствительнаго развитія. Желаніе «искать радостей въ неизвѣстности будущаго», какъ онъ смотритъ на путешествіе, здѣсь въ московской школѣ, подъ ея духовнымъ вліяніемъ, обратилось для Карамзина въ сознательное желаніе знать и учиться, видѣть лицомъ къ лицу развитіе чужой жизни и, что въ особенности важно было для него,—видѣть лично представителей литературы, которые для него были «дороги по своимъ сочиненіямъ». Что путешествіе давно занимало его мысль, видно изъ намѣренія его написать цѣлый романъ, основанный на путешествіи. Характеръ тогдашняго путешествія долженъ былъ невольно возбуждать воображеніе. Въ то время оно не было такъ прозаично, какъ теперь, когда съ помощію желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, можно впередъ разсчитать съ математическою точностію все, что увидитъ человѣкъ и гдѣ и сколько времени проживетъ. Въ ту пору, при патріархальныхъ средствахъ сообщенія, путешествіе нравилось полною неизвѣстностію того, что ждетъ впереди странника; его молодому воображенію мечтались самыя разнообразныя встрѣчи и приключенія, въ родѣ тѣхъ, какія описаны въ знаменитой книгѣ прошлаго вѣка—«Сентиментальное путешествіе» Лаврентія Стерна. Не мудрено было и Карамзину мечтать о подобномъ путешествіи, гдѣ онъ воображалъ себя «птичкой небесной», пользующейся «неоцѣненной свободой», порхающей здѣсь и тамъ (1), хотя и на него находила иногда тоска по оставленнымъ на родинѣ друзьямъ, особенно при сознаніи, что онъ совершенно чужой чужимъ людямъ (2).

Это желаніе свободы, разнообразныхъ впечатлѣній природы и искусства, желаніе видѣть знаменитыхъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ тайное стремленіе сердца ко всему неизвѣстному, раскрашенному радужными цвѣтами воображенія, осуществилось для Карамзина въ Маѣ 1789 года. По всей вѣроятности онъ поѣхалъ на собственныя средства, уступивъ за деньги часть доставшагося ему имѣнія братьямъ, такъ что по

---

(1) Сочин. II, стр. 91, 183, 184.

(2) Тамъ же, стр. 128—129, 335—336.

возвращеніи изъ за-границы ему пришлось жить плодами этого путешествія, жить исключительно литературой ([3]). Онъ ѣхалъ на послѣднія деньги и недостатокъ ихъ заставилъ его поспѣшить изъ Лондона домой. Журналъ, веденный Карамзинымъ во время путешествія, въ обработанномъ видѣ, подъ названіемъ «Письма русскаго путешественника» къ друзьямъ, сталъ выходить въ свѣтъ съ января мѣсяца 1791 года въ его изданіи «Московской Журналъ» и обратилъ на себя общее вниманіе читающей публики. Литературное и образовательное для общества значеніе этихъ писемъ было очень велико по времени, но они дороги для насъ теперь особенно тѣмъ, что позволяютъ изучить самаго писателя, познакомиться съ тѣмъ, что особенно занимало его, на что онъ обращалъ молодое вниманіе, чѣмъ были заняты его сердце и умъ.

Путь Карамзина шелъ черезъ Петербургъ. Пробывъ пять дней въ этомъ городѣ, уже знакомомъ ему по прежней службѣ, повидавшись съ Дмитріевыми, онъ черезъ Лифляндію и Эстляндію, поѣхалъ въ простой кибиткѣ въ Ригу. На этомъ пути онъ замѣтилъ несчастныхъ латышей, жертвъ нѣмецкихъ бароновъ, «работающихъ господеви со страхомъ и трепетомъ» и приносящихъ доходу своему господину «вчетверо болѣе нашего казанскаго или симбирскаго мужика». Въ Дерптѣ вспомнилъ онъ Ленца, увидавъ его брата, пастора. Мысль, что онъ наконецъ за границею, произвела въ душѣ его особенную радость и разомъ прогнала долго сопровождавшую его тоску по оставленнымъ друзьямъ. Первымъ большимъ европейскимъ городомъ на дорогѣ былъ Кенигсбергъ. Здѣсь Карамзина

([3]) Г. Погодинъ (Утро, стр. 54) основывается на свидѣтельствѣ Дмитріева (Взглядъ, стр. 48). Новиковское общество посылало за границу нѣсколько лицъ близкихъ къ нему и молодыхъ людей, частію съ масонскими цѣлями, напр. Шварца, Шредера, Кутузова, частію для образованія, напр. Невзорова, Багрянскаго и др. Въ вопросныхъ пунктахъ, данныхъ членамъ общества о цѣли этихъ посылокъ, стоитъ также имя Карамзина, но масонъ Трубецкой на допросѣ показалъ, что Карамзинъ ѣздилъ на свой счетъ, а потому князь Прозоровскій уже не спрашивалъ объ этомъ другихъ. Тихонравова Лѣтоп. V, стр. 55 и 79. Тѣмъ не менѣе, есть извѣстіе, что инструкція Карамзину для путешествія написана была Гамлеею. См. примѣч. (88) г. Лонгинова къ запискамъ Дмитріева и Старчевскаго, Карамзинъ стр. 29. Содержаніе этой инструкціи однако неизвѣстно и, если она дѣйствительно была, то по всей вѣроятности имѣла въ виду масонскія цѣли, о которыхъ Карамзинъ не говоритъ ни слова.

больше всего интересовалъ Кантъ и онъ смѣло сдѣлалъ ему визитъ. Передъ глазами образованнаго русскаго дворянина стоялъ этотъ знаменитый «маленькой, худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный». Но этотъ старичекъ былъ «der alles zermalmende Kant», по мѣткому выраженію Мендельзона, приведенному и Карамзинымъ. Очень понятное любопытство привело нашего путешественника къ кенигсбергскому философу, котораго могущественная критика тогда еще не многими понималась во всемъ ея историческомъ значеніи. Карамзинъ могъ знать Канта только по наслышкѣ; его сердцу и уму была гораздо ближе наука Лафатера, у котораго онъ, по его выраженію, еще въ Москвѣ, «выманилъ письмо», но Кантъ сразу отдѣлалъ передъ путешественникомъ Лафатера, сказавъ, что «у него чрезвычайно живое воображеніе». «У Канта, замѣтилъ Карамзинъ, все просто, кромѣ.... его метафизики». Осмотрѣвъ достопримѣчательности Кенигсберга, довольный свиданіемъ съ Кантомъ, Карамзинъ передаетъ свои встрѣчи и разговоры на станціяхъ по пути къ Берлину. Старинные замки рыцарей, названные Карамзинымъ «разбойничьими», поразили его своимъ видомъ; онъ набросалъ удивительно вѣрную картину изъ домашней жизни средневѣковаго рыцаря ([4]). Въ Берлинѣ, осматривая городъ и его окрестности, Карамзинъ былъ полонъ воспоминаніемъ о другѣ своемъ Кутузовѣ, котораго не засталъ уже здѣсь, но и въ Берлинѣ онъ спѣшилъ познакомиться съ писателями. Въ бесѣдѣ съ Николаи, плодовитымъ представителемъ раціонализма въ Германіи, авторомъ и книгопродавцемъ, нельзя не замѣтить знакомства Карамзина съ современными вопросами нѣмецкой литературы, даже политическими: разговоръ шелъ о борьбѣ протестантизма съ іезуитами, но ему не нравился тонъ полемики, господствовавшей въ нѣмецкой литературѣ по этому вопросу. Его сердце не можетъ помириться съ злобою и горечью ея. Изъ другихъ берлинскихъ писателей онъ видѣлся и говорилъ съ Рамлеромъ, Морицемъ, котораго Anton Reiser кажется ему лучше всѣхъ систематическихъ психологій въ мірѣ. Въ театрѣ плакалъ онъ въ драмѣ Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» и назвалъ этотъ вечеръ счастливѣйшимъ въ жизни. Меньше впечатлѣнія произвело на него представленіе

([4]) Сочин. II, стр. 51—52.

«Донъ Карлоса», новой трагедіи Шиллера, особенно потому что онъ нашелъ въ ней «вычурныя выраженія».

Любуясь природою Саксоніи, наслаждаясь всѣмъ, что попадалось на пути, «радуясь всѣмъ прекраснымъ», Карамзинъ пріѣхалъ въ Дрезденъ и первымъ долгомъ его въ этомъ городѣ было разумѣется осмотрѣть знаменитую галлерею. Осмотръ продолжался только три часа. Это не помѣшало ему однако составить первое на русскомъ языкѣ, довольно обстоятельное и вѣрное по критической оцѣнкѣ обозрѣніе художественныхъ сокровищъ Дрездена. Но больше чудесъ искусства произвела впечатлѣніе на Карамзина мѣстность Дрездена. Любуясь Эльбою, горами и роскошными полями, освѣщенными вечернимъ солнцемъ, онъ былъ въ полномъ восторгѣ. «Я смотрѣлъ и наслаждался, говоритъ онъ; смотрѣлъ, радовался и даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! Вынулъ бумагу, карандашъ, написалъ: *любезная природа!* и болѣе ни слова!» Воспоминаніе о цвѣтущихъ берегахъ Эльбы онъ хочетъ унести на родину. Такое наслажденіе красотами природы, по отношенію ихъ къ сердцу, составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ путешествія Карамзина. Своеобразная прелесть природы теряется въ этомъ однообразномъ лирическомъ чувствѣ, въ которомъ все одинаково отражается. Но подобное отношеніе къ природѣ было принадлежностію не одного Карамзина; оно замѣтно вообще въ произведеніяхъ современныхъ писателей. Сердце играетъ тутъ главную роль, а сердечное убѣжденіе было для Карамзина гораздо дороже убѣжденій разума. Эту тему онъ съ жаромъ доказывалъ Лейпцигскому студенту въ почтовой коляскѣ, на пути изъ Дрездена въ Лейпцигъ.

Въ университетскомъ городѣ Саксоніи Карамзинъ пробылъ довольно долго, въ обществѣ профессоровъ, которые ласково и гостепріимно приняли любознательнаго путешественника. Здѣсь познакомился онъ съ Бекомъ и съ Платнеромъ, котораго лекцію слушалъ въ университетѣ. За веселымъ «аѳинскимъ ужиномъ» съ профессорами, говорили о поэзіи и литературѣ русской. Какъ образцовыя произведенія послѣдней, Карамзинъ назвалъ «Россіаду» и «Владиміра» Хераскова. Кромѣ ученыхъ профессоровъ, Карамзинъ видѣлся съ Вейссе, писателемъ для дѣтей, однимъ изъ извѣстныхъ педагоговъ, статьи котораго были имъ переведены для «Дѣтскаго чтенія». Наблюдательность Карамзина и умѣнье передавать имъ все

слышанное можетъ быть доказана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Лейпцигѣ записалъ онъ разсказъ о баронѣ Шрепферѣ, извѣстномъ вызывателѣ духовъ, который застрѣлился въ этомъ городѣ ([5]). Тоже самое лицо, по видимому, послужило для Шиллера прототипомъ для вызывателя духовъ въ его неоконченномъ романѣ «Geisterseher» и читая этотъ послѣдній невольно приходитъ на память разсказъ Карамзина.

Изъ Лейпцига путешественникъ отправился въ Веймаръ. Городъ этотъ былъ тогда столицею нѣмецкой литературы. Главные вожди ея: Гердеръ, Виландъ, Гёте жили тутъ, подъ просвѣщеннымъ покровительстовомъ саксенъ-веймарскаго двора и понятно нетерпѣніе Карамзина, съ которымъ онъ при въѣздѣ въ городъ распрашивалъ караульнаго сержанта: «здѣсь ли Виландъ? Здѣсь ли Гердеръ? Здѣсь ли Гёте?» Само собою разумѣется, что Карамзинъ поспѣшилъ сдѣлать имъ визиты. Любезностью и ласковостью въ обращеніи Гердера Карамзинъ былъ особенно обвороженъ. Виландъ, которому уже вѣроятно надоѣли подобныя посѣщенія праздныхъ путешественниковъ, принялъ его сначала холодно и сухо, счелъ его за человѣка, ищущаго только свѣтскихъ развлеченій, но потомъ разговорился съ нимъ о поэзіи, когда Карамзинъ доказалъ ему, что онъ самъ пишетъ и знакомъ съ нѣмецкой литературой. Ему онъ высказалъ свои планы и свои намѣренія касательно будущей жизни, которымъ кажется оставался вѣренъ всегда. «Тихая жизнь»—вотъ идеалъ Карамзина. «Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, *чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить*, говорилъ онъ Виланду *съ натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ*». Гёте Карамзинъ не видалъ; онъ разглядѣлъ въ окно только его греческій профиль.

Черезъ Эрфуртъ, Готу, Франкфуртъ на Майнѣ, Майнцъ, Мангеймъ, останавливаясь въ каждомъ городѣ, Карамзинъ изъ Веймара пріѣхалъ въ Стразбургъ. Рейнъ, съ своими «щедрыми долинами» и роскошными виноградниками напомнилъ путешественнику грустный образъ далекой родины, съ ея «пóтомъ орошаемыми садами, гдѣ аргусы съ дубинами стоятъ на караулѣ». Въ Страсбургѣ Карамзинъ замѣтилъ уже признаки

([5]) Сочин. II, стр. 133—137.

революціоннаго движенія; онъ видѣлъ бурную сцену на улицѣ. Это было въ началѣ августа 1789 года и весь Эльзасъ былъ въ волненіи отъ парижскихъ событій, «даже крестьяне ходили съ національными кокардами». Не останавливаясь долго въ Страсбургѣ, Карамзинъ поѣхалъ въ Швейцарію, которая давно манила его и своею природою и своими поэтами и учеными, близкими ему по душѣ. Въ Базелѣ уже онъ привѣтствуетъ эту страну «живописной натуры, землю свободы и благополучія». Горный воздухъ тотчасъ же оказалъ на него вліяніе. «Дыханіе мое стало легче и свободнѣе, говоритъ онъ, станъ мой распрямился; голова моя сама собою подымается вверхъ, я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ». Въ Базелѣ Карамзинъ познакомился съ молодымъ датскимъ путешественникомъ, докторомъ Беккеромъ, другомъ извѣстнаго поэта Баггезена и съ нимъ почти все время жилъ въ Швейцаріи. Беккеръ принадлежалъ къ тому же сорту людей, какъ и Карамзинъ: онъ былъ *чувствителенъ* и въ добавокъ влюбчивъ. Случайная встрѣча обратилась въ дружбу и Карамзинъ вернувшись на родину, переписывался съ Беккеромъ.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и преимущественно во французской части ея, въ Женевѣ и Лозаннѣ, Карамзинъ пробылъ около семи мѣсяцевъ до марта 1790 года. Останавливаясь въ городахъ и осматривая зданія, памятники и картины, онъ часто сходилъ съ большой дороги и заходилъ въ горы и деревушки, чтобъ наслаждаться красотами природы, не смотря на необычное для путешествія по Швейцаріи время, чтобъ видѣть простую жизнь швейцарцевъ, которая являлась ему въ образѣ Геснеровой идилліи. Самый полный восторгъ овладѣлъ душою путешественника въ хижинахъ пастуховъ на высотахъ альпійскихъ, куда онъ поднимался съ благоговѣніемъ. Здѣсь съ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ на долину и весело завтракалъ въ семьѣ горцевъ. Прелесть непосредственной жизни такъ сильна была для Карамзина въ эту минуту, что онъ высказывалъ желаніе отказаться для нея отъ всѣхъ удобствъ цивилизованной жизни. На Альпахъ читалъ онъ отрывки изъ Галлеровой поэмы «die Alpen». Если вѣрить разсказу гораздо позднѣйшаго русскаго туриста, то память о Карамзинѣ въ Швейцаріи долго жила въ семьѣ имъ облагодѣтельственной. Молодой и чувствительный путешественникъ устроилъ свадьбу бѣдной швейцарской парочки съ помощію

какого-то богатаго русскаго графа, жившаго въ одно время съ нимъ въ Лозаннѣ ([6]).

Кромѣ горныхъ красотъ швейцарской природы Карамзинъ, подобно тысячамъ путешественниковъ, посѣщаетъ и тѣ мѣста, которыя навсегда освящены поэзіей, геніемъ и страданіями Руссо. Изъ Лозанны идетъ онъ пѣшкомъ по этимъ прославленнымъ мѣстамъ, съ «Новою Элоизою» и «Признаніями» въ рукахъ. Онъ проводитъ цѣлый день на островѣ св. Петра, одномъ изъ послѣднихъ убѣжищъ Руссо. Съ глубокимъ чувствомъ говоритъ Карамзинъ объ этомъ «страдальцѣ злобы и предразсужденій человѣческихъ», выгнанномъ отовсюду за то, «что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ». Съ такимъ же уваженіемъ посѣтилъ Карамзинъ и жилище другаго знаменитаго писателя XVIII вѣка—Ферней. По словамъ Карамзина, никто не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ и дѣйствіе это состояло въ вѣротерпимости, въ томъ, что онъ «посрамилъ гнусное лжевѣріе», которому еще въ началѣ вѣка «приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ». Удивляясь силѣ Вольтеровой ироніи, Карамзинъ удивляется также и его драматическимъ произведеніямъ. Послѣдній взглядъ, по его собственному сознанію, измѣнился потомъ.

Сильнѣе природы, сильнѣе воспоминаній о Руссо и Вольтерѣ была для Карамзина бесѣда съ живыми писателями Швейцаріи, знакомыми ему прежде по сочиненіямъ. Въ Цюрихѣ онъ сдѣлалъ съ сердечнымъ трепетомъ визитъ къ знаменитому тогда, не между людьми положительной науки, а въ обществѣ масоновъ и мистиковъ — Лафатеру. Еще въ Москвѣ онъ считалъ его великимъ писателемъ; еще въ Москвѣ онъ любилъ заниматься физіогномикой, а потому желаніе лично познакомиться съ этимъ мечтательнымъ мыслителемъ прошлаго вѣка было очень сильно въ Карамзинѣ. Для московскихъ друзей его описаніе свиданія съ Лафатеромъ безъ сомнѣнія было интереснѣе бесѣды съ Кантомъ, а потому Карамзинъ не забылъ замѣтить, что Пфенингеръ, другъ Лафатера, очень похожъ на С. И. Гамалею. Съ подробностію говоритъ Карамзинъ о наружности Лафатера, о бесѣдахъ своихъ съ нимъ, о новыхъ, написанныхъ имъ сочиненіяхъ,

---

([6]) Карамзинъ въ Швейцаріи. Отеч. Зап. 1849 г. Т. LXIX, отд. VIII, стр. 225—240.

объ образѣ жизни его. Въ Женевѣ, гдѣ Карамзинъ провелъ почти всю зиму, живя свѣтскою жизнію въ обществѣ, переполненномъ въ это время путешественниками разныхъ націй и въ особенности бѣглыми французскими эмигрантами, онъ чаще всего бывалъ у Боннета. Старикъ философъ жилъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы и Карамзинъ смотрѣлъ на него какъ на лучшаго писателя о природѣ, котораго сочиненія изучалъ еще въ Москвѣ и переводилъ изъ нихъ отрывки для «Дѣтскаго Чтенія». Боннету онъ обѣщалъ непремѣнно по возвращеніи въ Россію, заняться переводомъ его сочиненій и старикъ заставилъ его сдѣлать первый опытъ перевода въ его кабинетѣ, оставивъ отрывокъ на память. Боннетъ замѣтилъ въ Карамзинѣ «патріотическое чувство», высказываемое имъ въ желаніи просвѣтить свой народъ.

Въ началѣ марта 1790 года Карамзинъ оставилъ Швейцарію и чрезъ Ліонъ поѣхалъ въ Парижъ, самый желанный и интересный для него городъ. Въ Ліонѣ онъ провелъ весело нѣсколько дней посреди удовольствій случайныхъ знакомствъ и разговоровъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Матиссономъ. Статуя Лудвига XIV на большой ліонской площади навела его на мысль о Петрѣ В. и для насъ любопытенъ *тогдашній* взглядъ Карамзина на великаго человѣка русской земли, во многомъ потомъ измѣнившійся. Петръ для Карамзина въ это время былъ «лучезарнымъ богомъ свѣта», освѣщающимъ глубокую тьму вокругъ себя». На преобразователя смотритъ онъ, какъ на «благодѣтеля человѣчества, какъ на своего собственнаго благодѣтеля». Дикій камень подъ его монументомъ на площади Сената—образъ состоянія Россіи предъ временемъ преобразованія.

«*Я въ Парижѣ!* Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... *я въ Парижѣ!* говорю самъ себѣ и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отличнымъ любопытствомъ, на домы, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами—веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій». Такъ привѣтствуетъ Карамзинъ свое появленіе въ столицѣ модъ и вкуса, повторяя словами своими ощущенія и восторги многихъ тысячей своихъ соотечественниковъ, прошедшихъ и

будущихъ. Но Парижъ былъ не Веймаръ, не Цюрихъ, не Женева, гдѣ Карамзинъ не надолго посѣтивъ Виланда, Лафатера или Боннета, могъ бы разомъ окунуться въ духовные интересы города. Онъ не зналъ къ кому изъ ученыхъ и литераторовъ Парижа идти съ визитомъ. При томъ столица Франціи жила въ это время новою политическою жизнію; все, что только имѣло претензію на умъ, было занято волнующими государственными вопросами. Старое французское общество, которое ожидалъ найти Карамзинъ, было разогнано бурею. Этой-то новой стороны французской жизни Карамзинъ, привыкшій къ описаніямъ стараго общества, не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить. «Грозная туча носится надъ башнями Парижа», говорилъ онъ, «златая рошкошь, опустивъ черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками.» Новая жизнь Парижа чужда Карамзину. Онъ жалѣетъ искренно, что «французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности». Онъ никакъ не ожидалъ кровавыхъ революціонныхъ сценъ «отъ зефирныхъ французовъ, которые славились своею любезностію». Карамзинъ весь на сторонѣ старой французской монархіи, «при которой все благоденствовало», и смотритъ на людей новыхъ, какъ на дерзкихъ смѣльчаковъ, «поднявшихъ сѣкиру на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ»!* Въ Версали онъ съ ужасомъ вспоминаетъ о днѣ 4 октября, когда «прекрасная Марія» въ первый разъ услыхала «грозный крикъ парижскихъ варваровъ». Для него тяжело, что революція «должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго.» Не смотря на эти симпатіи къ прошедшему Франціи, Карамзинъ не раздѣлялъ однако легкомысленныхъ убѣжденій и надеждъ эмигрантовъ и очень хорошо понималъ смыслъ движенія. Онъ видѣлъ, что первою конституціей «исторія не кончилась», говорилъ, что «французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Въ засѣданіи народнаго собранія онъ видѣлъ цѣлую бурю, такъ какъ рѣчь при немъ шла о свободѣ исповѣданій въ государствѣ; онъ слышалъ здѣсь Мирабо и Мори.

Карамзинъ былъ чуждъ этой политической жизни, да и не для нея онъ пріѣхалъ въ столицу Франціи, въ которой хотѣлъ изучить веселую французскую жизнь стараго времени, видѣть зданія и чудеса искусства, набраться новыми впечатлѣніями. Странно было бы ожидать отъ Карамзина, чтобъ онъ

слѣдилъ въ Парижѣ за новыми явленіями. На волненіе его онъ смотрѣлъ «съ тихою душею, какъ мирной пастырь смотритъ съ горы на бурное море». Тогда революція не дошла еще до тѣхъ явленій, которыя должны были сильно потрясти душу Карамзина, видѣвшаго въ нихъ посягательство на все, что было дорогаго и священнаго для него, понимавшаго, что рушится цѣлый міръ, гдѣ онъ выросъ и долго жилъ умомъ и сердцемъ. Въ Парижѣ онъ искалъ этотъ міръ и уединялся въ немъ. Онъ посѣтилъ Бартелеми, Мармонтеля, котораго переводилъ, Лавуазье и др. Познакомившись съ какимъ то знатнымъ и богатымъ домомъ, въ качествѣ русскаго литератора, онъ участвовалъ въ литературномъ чтеніи и передалъ въ своихъ письмахъ содержаніе «розовой тетрадки» аббата, содержаніе, посвященное любви и ея психологическому разбору; онъ самъ сочиняетъ въ Парижѣ нѣжные стихи и читаетъ ихъ. Съ особою любовію говоритъ онъ о художественныхъ созданіяхъ вѣка Лудвига XV, объ этихъ граціозно-изнѣженныхъ, сладострастныхъ образахъ, уже начинавшихъ быть аномаліей, объ Амурѣ Бушардона, о Венерѣ, Марсѣ и нимфахъ будуара въ увеселительномъ дворцѣ графа д'Артуа, о садахъ Тріанона и роскоши версальской.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за Карамзинымъ въ его подробномъ изученіи Парижа, мы желали только видѣть его самаго, узнать его взгляды. Въ его симпатіяхъ и антипатіяхъ рисуется его характеръ, обнаруживается то, что вошло въ содержаніе его произведеній. Въ Парижѣ высказалъ онъ и первыя мысли свои о русской исторіи въ бесѣдѣ съ Левекомъ, авторомъ русской исторіи. Онъ жалѣетъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ русской исторіи, «написанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, благороднымъ краснорѣчіемъ». Образцами для такой исторіи должны быть Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ. «Говорятъ, что русская исторія не занимательна, продолжаетъ Карамзинъ, не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и пр. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и иностранцевъ». Изъ этихъ словъ видно, какъ рано уже Карамзинъ сознавалъ свое призваніе. Левекъ его не удовлетворяетъ: «Россія не мать ему, не наша кровь течетъ въ его жилахъ». Къ тому же Левекъ не любитъ Петра В., а Карамзинъ въ эту пору своего развитія, какъ

мы видѣли, благоговѣлъ предъ нимъ. Онъ защищаетъ и оправдываетъ вполнѣ преобразованіе, потому что «*путь просвѣщенія одинъ для всѣхъ народовъ.*» Онъ защищаетъ даже перемѣну, сдѣланную Петромъ въ платьѣ и наружномъ видѣ русскихъ; «старинныя обыкновенія были грубы, недостойны нашего вѣка.» Онъ оправдываетъ даже крутыя мѣры Петра: «надлежало *свернуть голову* закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать.» Карамзинъ увѣренъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ, двинутые мощною рукою Петра, догнали Европу. Сожалѣнія объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской народной физіогноміи кажутся для Карамзина «жалкими Іереміадами» или «шуткою, происходящею отъ недостатка въ основательномъ размышленіи». Доля нашихъ предковъ была: «грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука», а теперь «для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ». «*Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами*». Такъ смотрѣлъ на исторію своей родины молодой Карамзинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ западной жизни, въ восторгѣ отъ всего видѣннаго. Послѣдующій ходъ развитія его мыслей, условливаемый и политическими событіями Европы, и вдумываніемъ въ свою исторію, и глубокимъ изученіемъ ея, представитъ намъ постепенное измѣненіе этого взгляда, дошедшее черезъ нѣсколько лѣтъ до крайней противоположности вышесказанному по поводу бесѣды съ историкомъ Левекомъ.

Изъ Франціи, чрезъ Кале, гдѣ Карамзинъ искалъ мѣста, описанныя въ сентиментальномъ путешествіи Стерна и Дувръ, путешественникъ переѣхалъ въ Лондонъ. Въ Англіи онъ видѣлъ только столицу страны и ея окрестности, гдѣ пробылъ не долѣе мѣсяца. Крайняя противоположность съ Франціей поразила Карамзина, хотя Англію, любимую имъ съ дѣтства, онъ ставитъ очень высоко въ ряду европейскихъ государствъ. Какъ прилично сентиментальному путешественнику, Карамзинъ съ восторгомъ отзывается объ англичанкахъ. Лондонъ былъ осмотрѣнъ Карамзинымъ весьма внимательно, но точно также какъ и Парижъ—болѣе внѣшнимъ образомъ. Изъ политической жизни Англіи Карамзину удалось быть, кромѣ нижней палаты, на одномъ изъ засѣданій верхней, обратившейся въ судъ надъ Гастингсомъ. Этотъ знаменитый въ парламентской исторіи

Англіи процессъ, содержаніе и внѣшняя обстановка котораго описаны такимъ блестящимъ образомъ Маколеемъ, не произвелъ на Карамзина большаго впечатлѣнія. Онъ видѣлъ и слушалъ Борка, Фокса и Шеридана, обвинителей со стороны Нижней Палаты и смотрѣлъ на нихъ какъ на риторовъ, не будучи нисколько затронутъ ихъ краснорѣчіемъ. Очень хладнокровно отзывается онъ о Гастингсѣ, что генералъ-губернаторъ Индіи «виноватъ противъ человѣчества, но не виноватъ противъ Англіи». Вообще и въ этой странѣ, какъ и во Франціи, Карамзинъ былъ чуждъ наблюденіямъ политической жизни; самые англичане, которыхъ онъ такъ любилъ въ дѣтствѣ, разочаровали его; «похвала моя такъ холодна, какъ они сами»—заключаетъ Карамзинъ. Они слишкомъ разсудительны, слишкомъ скучны для него, но объ англичанкахъ онъ отзывается иначе. Онѣ образцовыя матери и жены по его словамъ, и вообще семейную жизнь Англіи онъ ставитъ очень высоко, какъ и англійскую литературу, о которой представилъ нѣсколько бѣглыхъ, но вѣрныхъ замѣтокъ. Изъ Англіи Карамзинъ воротился моремъ въ Россію въ сентябрѣ 1790 года.

Это путешествіе Карамзина, въ описаніи котораго мы слѣдили за его впечатлѣніями и старались показать его вкусы и предпочтенія къ той или другой сторонѣ видѣнной имъ чужой жизни, для его духовнаго развитія, для будущей его литературной дѣятельности было въ высшей степени важно. Не только то обстоятельство, что Карамзинъ видѣлъ лицомъ къ лицу любимыхъ имъ писателей и бесѣдовалъ съ ними, хотя разумѣется, содержаніе и характеръ бесѣдъ этихъ условливались непродолжительными и торопливыми визитами путешественника, самое посѣщеніе мѣстъ, которыя до тѣхъ поръ существовали только, въ его воображеніи, должно было оказать свое вліяніе и на долго образы видѣннаго и слышаннаго остались живыми въ памяти Карамзина; не разъ встрѣчаются воспоминанія странствія въ послѣдующихъ сочиненіяхъ его. Историческое значеніе «Писемъ русскаго путешественника» по отношенію къ тогдашнему читающему обществу было весьма велико. Въ первый разъ предъ образованными русскими людьми предстала Европа, съ произведеніями своего искусства, съ разнообразною природою, составлявшею контрастъ нашей сѣверной, съ представителями духовной дѣятельности своей, конечно по чему либо только близкими и дорогими сердцу Карамзина. Сентиментальный тонъ путешественника, его сердеч-

ныя изліянія при видѣ картинъ природы или случайно подмѣченныхъ на дорогѣ сценъ, пришлись также по вкусу общества. Послѣднее было такъ мало развито тогда, такъ слабо могло интересоваться духовною и умственною стороною Европы, что именно этотъ, частію плаксивый тонъ и нѣжные восторги нравились ему больше всего. Въ этомъ Карамзинъ нашелъ скоро себѣ подражателей и русская литература представила цѣлую школу «чувствительныхъ путешественниковъ», думавшихъ не столько объ описаніи страны видѣнной ими, сколько желавшихъ познакомить публику съ нѣжностію своего сердца и его изліяніями по поводу небывалыхъ приключеній.

«Письма» Карамзина имѣютъ для насъ относительное, историческое достоинство; читать ихъ можно въ настоящее время только съ интересомъ изученія самаго Карамзина и его литературной эпохи. Несправедлива та критика, которая смотритъ на нихъ съ современной точки зрѣнія и требуетъ отъ нихъ того, чего они не въ состояніи дать ([7]). Эта критика нападаетъ на Карамзина за сентиментальный тонъ его описаній, за поверхностность содержанія, за то, что онъ не обратилъ вниманія на политическое устройство видѣнныхъ странъ и проч. Обыкновенно письма Карамзина сравниваютъ съ «письмами изъ за границы» другаго русскаго писателя Фонъ-Визина, писанными имъ къ графу Панину, отдавая преимущество послѣднимъ за большую глубину содержанія и за тонкую, развитую наблюдательность, съ которою Фонъ-Визинъ смотритъ на состояніе Франціи наканунѣ революціи, какъ бы предчувствуя симптомы начинающейся бури. Но знаменитый комикъ нашъ стоялъ въ другомъ отношеніи къ видѣнному, чѣмъ молодой Карамзинъ. Фонъ-Визинъ былъ воспитанъ въ очень дѣльной политической школѣ, служа при графѣ Панинѣ; онъ былъ знакомъ со многими нашими посланниками и переписывался съ ними; его взглядъ необходимо долженъ былъ быть шире. При томъ Фонъ-Визинъ былъ одиннадцатью годами старше Карамзина и тѣ предметы, которые могли интересовать послѣдняго, по его развитію и образованію, не имѣли никакого значенія для перваго. Карамзину было только двадцать три года, когда онъ

([7]) Такова напр. критика Бѣлинскаго. См. отзывы его о «Письмахъ Карамзина» въ Сочиненіяхъ т. I, стр. 63—64; т. IV, стр. 32—33 и т. VIII стр 136—137.

путешествовалъ по Европѣ; онъ былъ молодъ чувствомъ, а оно направлено было у него такъ, какъ раскрывается въ путешествіи; онъ жадно искалъ наслажденія и нашелъ его. Увлеченіе Карамзина встрѣчами на дорогѣ, которымъ онъ придаетъ романическій характеръ, его восторженныя слезы или восклицанія при видѣ красиваго ландшафта или памятника, посвященнаго романическому событію,—это тоже, что гораздо позднѣйшій восторгъ при созерцаніи картинъ Рафаэля или Беато-Анжелико. Всякое время имѣетъ свой паѳосъ и увлеченіе. Не будемъ требовать отъ Карамзина того, что не могли дать ни самъ онъ, ни время, его создавшее.

Для насъ письма изъ за границы Карамзина имѣютъ еще другое значеніе. Они представляютъ высокій автобіографическій интересъ, единственный памятникъ, въ которомъ въ теченіе полутора года, можно слѣдить за Карамзинымъ, за его мыслями и чувствованіями, за его жизнію. Здѣсь, по его собственному выраженію, образъ того «каковъ онъ былъ, какъ думалъ и мечталъ». Передъ нами теперь тринадцать лѣтъ жизни Карамзина, въ продолженіе которыхъ, до самаго его назначенія исторіографомъ, онъ создалъ почти всѣ свои литературныя произведенія, имѣвшія вліяніе на вкусъ и направленіе публики, доставившія ему славу и извѣстность, образовавшія многочисленную школу учениковъ и подражателей, а между тѣмъ изъ этого долгаго, главнаго періода его дѣятельности, о самомъ Карамзинѣ, объ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, о его отношеніяхъ какъ человѣка, мы имѣемъ самыя скудныя, ничтожныя свѣдѣнія. Карамзинъ весь теряется для біографа; мы не знаемъ тѣхъ необходимыхъ связей между произведеніями его и случаями жизни, которые должны были вызвать первыя; его личность закрывается для глазъ литературнымъ дѣломъ его и только въ немъ одномъ мы можемъ слѣдить развитіе Карамзина какъ человѣка. Невольно находитъ на душу грусть, что такъ мало оказано было современниками участія къ писателю, доставлявшему имъ высокое наслажденіе, настроившему на тонъ своихъ произведеній цѣлое общество. Невольно приходитъ въ голову неотвязно-печальная мысль, что удовольствіе, доставляемое нашему обществу чтеніемъ и литературою есть удовольствіе совершенно случайное, а не необходимая потребность образованія и печальная мысль становится еще печальнѣе отъ сравненія судьбы нашихъ писателей съ судьбою братьевъ ихъ въ Европѣ, окружающей

такимъ уваженіемъ духовныхъ вождей своихъ, глубоко цѣнящей каждый шагъ ихъ въ жизни и обществѣ и добивающейся открыть необходимую связь жизни и произведеній писателя между собою. Нѣтъ, не смотря на увлеченіе Карамзинымъ, въ пустотѣ жизни, его окружающей, онъ не нашелъ себѣ настоящихъ цѣнителей; современники ничего не сдѣлали для него и не дали намъ средствъ видѣть его посреди людей и общества въ этотъ періодъ его дѣятельности.

Въ Петербургѣ Карамзинъ пробылъ только три недѣли и тогда же высказалъ И. И. Дмитріеву намѣреніе свое издавать журналъ въ Москвѣ, гдѣ рѣшился поселиться на всегда. При посредствѣ Дмитріева, уже знакомаго съ Державинымъ, Карамзинъ сошелся съ пѣвцомъ Фелицы и увезъ съ собою обѣщаніе его участвовать въ предполагаемомъ журналѣ и сборникъ стиховъ своего друга для него же ([8]). Для журнала необходимы были сотрудники и Карамзинъ поспѣшилъ въ Москвѣ войти въ литературный кругъ тогдашняго куратора Московскаго университета Хераскова, около котораго и жены его, тоже писательницы, собиралось тогда въ Москвѣ все пишущее и интересующееся литературой.

«Московской Журналъ» Карамзина ([9]) сталъ появляться съ января 1791 года и не смотря на свою сѣрую бумагу и плохой шрифтъ новаго содержателя университетской типографіи Окорокова, смѣнившаго Новикова, онъ дорогъ намъ по своему значенію въ исторіи русской словесности. Это былъ первый русскій литературный журналъ съ живымъ и разнообразнымъ содержаніемъ, которое могло увлечь читающую публику и образовать ея вкусъ. Въ первый разъ въ русской жизни является человѣкъ, который исключительно посвящаетъ всего себя литературѣ и дѣлаетъ ее призваніемъ своей жизни. Съ такимъ строгимъ взглядомъ на литературное дѣло, которое до него являлось всегда чѣмъ то постороннимъ для человѣка, исключительно преданнаго государственной службѣ, Карамзинъ разомъ поднимаетъ и слово въ отношеніи къ жизни. Между имъ и жизнію открывается возможность взаимодѣйствія. Карамзинъ, уже пріученный въ обществѣ Новикова къ журнальной дѣятельности, не боялся взять на себя сроч-

---

([8]) Взглядъ, стр. 69.

([9]) Восемь частей. М. 1791—1792.

ную и тяжелую работу журналиста. Въ объявленіи, напечатанномъ имъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ ([10]), онъ представилъ разнообразный и занимательный планъ состава своего журнала. Въ него должны входить: 1) *Русскія сочиненія* въ стихахъ и прозѣ; 2) *переводы* съ иностраннаго и извѣстія о новыхъ книгахъ; 3) *критическій отдѣлъ*; 4) *извѣстія* о московскомъ *театрѣ* и 5) *описаніе разныхъ происшествій*, что должно было составить собственно политическій отдѣлъ. Карамзинъ приглашалъ и постороннихъ сотрудниковъ присылать къ нему свои статьи, но только *не теологическаго*, *мистическаго* и слишкомъ *ученаго* содержанія. «Журналъ, говорилъ онъ, выдавать не шутка—я знаю—однакожъ чего не дѣлаетъ охота и прилежность? Множество иностранныхъ журналовъ лежитъ у меня передъ глазами; ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться». Книжки должны были появляться каждый мѣсяцъ.

Съ первой же книжки программа издателя была точно выполнена; здѣсь, вмѣстѣ со стихами Державина, Нелединскаго, Львова, Дмитріева, самаго Карамзина и другихъ, стали появляться и «Письма русскаго путешественника», написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго; явились и первыя литературныя критики Карамзина, начиная съ разбора прозаическаго «творенія» Хераскова «Кадмъ и Гармонія», исполненнаго уваженіемъ и похвалами автору и состоящаго преимущественно изъ выписокъ; стали печататься и разборы пьесъ театральныхъ съ игрою актеровъ, принадлежащіе самому Карамзину, на котораго главнымъ образомъ падала обязанность наполнять книжки своего журнала. Дѣйствительно почти три четверти всего этого изданія принадлежитъ неутомимо работавшему Карамзину, въ теченіе двухъ лѣтъ наполнявшему журналъ то разными переводами или цѣлыхъ произведеній иностранной литературы, каковы напр. повѣсти Мармонтеля или отрывками изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ, отрывками полными свѣжаго интереса для читателей, напр. біографія Бальзамо или Калліостро, помѣщеніе которой доказываетъ, что Карамзинъ совершенно разошелся съ таинственными вѣрованіями масоновъ; то критическими разборами новыхъ русскихъ книгъ или иностранныхъ, переве-

---

([10]) Статья г. Погодина о «Московскомъ журналѣ». Русск. Вѣстн. 1866 г. Іюль, стр. 237.

денными изъ лучшихъ журналовъ европейскихъ того времени. «Московской журналъ» съ разу со стороны формальной, со стороны легкости слога и общедоступности его, уронилъ старую тяжелую школу и сдѣлался образцомъ для молодыхъ писателей, смотрѣвшихъ на Карамзина, какъ на учителя.

Самое главное и получившее значеніе въ исторіи нашей литературы содержаніе «Московскаго Журнала» представляютъ однако самостоятельныя произведенія самаго издателя. О «Письмахъ русскаго путешественника», почти вполнѣ появившихся въ этомъ журналѣ, мы уже говорили. Взглянемъ въ чемъ состоятъ другія произведенія и какое значеніе имѣютъ они для литературной біографіи Карамзина.

Первымъ самостоятельнымъ произведеніемъ Карамзина въ «Московскомъ Журналѣ» были драматическіе отрывки «Софія» ([11]), взятые по видимому изъ русской жизни, гдѣ дѣйствующія лица состоятъ изъ старика—мужа, молодой жены его и обольстителя француза. Мелодраматичность развязки, кончающейся убійствомъ и самоубійствомъ, мѣсто дѣйствія въ какой-то деревнѣ «въ брынскихъ лѣсахъ», все это показываетъ вліяніе на Карамзина современныхъ пьесъ Коцебу и объ отрывкѣ этомъ стоитъ упомянуть только потому, что онъ былъ первый и единственный опытъ Карамзина въ драматическомъ родѣ. Въ томъ же первомъ году журнала напечатано было воспоминаніе его о Фролѣ Силинѣ ([12]) и нѣсколько мелкихъ статеекъ чисто лирическаго содержанія. Но гораздо важнѣе всего этого было появленіе въ журналѣ первыхъ повѣстей Карамзина, съ тѣмъ направленіемъ и съ тѣмъ чувствительнымъ содержаніемъ, которое составляло тогда ихъ оригинальность и, подобно «Вертеру» Гёте въ нѣмецкой литературѣ, и въ нашей составило цѣлую эпоху, увлекая за собою и толпы литературныхъ подражателей и толпы восхищенныхъ на долго читателей.

Первая повѣсть въ этомъ родѣ Карамзина носитъ названіе «Ліодоръ» ([13]). Она не кончена, а потому Карамзинъ и не перепечатывалъ ее изъ журнала. Въ ней впервые является модной герой, на долго оставшійся типомъ въ русской повѣсти.

([11]) Московской Журналъ, 1791 г. ч. 2, Іюнь, стр. 253—276 и ч 3, Іюль, стр. 13—31.

([12]) Тамъ же, ч. 3, Іюль, стр. 31—37.

([13]) Тамъ же 1792 г. ч. 5. Мартъ, стр. 305—334.

Онъ красавецъ, разумѣется, и все въ немъ обнаруживаетъ «кроткую душу, любовь и чувствительность». Онъ учился за границей, въ Лейпцигскомъ университетѣ, долго странствовалъ по Европѣ, полюбилъ на югѣ ея прекрасную иностранку и лишился ея. Съ тѣхъ поръ «погруженный въ глубокую меланхолію», онъ живетъ въ сельскомъ уединеніи, одинъ съ своею тоскою. Тамъ встрѣтилъ его Карамзинъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, Исидоромъ и Агатономъ и сумрачный незнакомецъ открылъ имъ свою душу. Но не этотъ замыселъ, имѣвшій свое значеніе въ дѣйствіи литературы того времени на общество, интересуетъ насъ въ этой неоконченной повѣсти Карамзина. Она любопытна тѣмъ, что не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ Карамзинъ воротился изъ Европы, а взглядъ его сильно измѣнился. Карамзинъ жалѣетъ здѣсь о русской старинѣ до преобразованія. «Ліодоръ, говоритъ онъ, согласно съ нами утверждалъ, что тогда было въ дворянахъ нашихъ болѣе *духа*, болѣе характерной *твердости*, нежели нынѣ, когда мы, погнавшись за *блестящею* наружностію другихъ націй, оставили все то, чѣмъ Богъ и натура хотѣли отличить насъ отъ другихъ народовъ земли, оставили, *забыли самихъ себя*, и сдѣлались во всемъ учениками (и въ самой литературѣ), не будучи мастерами ни въ чемъ» ([14]). Эта мысль, въ первый разъ здѣсь высказанная, зрѣетъ постепенно въ его умѣ. Въ послѣдній періодъ жизни Карамзина, послѣ занятій отечественной исторіей, она становится глубокимъ, сознательнымъ убѣжденіемъ, но въ эту пору своей литературной дѣятельности Карамзинъ еще колеблется. Такъ въ 1797 или 1798 году, набрасывая планъ для «похвальнаго слова» Петру Великому, онъ сравниваетъ его съ Фидіасомъ, творившимъ въ «безобразномъ мраморѣ» и увѣренъ, что какъ ходъ природы одинъ, такъ и просвѣщеніе только одно и что русскимъ, въ ихъ духовномъ и моральномъ униженіи нельзя было оставаться. Онъ доходитъ опять до оправданія жестокостей Петра ([15]), но теперь, какъ бы въ отвѣтъ на мысль высказанную въ «Ліодорѣ», Карамзинъ пишетъ другую чувствительную повѣсть, взятую изъ русской старины: «Наталья Боярская дочь» ([16]), гдѣ так-

---

([14]) Моск. Журн. ч. 5 стр. 315.

([15]) Неиздан. соч. и переп. Карамзина, стр. 201—202.

([16]) Моск. Журн. ч. 8, Октябрь и Ноябрь, стр. 13—69 и Декабрь стр. 237—278.

же высказывается имъ любовь къ прошедшему, къ «брадатымъ» предкамъ, «когда русскіе были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу» . . . . . Карамзинъ говоритъ въ предисловіи къ этой повѣсти, что память его полна множествомъ былей и анекдотовъ изъ русской старины. Подобно позднѣйшимъ славянофиламъ, онъ видитъ образъ древней Руси въ современныхъ поселянахъ. Но любовь къ русской старинѣ, такъ горячо высказываемая Карамзинымъ, не оправдалась однако нисколько художественнымъ воспроизведеніемъ ея въ этой повѣсти и Наталья боярская дочь болѣе походитъ на героиню какого либо рыцарскаго романа, чѣмъ на робкую дочь Москвы XVII вѣка, воспитанную въ уединенномъ теремѣ.

Но самою знаменитою изъ повѣстей Карамзина, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Журналѣ», по своему вліянію на вкусъ и направленіе читающей публики, была «Бѣдная Лиза» ([17]). Въ ней видимъ мы и недостатокъ творческаго таланта автора и самое сильное выраженіе Карамзинской чуствительности; «слезы нѣжной скорби» струятся сквозь страницы этой небольшой повѣсти, замѣчательной въ исторіи русскаго общества, сдѣлавшей ту мѣстность гдѣ погибла Лиза предметомъ поклоненія для чувствительныхъ душъ въ теченіе многихъ годовъ. Надъ этой повѣстью лили горячія слезы наши бабушки, но онѣ лили ихъ именно потому, что въ повѣсти выражено было не дѣйствительное страданіе, а вымышленное. Первое проходило не замѣченнымъ въ жизни, какъ будто оно слилось съ нею неразрывно, а это идеальное страданіе, совершенно оторванное отъ дѣйствительности, своею крайнею противоположностію жизни, одѣтое въ форму поэзіи, въ живой языкъ Карамзина, должно было дѣйствовать на потрясенныя нервы. «Бѣдная Лиза»—это воспоминаніе Карамзина изъ міра Геснеровыхъ идиллій, навѣяна на него можетъ быть дѣйствительнымъ разсказомъ старухи въ окрестностяхъ Парижа, но не дѣйствительнымъ русскимъ событіемъ. Вліяніе повѣстей Мармонтеля и Жанлисъ, переводимыхъ Карамзинымъ, сказалось на «Бѣдной Лизѣ». Какъ извѣстно, въ повѣсти нѣтъ ничего русскаго, хотя разсказъ переноситъ читателя въ Москву и

([17]) Моск. Журн. 1792 г. ч. 6, Іюнь, стр. 238—277.

въ немъ помѣщено прекрасное описаніе знаменитаго вида съ Воробьевыхъ горъ. Но эта-то отвлеченность отъ жизни и была причиною слезъ, пролитыхъ по поводу судьбы Лизы. Дѣйствительное страданіе скорѣе раздражаетъ чѣмъ трогаетъ и извлекаетъ слезы. Не смотря однако на эту отдаленность повѣсти отъ жизни, струя человѣческаго чувства, простаго и трогательнаго по своему содержанію, введенная въ нее Карамзинымъ, теплыя слова о сердцѣ, его волненіяхъ и страданіяхъ, внутренній пылъ страсти, всѣ эти новые элементы, незнакомые обществу изъ прежней, холодной и напыщенной литературы до Карамзина, были съ его стороны большою заслугою передъ нимъ. Повѣсти Карамзина научили это общество чувствовать и любить русскую словесность. Имя Карамзина облетѣло всюду по Россіи, куда только доходили синенькія книжки его журнала; онъ разомъ пріобрѣлъ славу и всеобщую любовь.

«Пой Карамзинъ и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ»

привѣтствовалъ его уже славный Державинъ изъ Петербурга.

Мы сказали, что литературные труды Карамзина, которымъ онъ отдался со всею страстію человѣка преданнаго своему дѣлу, совершенно скрываютъ отъ насъ его, какъ человѣка и фактовъ біографическихъ надобно искать въ его изданіяхъ этого періода жизни, разгадывать ихъ. «Московской Журналъ» длился два года, поглощая все время Карамзина. Въ объявленіи объ изданіи его въ 1792 году, онъ откровенно говоритъ читателямъ, что пересматривая изданное въ 1791 году, многимъ остается недоволенъ, многое желалъ бы перемѣнить; онъ сознается, что журналъ его былъ бы лучше, «еслибы 1791 годъ былъ для меня не столь мраченъ» ([18]). Намекъ этотъ остается необъясненнымъ. Въ будущемъ онъ надѣется имѣть больше спокойствія, но жалуется, что издаетъ одинъ, безъ помощниковъ. Изъ его объявленія мы узнаемъ, что у Карамзина было только триста подписчиковъ ([19]), и при такомъ жалкомъ сочувствіи публики онъ не потерялъ бодрости, обѣщая, въ случаѣ увеличенія числа подписчиковъ, улуч-

---

([18]) Моск. Журн 1791 г ч. 4, Ноябрь, стр. 245.

([19]) Любопытно, что въ Казани былъ только одинъ любитель литературы, подписавшійся на «Московской Журналъ». Его имя стоитъ упомянуть: Александръ Логиновичъ Лихачевъ.

шить изданіе. Въ началѣ 1792 года февральская книга запоздала выходомъ и извиняясь въ томъ передъ читателями, Карамзинъ говоритъ, что онъ ѣздилъ изъ Москвы: «должность журналиста должна была уступить должности человѣка и родственника». Къ этой поѣздкѣ относится небольшой отрывокъ Карамзина «Деревня» ([20]), написанный подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы. Перерывъ былъ и въ концѣ втораго года изданія, послѣдніе мѣсяцы его вышли гораздо позднѣе «по разнымъ обстоятельствамъ». На слѣдующій годъ онъ уже не продолжалъ изданія и съ какою-то радостію объявлялъ читателямъ, что онъ свободенъ отъ взятаго на себя обязательства, но свобода эта «не будетъ и не должна быть праздностію». Онъ хочетъ учиться чтобъ приняться за достойный и великій трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца его. Между тѣмъ онъ обѣщаетъ сборникъ, изъ сочиненій своихъ и пріятелей, обѣщаетъ въ немъ «строжайшій выборъ пьесъ, чистѣйшій, болѣе выработанный слогъ», такъ какъ изданіе не будетъ выходить въ срокъ. «Можетъ быть, съ букетомъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ, положу я первую книжку «Аглаи» на алтарь грацій».

Безъ сомнѣнія эти перерывы журнала, отлучки Карамзина изъ Москвы и намеки его на то, что годъ былъ мраченъ для него, совпадали съ преслѣдованіемъ бывшихъ друзей его — масоновъ, которое началось въ этомъ году и достигло высшаго развитія въ началѣ слѣдующаго. Въ апрѣлѣ 1792 года жгли въ Москвѣ мистическія изданія Новикова, тогда же былъ онъ схваченъ въ своей подмосковной и отвезенъ въ Шлиссельбургъ. Начался извѣстный процессъ и вѣроятно Карамзинъ тоже былъ допрашиваемъ. Въ майской книжкѣ журнала 1792 года помѣщена ода Карамзина «Къ милости». Она вызвана современнымъ преслѣдованіемъ друзей его и полна глубокаго чувства, какъ бы вызывая Екатерину, которая въ одѣ является тождественною съ милостію, на милосердіе къ преслѣдуемымъ. «Только милость, говоритъ онъ иносказательнымъ языкомъ въ этой одѣ, даетъ права быть матерью народа и только за милость будутъ боготворить тебя народы».

Послѣднія книжки «Московскаго Журнала» были изданы далеко не въ срокъ. По свидѣтельству Дмитріева, чуть ли не въ

([20]) Моск. Журн. 1792 г. ч. 7, Іюль, стр. 57—68.

1794 году. Также точно и сборникъ «Аглая», обѣщанный имъ къ веснѣ, не могъ появиться «ни весною, ни лѣтомъ, ни осенью. На что говорить о причинахъ? Довольно, что я не могъ издать. Важное для меня не важно для публики». Сборникъ этотъ, вышедшій въ концѣ 1794 года и названный вымышленнымъ поэтическимъ именемъ той, которая потомъ сдѣлалась первою женою Карамзина, состоитъ, за исключеніемъ двухъ небольшихъ стихотвореній, весь изъ сочиненій Карамзина. Первая книжка посвящена граціямъ, «богинямъ дружества», какъ опредѣляетъ ихъ Карамзинъ. Къ нимъ прибѣгаетъ онъ изъ «подъ мрака черныхъ тучъ, изъ подъ грозы, носящейся надъ нами». Онъ проситъ грацій благословить

«Свободный плодъ моихъ часовъ уединенныхъ,
Природѣ, тишинѣ и музамъ посвященныхъ».

Вторая книжка посвящена Аглаѣ. «Твоя нѣжная, великодушная дружба составляетъ всю цѣну и счастіе моей жизни, говоритъ Карамзинъ. Ты мой благодѣтельный геній, геній хранитель! Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣна, и благодари Вездѣсущаго!» «*Мы живемъ въ печальномъ мірѣ*», повторяетъ Карамзинъ и какая-то непритворная грусть слышится въ словахъ его посвященія, грусть повидимому дѣйствительная. «Ничто не прельщаетъ меня въ свѣтѣ. Чего искать? къ чему стремиться? . . . къ новымъ горестямъ? Онѣ найдутъ меня и я безъ ропота буду лить новыя слезы». Гдѣ искать объясненія для этой печали Карамзина, при скудости біографическихъ о немъ извѣстій? «Аглая» начинается извѣстною статьею, посвященною памяти умершаго Петрова, «котораго душа была бы украшеніемъ самой Греціи, отечества Сократовъ и Платоновъ». Скорбь Карамзина непритворна; дѣйствительныя слезы слышатся подъ красивыми словами и нѣкоторыми условными оборотами, свойственными Карамзинской прозѣ. Но печаль о потерянномъ другѣ была личная скорбь Карамзина. Для него, какъ для писателя, должны были быть болѣе важныя, болѣе побудительныя причины для скорьби и мы найдемъ ихъ въ томъ же сборникѣ.

Въ письмѣ «Мелодора къ Филалету» ([21]), гдѣ подъ именемъ Мелодора Карамзинъ очевидно выставляетъ себя, онъ

([21]) Аглая, ч. 2, стр. 63—77.

вспоминаетъ то время, когда изучая вмѣстѣ съ другомъ исторію, они вѣрили, что родъ человѣческій развивается, и хотя медленно, идетъ къ духовному совершенству. Мы обнимали тогда радостно человѣчество, говоритъ онъ: «радость сіяла на лицахъ нашихъ; природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества». Восемнадцатый вѣкъ, съ развитіемъ философіи, смягченіемъ нравовъ, съ тонкостію разума и чувства «обѣщалъ связь народовъ, кротость правленій и проч». Ожидалось полное господство разума, ожидался конецъ человѣческимъ бѣдствіямъ. Эти надежды на общее счастіе человѣчества рушились. Вѣкъ оканчивается и «несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, разтерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки». Вмѣсто радостныхъ явленій славы, свободы, счастія, Карамзинъ видитъ.... «фурій съ грозными пламенниками». Наука и мудрость исчезли; кроткихъ, нравственныхъ существъ, созданныхъ для счастія, не видно. «Вѣкъ просвѣщенія! съ горечью говоритъ Карамзинъ, я не узнаю тебя—въ крови и пламени не узнаю тебя—среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!» И онъ сожалѣетъ о Парижѣ, «столицѣ искусствъ и наукъ, сожалѣетъ потому особенно, что страшный разгаръ революціи служитъ торжествомъ для ненавистниковъ наукъ, которые упрекаютъ философію за то, что она довела до убійства. Крикъ ихъ былъ вѣроятно силенъ и въ обществѣ окружавшемъ Карамзина, если вспомнить тогдашнія преслѣдованія литературы. Увлеченный событіями, онъ доходитъ до пессимизма; паденіе наукъ кажется ему вѣроятнымъ, неминуемымъ, близкимъ, ночь варварства должна скоро наступить и эта скорь о человѣческихъ интересахъ обращается для него въ личную скорбь. «Самая природа не веселитъ меня», пишетъ онъ къ другу и проситъ у него утѣшенія.

Скорбь эта понятна и извинительна со стороны Карамзина. Всѣмъ своимъ образованіемъ и вѣрованіями, всѣми своими надеждами онъ принадлежалъ прошедшему развитія Европы; не ему одному могло приходить въ голову, въ виду напр. сентябрьскихъ убійствъ въ Парижѣ, что ходъ просвѣщенія остановленъ, что человѣчество пошло назадъ. Карамзинъ, какъ современникъ, чувствовалъ и понималъ дѣло иначе, чѣмъ мы, передъ которыми лежитъ ясный путь развитія историческаго. Что значитъ вся эта послѣдующая за револю-

ціонными крайностями во Франціи реакція, какъ не тоже выраженіе печальнаго сомнѣнія и недовѣрія къ новому, какое выражается въ словахъ Карамзина. Но не въ смыслѣ реакціи, не въ дѣйствіи ея, какъ человѣкъ отдаленный отъ центра событій, нашелъ Карамзинъ утѣшеніе. Онъ нашелъ это утѣшеніе въ религіи оптимизма, въ той вѣрѣ разума, созданной деистическою мыслію XVIII вѣка, въ которой онъ былъ воспитанъ. Въ отвѣтѣ «Филалета къ Мелодору» ([22]), какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ статьяхъ Карамзина, раскрывается этотъ успокоительный взглядъ на исторію и жизнь ([23]). Соглашаясь съ Мелодоромъ, «что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа», Филалетъ или тотъ же Карамзинъ, только въ другомъ видѣ, старается найти утѣшеніе въ убѣжденіяхъ сердца, въ «добромъ мнѣніи о провидѣніи и человѣчествѣ». На развалинахъ міра, подобно древнему стоику Горація, Карамзинъ говоритъ *Небу*: «ты благо и премудро; благо твореніе руки твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви божественной». Отъ вѣчной премудрости нельзя требовать отчета въ темныхъ путяхъ ея; нужно только вѣрить, что все устроено во благо. Эта вѣра даетъ миръ душѣ и увѣренность въ успѣхѣ человѣчества, увѣренность, что зло настоящее послужитъ къ добру будущему. «Люби же природу; утѣшайся ею; ищи радости въ ея объятіяхъ».—Вотъ та философія, конечно не глубокая, но успокоительная для души, которая поддерживала Карамзина въ его скорбныя минуты недовольства современной исторіей и вообще жизнію. Она давала ему возможность наслаждаться жизнію, радоваться ею. Подъ тѣмъ же вліяніемъ написаны были тогда же: статья его «Аѳинская жизнь», въ которой слышатся слѣды современнаго увлеченія нѣмецкой литературы прекраснымъ идеаломъ древней Греціи, отголоски стиховъ Гёте и Шиллера ([24]) и чисто личный «Разговоръ о счастіи» (1797). Эта философія

([22]) Аглая ч. 2, стр. 78—94.

([23]) Развитіе и содержаніе оптимизма Карамзина въ нѣкоторыхъ статьяхъ его, а равно и отношеніе его убѣжденій ко всей литературѣ XVIII вѣка, гдѣ господствовалъ оптимизмъ, показано въ статьѣ г. Галахова «Карамзинъ какъ оптимистъ». Отеч. Зап. 1858 г. т. CXVI, Отд. 1, стр. 107—146.

([24]) Аглая, ч. 2, стр. 26—60.

приходилась по плечу окружавшему автора обществу съ его неглубокими сомнѣніями, съ его недѣйствительными страданіями, а потому она находила отголосокъ вездѣ; кругъ читателей Карамзина распространялся, имя его дѣлалось болѣе и болѣе извѣстнымъ.

Подъ вліяніемъ этой извѣстности и видимаго участія къ себѣ современной публики, Карамзинъ не могъ не подумать о своемъ авторствѣ и постараться объяснить себѣ его идею. Въ небольшой статьѣ «Что нужно автору?» ([25]) раскрываются тѣ требованія, которыя онъ въ это время задавалъ писателю и понятіе его объ отношеніи писателя къ обществу. Кромѣ талантовъ, знанія, ума и воображенія, автору *нужно имѣть доброе и нѣжное сердце*, если онъ хочетъ, чтобъ сочиненія его имѣли вліяніе на общество. Произведенія писателя называетъ онъ портретомъ души и сердца его; чѣмъ лучше послѣднія, тѣмъ больше значенія имѣетъ писатель, «ибо дурной человѣкъ не можетъ быть авторомъ». Съ этой точки зрѣнія о значеніи автора въ обществѣ, онъ смотритъ на науки и просвѣщеніе, какъ на средства распространенія добрыхъ нравовъ въ обществѣ и возстаетъ противъ парадоксальныхъ убѣжденій Руссо ([26]). Эта нравственная сторона произведеній ума, чувства и воображенія дороже для него всего; съ ними и съ природою и «съ любовью добрыхъ душъ» онъ счастливъ «на краю сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ аквилоновъ». Его самое дорогое желаніе, чтобы о немъ какъ объ авторѣ сказало потомство: «*Онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце!*»

Въ томъ же году, когда Карамзинъ издалъ «Аглаю», появился и другой сборникъ его пьесъ прозаическихъ и стихотворныхъ, напечатанныхъ въ «Московскомъ Журналѣ». Онъ носилъ названіе «Мои Бездѣлки», не представлялъ ничего новаго въ своемъ содержаніи, но сдѣлался любимою книгою того времени. Въ немъ и въ «Аглаѣ» помѣщено все лучшее, что было написано Карамзинымъ до 1794 года, въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности, когда въ ней играли главную роль «добрая душа» и «нѣжное сердце». Карамзину понравилась форма сборниковъ; они расходились очень быстро и не требовали срочной усиленной работы, какая нужна надъ

([25]) Аглая. ч. 1, стр. 27—34.

([26]) Въ статьѣ «Нѣчто о наукахъ, искусствѣ и просвѣщеніи» Аглая, ч. I, стр. 33—76.

журналомъ. Въ 1796—1799 годахъ Карамзинъ издалъ три книжки сборника стихотвореній, подъ названіемъ «Аониды», очевидное подражаніе по формѣ очень распространеннымъ въ то время въ Европѣ альманахамъ. Книжки состояли изъ стихотвореній почти всѣхъ извѣстныхъ тогда русскихъ поэтовъ и самаго издателя. Онѣ любопытны для насъ, потому что здѣсь Карамзинъ высказалъ свой взглядъ на поэзію вообще и русскую въ особенности ([27]). «Аониды» должны «показать состояніе нашей поэзіи, красоты ея и недостатки»; этимъ издатель оправдываетъ не строгій выборъ пьесъ. Изъ недостатковъ современной русской поэзіи Карамзинъ указываетъ на два главные: «излишнюю высокопарность, громъ словъ не у мѣста и часто *притворную слезливость*». Настоящая поэзія состоитъ «не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, а въ живописи мыслей и чувствъ». Молодой стихотворецъ долженъ изображать предметы близкіе къ нему: «первыя впечатлѣнія *любви, дружбы, нѣжныя красоты природы*». Все дѣло поэта въ умѣньи наводить *живыя краски*. Здѣсь же Карамзинъ высказываетъ общую мысль о значеніи литературы для «моральнаго совершенства народа».

Что касается до поэтическихъ произведеній самаго Карамзина, которыя помѣщены въ этомъ первомъ русскомъ альманахѣ, въ сборникахъ и журналахъ его, то они ничего не прибавятъ къ опредѣленію его литературнаго значенія; въ нихъ очень мало личнаго содержанія, что служитъ прямымъ доказательствомъ отдаленности его стихотвореній отъ его души и сердца. Проза Карамзина и художественнѣе, и задушевнѣе его стиховъ. Послѣдніе являются у него не непосредственнымъ изліяніемъ чувства, а *занятіемъ*; тяжелая работа видна на стихѣ, холодномъ и правильномъ, но лишенномъ чувства и поэзіи.

Время царствованія Павла I, котораго онъ привѣтствовалъ длинною одою, высказывая въ ней чрезвычайныя ожиданія для музъ и науки ([28]), прошло бездѣятельно для Карамзина. До 1802 года Карамзинъ ничего не писалъ. Эти годы, какъ было уже замѣчено, исчезаютъ отъ внимательнаго біографа; только съ величайшимъ трудомъ онъ находитъ кой-

---

([27]) Предисловіе ко 2-й книжкѣ «Аонидъ», стр. III—XIV.

([28]) Мои Бездѣлки. Изд. 2. 1797, ч. 2, стр. 258—269.

какія скудныя извѣстія о жизни Карамзина, проводимой имъ большею частію въ Москвѣ. Кромѣ дома Хераскова и Тургенева, съ сыновьями котораго, особенно старшимъ, Александромъ Ивановичемъ, онъ былъ очень друженъ, Карамзинъ чаще всего бывалъ въ обществѣ Плещеевыхъ и былъ близокъ съ женою его, на сестрѣ которой потомъ женился ([29]). Съ Плещеевымъ сыномъ, членомъ извѣстнаго общества «Арзамасъ», Карамзинъ и подъ конецъ жизни въ Петербургѣ былъ пріятелемъ. На связи съ Херасковыми указываютъ одно письмо къ брату писателя, Петру Матвѣевичу и два къ сыну его Роману Петровичу ([30]). Письма эти, къ сожалѣнію, не даютъ никакихъ данныхъ для біографіи писателя, кромѣ того, что они писаны изъ села Знаменскаго или Карамзино въ маѣ 1795 года. Въ томъ же 1795 году онъ участвовалъ въ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей» и ему принадлежитъ часть «Смѣси» или фельетона этого изданія, состоящая изъ анекдотовъ, отрывковъ, мелочей всевозможнаго содержанія, извлеченная имъ изъ иностранныхъ журналовъ того времени ([31]). Нѣсколько замѣтокъ о Карамзинѣ встрѣчаются въ письмахъ казанскаго литератора Каменева къ другу его Москотильникову въ Казань ([32]). Москотильниковъ извѣстенъ былъ своимъ мистицизмомъ и имѣлъ старыя связи въ Москвѣ. Онъ далъ Каменеву письма къ Лопухину, Тургеневу и чрезъ нихъ Каменевъ познакомился съ Карамзинымъ, тогда уже славнымъ. Это было осенью 1800 года. Замѣтки Каменева бѣглы и личность Карамзина не произвела сильнаго вліянія на него.

Какъ для цѣлой Россіи, такъ и для Карамзина, съ 1801 года началась новая жизнь. Молодой императоръ, объявивъ въ манифестѣ, что онъ будетъ идти по слѣдамъ Екатерины,

---

([29]) См. Утро, стр. 54. О Плещеевыхъ см. примѣч. 193 г. Лонгинова къ запискамъ Дмитріева.

([30]) Библ. Зап. 1858 г., № 12, стр. 587—592, съ примѣчаніями г. Лонгинова.

([31]) Она перепечатана Шевыревымъ съ его предисловіемъ въ Москвитянинѣ 1854 г. томы I—III. Не смотря на то, что нѣкоторыя изъ статей «Смѣси» носятъ яркую печать Карамзинской прозы, позволительно сомнѣваться, чтобъ всѣ 104 NN. были писаны безъ перерыва самимъ Карамзинымъ. Въ томъ же году онъ былъ въ симбирской деревнѣ.

([32]) «Гаврила Петровичъ Каменевъ» — статья Н. И. Второва въ альманахѣ гр. Соллогуба Вчера и Сегодня, Спб. 1845, стр. 29-64.

пріобрѣлъ себѣ общую искреннюю любовь. Для однихъ, людей отживающаго поколѣнія, такое возвращеніе къ недавнему времени Екатерины, было какъ бы обѣтомъ возвращенія исчезнувшаго блеска, роскоши и широкой жизни; для другихъ изъ этого поколѣнія, время Екатерины II было дорого патріотическимъ сознаніемъ силы и могущества Россіи. Молодое поколѣніе императоръ расположилъ къ себѣ широкими планами преобразованія и искреннею любовью къ просвѣщенію, очевидною въ его мѣрахъ. Карамзинъ, хотя и не принадлежалъ тогда къ молодому поколѣнію, но увлеченъ былъ вѣрою въ новую жизнь; онъ не успѣлъ еще познакомиться съ планами преобразованій, которыя должны были совершенно измѣнить Россію; въ слѣдующемъ году издалъ онъ «Похвальное слово Екатеринѣ II», какъ бы историческое оправданіе словъ манифеста, гдѣ высказываетъ полное сочувствіе къ царствованію ея. Самаго Александра Карамзинъ привѣтствовалъ одою ([33]), принесшею ему первый царскій подарокъ. Въ ней высказывается общая мысль преобразованій, обѣщанныхъ императоромъ и Карамзинъ очень скоро сдѣлался истолкователемъ гуманныхъ мѣръ царствованія въ новомъ своемъ журналѣ.

Въ 1801 году послѣдовало также и измѣненіе въ судьбѣ самаго Карамзина. Весной онъ женился на Лизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, сестрѣ Плещеевой, о которой было говорено. По словамъ Карамзина къ брату, онъ любилъ эту женщину 13 лѣтъ и она являлась въ его произведеніяхъ подъ именемъ Аглаи. Объ этой первой женѣ Карамзина дошло до насъ весьма не много свѣдѣній. Мы знаемъ только, что она была женщиною очень образованною, что для нея литературныя занятія мужа были дорогимъ дѣломъ, что она вызывала, поощряла его къ литературной дѣятельности. Карамзинъ былъ доволенъ тогдашнею своею жизнію. «Я благодарю ежеминутно провидѣніе, пишетъ онъ въ первые дни 1802 года къ брату, за обстоятельства моей жизни, а всего болѣе за милую жену, которая дѣлаетъ меня совершенно счастливымъ своей любовью, умомъ и характеромъ. Вамъ я могу хвалить ее. Богъ благословляетъ меня и съ другихъ сторонъ. Я чрезъ труды свои имѣю все въ довольствѣ» ([34]). Но семейное счастіе Карамзина продолжалось не долго. Подаривъ мужа дочерью, жена его

([33]) Сочин. т. I, стр. 198–203.

([34]) Атеней, 1858 г. №. 20, стр. 246.

умерла послѣ долгой болѣзни, въ началѣ 1803 года. Карамзинъ былъ глубоко потрясенъ этою потерею, какъ видно изъ живаго воспоминанія современника ([35]). Сознаніе однако обязанностей отца, желаніе доставить средства воспитанія сиротѣ дочери и мысль, что покойная жена его любила труды, поощряла ихъ, снова возвратила Карамзина къ прерваннымъ горемъ занятіямъ. «Работа, говоритъ онъ, была единственнымъ моимъ убѣжищемъ ([36])». И дѣйствительно этотъ въ особенности годъ жизни Карамзина отличается усиленною дѣятельностію, какъ писателя-журналиста. Состояніе души его отразилось развѣ въ небольшомъ разсужденіи его «О счастливѣйшемъ времени жизни» ([37]). Оно написано, какъ бы въ подтвержденіе его мысли, разъ высказанной въ письмѣ къ А. И. Тургеневу: «жить есть терять милыхъ». Въ самомъ дѣлѣ, куда исчезли свѣтлыя убѣжденія и утѣшенія оптимизма, что «все благо, все добро»? Опыты и горе жизни подорвали ясную и легкую философію. Карамзинъ называетъ свой прежній оптимизмъ не философіей, а игрой ума, ложью, хотя и пріятною. Счастіе является только относительно въ жизни и онъ уже разсматриваетъ какой возрастъ *счастливѣе* въ человѣческой жизни. Сознавая вполнѣ свое призваніе, убѣждаясь, что жизнь *есть трудъ, а не наслажденіе*, онъ высказываетъ свой идеалъ счастія и видитъ его «не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной». Тогда «онъ хотѣлъ бы сказать солнцу *остановися!* если бы въ тоже время онъ могъ сказать и мертвымъ *возстаньте изъ гроба!*»

Изданіе «Вѣстника Европы» въ 1802 и 1803 годахъ поглощаетъ вполнѣ дѣятельность Карамзина въ эти послѣдніе два года его литературной жизни, передъ тѣмъ какъ скрылся онъ въ уединеніе для созданія исторіи. Кромѣ желанія доставать средства для новой, семейной жизни своей, Карамзина вызывало къ журнальной дѣятельности и самое время. Революція, такъ сильно его тревожившая, успокоилась; Франція была въ крѣпкихъ рукахъ перваго консула; онъ только что заключилъ миръ въ Амьенѣ, который обѣщалъ продолжитель-

---

([35]) Бантышъ-Каменскій, Слов. достоп. людей, ч. 2, стр. 134.

([36]) Атеней, тамъ же стр. 249.

([37]) Вѣстникъ Европы 1803 г. ч. X, №. 13, стр. 51-56.

ное спокойствіе Европѣ, а въ Россіи молодой, страстно любимый народомъ монархъ вызывалъ своими преобразованіями силы къ дѣйствованію, вызывалъ мысль для объясненія обществу его широкихъ плановъ.

Передъ глазами Карамзина Европа казалась опустошенною бурей ([38]), но небо уже прояснилось. Съ началомъ новаго вѣка начинается кажется новая эпоха для человѣчества; старое зло должно быть забыто. Эта тишина благопріятствуетъ мысли, и Карамзинъ, открывая свой журналъ, рѣшается внести въ него политику; въ теченіе двухъ лѣтъ изданія проводитъ онъ въ журналѣ свои взгляды на европейскія событія того времени. Карамзинъ весь на сторонѣ порядка, власти и потому оба года его журнала исполнены поклоненія Бонапарте и нападеній на революцію, простирающихся даже на костюмы, введенные въ ея время ([39]). Первый консулъ потому великъ, что онъ «умертвилъ чудовище революціи» и политическія статьи Карамзина развиваютъ эту идею. Здѣсь, въ этомъ историческомъ ходѣ времени и въ томъ что оно приноситъ, успокоивается мысль Мелодора. Счастіе народа и человѣчества дается порядкомъ и властію, смѣнившими волненія. Революція, утвердивъ правительства, явилась такимъ образомъ благодѣтельнымъ бѣдствіемъ; теперь правительства и народы согласны.

Для насъ не столько важны политическіе взгляды на Европу Карамзина и на событія времени, сколько мысль его по отношенію къ родинѣ, исторіи которой онъ скоро посвятитъ себя. Съ первыхъ книжекъ «Вѣстника Европы» для читателя становится очевиднымъ, что Карамзинъ пожертвовалъ своими прежними общечеловѣческими идеалами для идеаловъ народныхъ. Въ первой статьѣ своей, въ которой опредѣленно высказывается это направленіе: «О любви къ отечеству и народной гордости» ([40]), онъ требуетъ, чтобъ русской «сталъ вмѣстѣ рядомъ съ другими народами и сказалъ ясно свое имя», требуетъ самостоятельности сознанія, «гордости народной» и тог-

---

([38]) В. Е. 1802 г. № I, стр. 66.

([39]) Разборъ статей Карамзина политическихъ и другихъ, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы,—съ политической точки зрѣнія,—см. въ статьѣ г. Пятковскаго: «Русская журналистика при Александрѣ I». Соврем 1866 г. т. CXII, №. 1. стр. 47–60.

([40]) В. Е. 1802. г. №. 4, стр. 56–69.

да же иронически изображаетъ типъ русскаго человѣка, подражательно развитаго европейской жизнію ([41]). Съ этой общей точки зрѣнія, какъ бы руководительной для него, Карамзинъ переходитъ къ современному состоянію Россіи. И здѣсь главное явленіе времени «спокойствіе сердецъ». Но Карамзинъ, обращая вниманіе на окружающее его общество, старается расшевелить это спокойствіе и сдѣлать его дѣятельною любовью къ отечеству, нападаетъ на общее стремленіе къ роскоши и мотовству и вызываетъ особенно высшій классъ на дѣйствительные подвиги: улучшеніе быта крестьянъ, заведеніе школъ, больницъ, поощреніе земледѣлія, торговли, промышленности, прорытіе каналовъ и пр. ([42]). Просвѣщеніе являлось конечно главнымъ средствомъ для пробужденія такой дѣятельности и Карамзинъ, привѣтствуя мѣры Императора, предпринятыя имъ для образованія народнаго, съ начала царствованія ([43]), говоритъ, что это просвѣщеніе тогда только будетъ дѣйствительно и принесетъ пользу странѣ, когда оно проникнетъ въ простой народъ, въ классъ землепашцевъ. При этомъ случаѣ, вспоминая образованныхъ и достаточныхъ земледѣльцевъ, видѣнныхъ имъ въ Германіи, Швейцаріи и Англіи, онъ вызываетъ дворянство русское оказать усердіе монарху и помочь ему въ дѣлѣ образованія народа. Вмѣсто безполезнаго мотовства и траты денегъ на веселую жизнь, какъ бы для того, «чтобъ опровергнуть злословіе многихъ чужестранныхъ писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами», Карамзинъ приглашаетъ дворянъ къ устройству сельскихъ школъ и призываетъ ихъ самихъ учиться въ новыхъ университетахъ. Съ особенною радостію привѣтствуетъ онъ въ своемъ журналѣ перваго дворянина-профессора ([44]), явленіе тогда неслыханное, когда «ученыхъ приходилось ожидать отъ нижнихъ классовъ гражданства» ([45]). Для увеличенія числа педагоговъ онъ приглашаетъ московскихъ дворянъ содержать

([41]) «Моя Исповѣдь» тамъ же, ч. 2, №. 6, стр. 147–167.

([42]) «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», тамъ же, ч. 3, стр. 314—331.

([43]) «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи». В. 1803, г. ч. 8, №. 5; стр. 49-61.

([44]) Тамъ же, ч. 9, № 11, стр. 197.

([45]) «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей, тамъ же стр. 321.

на свой счетъ при университетѣ Московскомъ нѣсколько молодыхъ людей съ этою цѣлію. Высоко цѣня науку и образованіе, Карамзинъ громко высказываетъ истину: «Въ девятомъ-надесять вѣкѣ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства!»

Такимъ образомъ патріотизмъ не ослѣплялъ Карамзина; любовь къ родинѣ не была для него тупымъ консерватизмомъ и, какъ человѣкъ образованный, долго жившій за границей, онъ понималъ, чего недостаетъ ей. Но старина русская и исторія родины постепенно овладѣвали имъ. Дѣятельность его, какъ журналиста, въ оба года изданія «Вѣстника Европы», уступаетъ дѣятельности его, какъ историка. Призваніе его, которымъ онъ навсегда завоевалъ себѣ прочное мѣсто въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, сказывается ясно. Уже самая повѣсть, форма имъ прежде любимая, далеко уноситъ его отъ дѣйствительности, въ глубь историческаго прошедшаго. Въ ней уже не слышатся тѣ чувствительные тоны, которые составляли сущность «Натальи, боярской дочери». Идея государственнаго единства смѣняетъ здѣсь прежнюю романическую завязку, и изображая борьбу Великаго Новгорода съ Москвою въ своей *исторической* повѣсти «Марѳа Посадница» ([46]), Карамзинъ уже въ ней выражаетъ преобладающую идею своей «Исторіи»—торжество государственнаго начала. Безспорно, что образъ героини новгородской далекъ отъ исторіи, но Карамзинъ взялъ повидимому ее только предлогомъ для развитія своихъ государственныхъ убѣжденій.

Постепенно *народное* беретъ въ немъ перевѣсъ надъ *человѣческимъ* и книжки «Вѣстника Европы» свидѣтельствуютъ намъ, какъ прежняя до-Петровская Русь, на которую онъ смотрѣлъ такъ враждебно, получаетъ въ глазахъ его высокое значеніе и дѣлается предметомъ его серьезныхъ думъ и изслѣдованій. Конечно въ эти годы занятія историческія имѣли для Карамзина болѣе личный, сердечный интересъ. «Въ самомъ грустномъ расположеніи, говоритъ онъ, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, че-

---

([46]) Вѣст. Евр. 1803 г. ч. 7, №. 1, стр. 3–30; №. 2, стр. 103–133; №. 3, стр. 193–226.

ловѣкъ *можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься* исторіей; тамъ все говоритъ о томъ что было, и чего уже нѣтъ!» ([47]). Но и положительная сторона занятій русской исторіей, исключительное обращеніе къ русской старинѣ—очевидны. «Должно пріучить россіянъ къ уваженію своего собственнаго», говоритъ онъ и не вѣритъ той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи. Троицкая Лавра, съ своими историческими воспоминаніями ([48]), случаи русской исторіи, которые могли бы быть предметомъ искусства ([49]), описаніе историческихъ окрестностей Москвы ([50]), происхожденіе тайной канцеляріи ([51]), событія царствованія Алексѣя Михайловича ([52]), извѣстія иностранныхъ писателей о русской жизни XVII вѣка, разныя стороны стариннаго быта ([53]) и нѣсколько другихъ мелкихъ замѣчаній историческаго содержанія свидѣтельствуютъ, что Карамзинъ вполнѣ отдался историческому изученію отечества. Для него онъ оставилъ навсегда свою литературную и журнальную дѣятельность. Глубоко сознавъ свое призваніе и чувствуя, что онъ въ состояніи посвятить всю остальную жизнь свою великому дѣлу, Карамзинъ рѣшился исключительно отдаться исторіи Россіи. Его слава какъ писателя, его таланты и искренняя любовь къ родинѣ, которая созрѣла вполнѣ въ этотъ періодъ его литературной жизни и побѣдила его прежнія космополитическія убѣжденія,—все доказывало, что онъ съ честью выполнитъ принимаемое на себя дѣло. Друзья его помогли Карамзину въ этомъ намѣреніи и въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы», имъ изданной, напечатаны были слова Высочайшаго указа отъ 31 октября 1803 года, которымъ ему повелѣно производить ежегодное содержаніе въ 2000 р. *въ качествѣ исторіо-*

([47]) Тамъ же, 1802 г. ч. 5 №. 17, стр. 46-47.

([48]) «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ». Вѣстн. Евр. 1802 г. ч. 4, №№. 15, 16 и ч. 5, № 7.

([49]) «О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ». 1802 г. ч. 6. №. 24.

([50]) «Путешествіе вокругъ Москвы» 1803 г. ч. 7, № 4.

([51]) «О тайной канцеляріи. ч. 8, № 6.

([52]) «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ч. 11, № 18.

([53]) «Русская Старина» ч. 11, № 20 и ч. 12 (послѣдняя) № 21.

графа. «Милость нашего императора, говоритъ Карамзинъ въ прощальномъ обращеніи къ читателямъ журнала, доставляетъ мнѣ способъ отнынѣ совершенно посвятить себя дѣлу важному и безъ сомнѣнія трудному: время покажетъ, могъ ли я безъ дерзости на то отважиться».

Глубокое уединеніе кабинетнаго труда на долго скрыло Карамзина отъ общества, такъ сильно полюбившаго его литературные таланты.

IV.

Послѣдній періодъ жизни Карамзина.—Труды надъ исторіей въ Москвѣ и жизнь петербургская до смерти его. (1804—1826).

Съ самаго возвращенія изъ за-границы, съ тѣхъ поръ какъ Карамзинъ поселился въ Москвѣ и отдался исключительно литературнымъ занятіямъ, на душу и умъ его все сильнѣе и сильнѣе дѣйствовало обаяніе родной старины. Въ первыхъ произведеніяхъ его того времени уже сказывается уваженіе къ прошедшему; въ немъ Карамзинъ видѣлъ своеобразіе и цѣльность, ненаходимыя въ окружавшемъ его подражательномъ мірѣ. Космополитическое увлеченіе, сопровождавшее Карамзина во время путешествія за-границу, слабѣло годъ отъ году, пока наконецъ не замѣнилось оно сознаніемъ глубокаго русскаго чувства и народной гордости. Не беремся объяснить психологически этотъ послѣдній, важный для Россіи по своему великому результату фазисъ литературной дѣятельности Карамзина, изъ котораго онъ прямо перешелъ къ отечественной исторіи. Какъ созрѣла національная мысль въ душѣ Карамзина—остается для насъ тайною. Мы слишкомъ мало знаемъ его; какъ большинство русскихъ писателей, и онъ является передъ нами лицомъ оффиціальнымъ, мы не знаемъ содержанія бесѣдъ его, незнакомы съ образомъ мыслей, съ убѣжденіями близкихъ къ нему лицъ, посреди которыхъ онъ жилъ; мы не знаемъ внутренней жизни Карамзина. Но историческимъ путемъ сознательно-народныя убѣжденія Карамзина, его глубокое уваженіе къ прошедшему отечества, которое толь-

ко и можетъ быть основаніемъ вѣры въ будущее—объяснить не трудно. Карамзинъ принадлежалъ къ Екатерининскому поколѣнію, хотя и опередилъ его своимъ духовнымъ развитіемъ; онъ выросъ посреди цѣльныхъ людей того времени, слышалъ и видѣлъ ихъ и былъ окруженъ широкою историческою жизнію славной эпохи. Какъ ни дорого обходились народу русскому громкія побѣды «Екатерининскихъ орловъ», какъ ни тяжело ложились на его плечи пріобрѣтенія обширныхъ пространствъ, но они открывали Россіи путь къ южнымъ морямъ и обѣщали ей близость исполненія ея историческаго призванія; эти побѣды и эта слава наполняли гордымъ чувствомъ русскую грудь. Сознаніе въ сердцѣ историческаго призванія страны своей одно только въ состояніи вызвать изъ родной почвы людей не дюжинныхъ. Вокругъ Карамзина было много такихъ людей; на немъ, какъ и на многихъ его молодыхъ современникахъ, горѣли послѣдніе лучи Екатерининскаго солнца и новый русскій императоръ, вступившій на престолъ въ первый годъ новаго вѣка, нашелъ подлѣ себя не мало людей, принесшихъ честь странѣ своей и воспитанныхъ временемъ Екатерины. Съ другой стороны и историческія событія европейскаго запада много способствовали къ развитію національнаго чувства Карамзина. Глубокое потрясеніе Франціи, отозвавшееся перемѣнами во всей Европѣ, но не коснувшееся насъ, должно было раскрыть мысли, какой своеобразный міръ представляетъ Россія, міръ, у котораго была своя великая и долгими страданіями купленная исторія позади, пророчившая иное будущее, не смотря на могущественный переворотъ, произведенный Петромъ. Этотъ послѣдній, съ своими незначительными результатами для болѣе глубокой мысли, невольно и давно уже вызывалъ сомнѣніе Карамзина; сомнѣніе необходимо должно было вести къ историческому изученію, къ знакомству съ тѣмъ, что было наше отечество до операціи преобразователя.

Книжки издаваемаго Карамзинымъ журнала наполнялись его статьями историческаго содержанія; убѣжденіе въ своемъ призваніи, желаніе посвятить себя вполнѣ русской исторіи—созрѣло въ немъ окончательно и нѣтъ сомнѣнія, что онъ повѣрялъ свои планы друзьямъ. Давно близкій ему И. И. Дмитріевъ, передавая это желаніе Карамзина, говоритъ, что онъ нѣсколько разъ настаивалъ и совѣтовалъ проситься въ исторіографы, такъ какъ въ качествѣ частнаго человѣка Карамзину

нельзя было думать о продолжительномъ трудѣ надъ исторіей и притомъ пришлось бы отказаться отъ журнала, дававшаго ему средства для жизни (1). Уступивъ доводамъ друга, Карамзинъ выбралъ посредникомъ между собою и государемъ человѣка преданнаго наукѣ и словесности—попечителя московскаго округа М. Н. Муравьева, близкаго Императору. Въ концѣ сентября 1803 года онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ высказалъ, что русская исторія «занимаетъ всю душу его». Скромно выставляя литературныя заслуги свои и ссылаясь на болѣзнь глазъ, которая не позволяетъ ему заниматься по вечерамъ журналомъ, Карамзинъ просилъ Муравьева доложить *при случаѣ* Императору о его «положеніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для Его царствованія». Онъ просилъ средствъ прожить пять или шесть лѣтъ и писалъ, что былъ бы вполнѣ доволенъ на это время жалованьемъ профессора (2). Желаніе Карамзина было исполнено чрезъ мѣсяцъ и онъ могъ безпрепятственно отдаться съ любовью избраннымъ имъ занятіямъ, имѣя въ качествѣ исторіографа, свободный доступъ во всѣ архивы и библіотеки государства.

Съ этихъ поръ на нѣсколько лѣтъ Карамзинъ удаляется отъ публики для уединеннаго труда и только въ перепискѣ съ людьми ему близкими и интересовавшимися его успѣхами раскрывается предъ нами вся жизнь его, скрытая для міра и наполненная одною мыслію, однимъ занятіемъ. Въ одно почти время съ полученіемъ званія исторіографа, измѣнилась и домашняя жизнь Карамзина. Въ январѣ 1804 года онъ женился на дочери князя Вяземскаго Катеринѣ Андреевнѣ Колывановой. Бракъ этотъ, кромѣ семейнаго счастія, былъ во многихъ отношеніяхъ выгоденъ для Карамзина (3); онъ роднилъ его, не богатаго симбирскаго дворянина съ русской аристократіей. Подмосковная деревня Вяземскихъ Остафьево сдѣлалась постояннымъ лѣтнимъ жилищемъ Карамзина въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (4) и здѣсь главнымъ образомъ создалась русская исторія, посреди сельскаго уединенія.

---

(1) Взглядъ стр 82.

(2) Москвитянинъ 1845 г. ч. 1. № 1-й. Матеріалы. стр. 1—3.

(3) Атеней 1858 г. № 20, стр. 253 и № 21, стр. 343. См. примѣч. Лонгинова (216) къ запискамъ Дмитріева.

(4) Поэтическое описаніе Остафьева см. въ «Собраніи стихотвореній кн. Вяземскаго, М. 1862 г. стр. 264—266. О кабинетѣ Карамзина и объ

Трудъ предпринятый Карамзинымъ былъ тяжелый трудъ и потомству приходится удивляться, съ какимъ неизмѣннымъ терпѣніемъ и твердостію воли исторіографъ боролся, особенно въ началѣ, съ безчисленными препятствіями, которыя зависѣли отъ жалкаго состоянія науки русской исторіи въ то время ([5]). Вся сила души Карамзина нужна была для того чтобъ не пасть и побѣдить препятствія. Раздумье, грусть и сомнѣніе часто находили на него, какъ на живаго человѣка, тѣмъ болѣе, что исторія была дѣломъ не одного ума его, но и души и сердца. Неразъ жалуется онъ на свои болѣзни, на семейныя потери, на печаль отъ этихъ потерь, которая лишаетъ его спокойствія, тогда какъ «трудъ столь необъятный требуетъ спокойствія и здоровья». Не разъ и самое содержаніе первыхъ вѣковъ русской исторіи, своимъ безплоднымъ характеромъ, заставляетъ задумываться Карамзина. «Оставивъ за собою дичь и пустыни, говоритъ онъ, вижу впереди прекрасное и великое. Боюсь, чтобы я, какъ второй Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда». Доказательствомъ тяжелыхъ усилій Карамзина овладѣть неразработаннымъ матеріаломъ русской исторіи можетъ служить переписка его съ разными лицами; она исключительно посвящена предмету его занимавшему. «Не только единственное мое дѣло, но и главное удовольствіе мое есть теперь исторія», пишетъ онъ къ Муравьеву. «Думаю, что Богъ поможетъ мнѣ совершить начатое не къ стыду вѣка». Первымъ повѣреннымъ его усилій надъ русской исторіей былъ Муравьевъ, съ которымъ онъ переписывался до 1807 года, до времени смерти его. Ему передавалъ онъ первые, трудные шаги въ дремучемъ лѣсу русской исторіи, свою живую радость при находкѣ неизвѣстныхъ списковъ лѣтописей, свои критическія замѣчанія на ошибки предшественниковъ: Татищева, Щербатова, Болтина; это полной отчетъ объ исторической работѣ. Чрезъ посредство Муравьева Карамзинъ доставалъ также и книги и рукописи, которыхъ не было въ Москвѣ. Въ началѣ 1806 года Карамзинъ написалъ уже два тома и съ радостью говоритъ о томъ, что для него

образѣ его жизни въ Остафьевѣ см. замѣтки кн. Вяземскаго и г. Погодина въ Вѣстн. Евр. 1866 г. т. II, стр. 178—180.

([5]) Вѣрное, хотя и бѣглое изображеніе тогдашняго положенія русской исторіи сдѣлано г. Погодинымъ въ «Похвальномъ словѣ К-ну» Москвит. 1846 г. № 1, стр. 35—39.

объяснился нѣсколько прежній мракъ, что онъ свободно переводитъ теперь духъ. Только борьба съ Наполеономъ, начиная съ 1805 года и указъ о милиціи 1806 года отвлекли его на время отъ исключительнаго занятія древней русской исторіей. «Время ли говорить, спрашиваетъ онъ Муравьева, о мирныхъ занятіяхъ исторической музы» и пишетъ стихи по поводу ополченія (6). Даже въ дружеской перепискѣ съ братомъ, онъ больше всего и охотнѣе говоритъ о своемъ трудѣ, съ которымъ слилась его жизнь и сообщаетъ напр. свое намѣреніе побывать въ Кіевѣ, которое однако не было приведено въ исполненіе. Передавая свои занятія исторіей Россіи послѣ нашествія монголовъ и до Дмитрія Донскаго, Карамзинъ пишетъ: «Иду голою степью, но отъ времени до времени удается мнѣ находить мѣста живописныя. Исторія не романъ, ложь всегда можетъ быть красива, а истина въ простомъ своемъ одѣяніи нравится только нѣкоторымъ умамъ, опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо или мнѣ или моему праху» (7). Не задолго до смерти Муравьева, съ 1806 года дѣятельнымъ корреспондентомъ Карамзина по части доставленія ему рукописныхъ источниковъ и рѣдкихъ книгъ становится старшій сынъ его перваго покровителя, человѣкъ, съ которымъ онъ былъ соединенъ самою искреннею дружбою — Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Его оффиціальное положеніе въ Петербургѣ, образованіе и чрезвычайно развитая наклонность къ русской исторіи, доказанная изданными имъ важными историческими документами, дѣлали его драгоцѣннымъ помощникомъ исторіографу. Письма Карамзина къ нему исключительно посвящены библіографическимъ вопросамъ труда его (8); въ нихъ выражается полное увлеченіе предметомъ, полная преданность труду. «Главная моя за трудъ награда есть удовольствіе» — пишетъ Карамзинъ своему другу и разсказываетъ свои восторги при случайной находкѣ какой-либо до тѣхъ поръ неизвѣстной лѣтописи или неизданнаго акта. Находка напр. Волынской или Ипатьевской лѣтописи, по собственному его признанію, лишила его сна на нѣсколько ночей. Карамзинъ весь былъ

---

(6) Письма К-на къ Муравьеву. Москвит. 1845. № 1 стр. 1—16.
(7) Атеней, 1858 г № 22, стр. 419.
(8) Письма Н. М. К-на къ А. И. Тургеневу. (1816—1826) Москвит. 1855 ч. 1, № 1, стр. 77—106 и ч. 6. № 23—25, стр. 180—190.

погруженъ въ свой трудъ. Въ поэтической памяти одного изъ друзей его сохранился образъ Карамзина изъ этого времени, какъ онъ являлся ему въ обществѣ близкихъ людей, въ саду московскаго дома И. И. Дмитріева, сгорѣвшаго во время нашествія французовъ:

«Сколь часто прохлажденной
Сей тѣнью Карамзинъ,
Нашъ Ливій—Славянинъ
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ минувшихъ,
И смертнымъ сномъ заснувшихъ,
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ юберрокомъ,
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны»....(⁹)

Изъ глубокаго уединенія, въ которомъ Карамзинъ прожилъ шесть лѣтъ, то въ Москвѣ зимою, то лѣтомъ въ Остафьевѣ, въ началѣ 1810 года онъ становится близкимъ и любимымъ гостемъ царской семьи. Великая княжна Екатерина Павловна, впослѣдствіи королева Виртембергская, вышла въ 1809 году за герцога Георга Ольденбургскаго. Мужъ ея былъ назначенъ скоро послѣ того генералъ-губернаторомъ въ Тверь и молодые супруги поселились здѣсь въ особомъ, для нихъ выстроенномъ дворцѣ. Мы не знаемъ какимъ образомъ Карамзинъ сдѣлался близокъ къ Великой Княгинѣ, но письма ея (¹⁰) свидѣтельствуютъ о глубокомъ уваженіи къ писателю и участіи, какое она принимала въ его исторіи. Письма Великой Княгини писаны по французски, но изрѣдка она принимается и за русскія, очевидно въ угоду Карамзину, котораго она называетъ своимъ учителемъ. Для нея Карамзинъ l'homme sensible, l'homme vertueux, мужъ, посвятившій дни свои единственно для пользы отечества. Письма Великой Княгини показываютъ, что не смотря на плохое знаніе русскаго

(⁹) Сочиненія В. А. Жуковскаго т. XII, стр. 97.

(¹⁰) Неизд. сочиненія и переписка Н. М. К-на, стр. 85—123.

языка, она любила Россію и гордилась своею родиною, особенно въ концѣ славнаго 1812 года. Она была знакома съ литературой и исторіей Россіи, которыя были ей дороги и на чужбинѣ, откуда съ досадою высказывала разъ Карамзину, что тамъ интересуются не исторіею нашею, не литературою, а современнымъ состояніемъ. Карамзинъ доставлялъ ей любопытныя книги по новой исторіи Россіи, и послалъ въ Штутгартъ восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго.

Въ первый разъ Карамзинъ пріѣхалъ къ Екатеринѣ Павловнѣ въ Тверь въ началѣ февраля 1810 года и пробылъ тамъ шесть дней въ самомъ близкомъ обществѣ Великой Княгини, читая ей и В. К. Константину Павловичу по вечерамъ свою исторію. Вскорѣ Карамзинъ былъ снова два раза въ Твери и въ послѣдній разъ съ семьею. Онъ былъ въ восторгѣ отъ ласковаго пріема Великой Княгини и кажется ея уваженіе къ Карамзину, удовольствіе слушать его исторію древней Руси и говорить съ нимъ о современномъ состояніи отечества были поводомъ съ ея стороны рекомендовать Карамзина брату Императору. Чрезъ посредство Великой Княгини Карамзинъ сдѣлался извѣстенъ Александру I, которому онъ былъ только мимоходомъ представленъ въ 1810 году въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ, и вскорѣ послѣ этого свиданія, по ходатайству друга своего Дмитріева, тогда министра юстиціи, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени за литературные труды. Эта первая награда, казавшаяся въ ту пору неслыханною новостью, естественно должна была произвести завистниковъ, враговъ писателю. Однимъ изъ нихъ, попечителемъ Московскаго учебнаго округа Голенищевымъ-Кутузовымъ былъ поданъ тогда же формальный доносъ на Карамзина министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, доказывающій только злобу и полное невѣжество доносчика. «Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, говорилъ Кутузовъ, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда... Государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется.... Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надо бы дать, давно бы пора его запереть, не хвалить его сочиненія, а надо бы ихъ сжечь» и проч. ([11]). Гово-

([11]) Чтенія Общ. Ист. и Др. 1858 г. ч. 2, стр 185—186 (смѣсь).

рятъ что тотъ же Кутузовъ за десять лѣтъ прежде подавалъ такогоже содержанія доносъ на Карамзина императору Павлу, но Растопчинъ заступился за обвиняемаго и спасъ его. Странная судьба русскихъ писателей. Какъ часто лучшіе изъ нихъ подвергаются обвиненіямъ современниковъ для того, чтобъ страдать отъ совершенно противоположныхъ упрековъ потомства.

Екатерина Павловна говорила брату Императору о Карамзинѣ, о его авторскомъ талантѣ и гражданскомъ достоинствѣ мнѣнія. Въ 1811 году, когда значеніе при дворѣ Сперанскаго стало колебаться, когда начали тайно слѣдить за нимъ, императоръ высказывалъ Дмитріеву желаніе, не отрывая Карамзина отъ исторіи, замѣнить имъ Сперанскаго для письменной работы при кабинетѣ и просилъ его написать къ Карамзину о желаніи видѣть его въ Твери у сестры ([12]). Это свиданіе, приблизившее Карамзина къ государю и сдѣлавшее ихъ друзьями, происходило въ началѣ апрѣля 1811 года. Четыре дни сряду Карамзинъ обѣдалъ съ Императоромъ у Великой Княгини и читалъ отрывки изъ исторіи и свою «Записку о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ». Записка эта, къ сожалѣнію до сихъ поръ извѣстная вполнѣ только въ рукописи, была взята Императоромъ съ собою и никто не зналъ о ея существованіи до самой смерти Карамзина ([13]), а до свѣдѣнія послѣдующаго Государя содержаніе ея дошло только въ 1852 году.

«Записка о древней и новой Россіи» представляетъ, послѣ исторіи, самое замѣчательное произведеніе Карамзина его послѣдняго, зрѣлаго періода литературной дѣятельности, тѣмъ особенно, что отрываясь отъ прошедшаго, въ которое онъ исключительно былъ погруженъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Карамзинъ высказываетъ здѣсь свой взглядъ на современное состояніе Россіи и въ первый разъ становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію. Съ глубокимъ чувствомъ гражданина, оставаясь во всей запискѣ вѣрнымъ эпиграфу, взятому имъ изъ псалма «нѣсть льсти въ языцѣ моемъ», Карамзинъ

([12]) Взглядъ н. м. ж. стр. 195.

([13]) Отрывки изъ нея, касающіеся древней Россіи, въ первый разъ были напечатаны въ Современникѣ 1837 г. т. V. стр. 89—112 и перепечатаны нѣсколько полнѣе въ Исторіи Г. Р. изд. Эйнерлинга, т. III, стр. XXXIX—XLVII. Г. Лонгиновъ изложилъ довольно подробно ея содержаніе въ статьѣ своей «Графъ Сперанскій» Русск. Вѣстн. 1859 г. т. XXIII, стр. 535—547.

хочетъ говорить монарху одну истину, какъ она представляется его уму и душѣ, какъ она давно созрѣла въ его убѣжденіяхъ, воспитанная внимательнымъ и глубокимъ изученіемъ прошедшаго родины. Современное состояніе Россіи придавало особый великій смыслъ словамъ Карамзина, обращеннымъ не къ праздному и увлекающемуся минутнымъ обществу, а къ самодержавному монарху, въ рукахъ и волѣ котораго была не только его единичная судьба, но и судьба и будущее его родины. Карамзинъ, обращаясь въ своей «Запискѣ» къ императору, въ которомъ для него воплощенъ былъ цѣлый народъ, думалъ править будущимъ страны, хотѣлъ измѣнить его по своему, какъ казалось лучше его патріотическому чувству и историческому пониманію.

Исходя изъ мысли, что «настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго», Карамзинъ дѣлаетъ общій обзоръ древней русской исторіи, представляя выводы изъ того, что изложено имъ въ «Исторіи Государства Россійскаго». Само собою разумѣется, что главное господствующее начало въ древней Руси есть государственное и тѣ времена лучшія, по мнѣнію историка, гдѣ оно торжествуетъ. Такъ времена удѣльныя, когда междоусобія терзали Русь и народъ утратилъ почтеніе къ князьямъ, кажутся бѣдственными историку. Проходя печальное время монголовъ, Карамзинъ съ любовію останавливается на *собираніи земли русской,* центромъ котораго дѣлается Москва. До Годунова—лучшее время историческаго развитія Россіи и только при немъ, при этомъ «татаринѣ по происхожденію и Кромвелѣ умомъ» начинаетъ смягчаться самодержавіе, но за то тогда же ослабѣваетъ и нравственное могущество царя. Послѣ грозы и разладицы смутнаго времени, наступаетъ господство дома Романовыхъ, благодѣтельное для Россіи, способствующее необходимому сближенію русскихъ съ Европою. Тогда измѣненіе Руси «дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы *нехотя*, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ». Но явился Петръ. «Онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ и все перемѣнилось». Съ этого времени изложеніе Карамзина переходитъ въ разборъ и осужденіе новой Россіи и сколько доблестей, славы, русскихъ началъ видѣлъ онъ въ древней, до-Петровской Руси, столько слабости, безславія и эфемернаго подражанія иноземному видитъ онъ въ новой. Преклоняясь предъ

Петромъ, какъ человѣкомъ великимъ, онъ съ горечью обвиняетъ его за насильственный переломъ естественнаго развитія Россіи; перебирая и осуждая одно за другимъ дѣла его, онъ забываетъ, въ жару своихъ обвиненій, что дѣло Петра своимъ появленіемъ въ русскую жизнь и торжествомъ своимъ обязано именно тому началу, которое было такъ благодѣтельно, съ точки зрѣнія историка, для древней Руси. Проходя коротко время первыхъ наслѣдниковъ Петра, Карамзинъ останавливается дольше на царствованіяхъ Елизаветы и Екатерины и весьма вѣрно показываетъ ихъ хорошія и дурныя стороны.

Главная и любопытнѣйшая часть «Записки» Карамзина имѣетъ предметомъ современность, послѣдніе десять лѣтъ царствованія Александра I. Руководствуясь уваженіемъ къ истинѣ, любовью къ отечеству и монарху, Карамзинъ хочетъ сказать то, что ему кажется справедливымъ и то «что нѣкогда скажетъ исторія». Эта часть записки Карамзина представляетъ подробный обзоръ разнообразныхъ мѣръ и преобразованій, которыми такъ богато было начало царствованія, мѣръ, возбужденныхъ либеральными любимцами императора, молодыми друзьями его и гдѣ главнымъ исполнителемъ и организаторомъ являлся предпріимчивый, ловкій и самовластный Сперанскій. Какъ внѣшнюю политику того времени, доведшую Россію до униженія и безденежья, такъ и внутреннюю, съ ея слѣпымъ стремленіемъ къ регламентаціи жизни, съ ея дѣтскимъ презрѣніемъ къ исторіи, Карамзинъ равно осуждаетъ.

Подобно цѣлой партіи, сильной въ то время и къ которой принадлежала Москва, имѣя въ главѣ рѣзкаго и умнаго Растопчина, близкаго къ Карамзину, историкъ является консерваторомъ и недовольный нововведеніями, онъ согласенъ скорѣе помириться съ старымъ зломъ, уже извѣстнымъ, чѣмъ съ реформою его. Мало въ современныхъ мѣрахъ и преобразованіяхъ возбуждаетъ уваженіе Карамзина; настоящіе взгляды его далеки отъ тѣхъ, какіе онъ прежде высказывалъ въ одѣ на восшествіе императора Александра или въ статьяхъ «Вѣстника Европы». Карамзинъ нападаетъ на дурное устройство войска, на открытіе новыхъ университетовъ при недостаточности первоначальнаго образованія, на созданіе Сперанскаго— указъ объ экзаменахъ на чины, на запрещеніе помѣщикамъ торговать рекрутами, на намѣреніе правительства освободить крестьянъ, на разстройство финансовъ имперіи, поведшее къ

увеличенію налоговъ, на жалкія попытки уложенія, которыя привели только къ переводу Наполеонова кодекса и т. д. Не входя въ подробности частностей этой любопытной записки Карамзина, скажемъ, что результатомъ его обзора современнаго состоянія Россіи было убѣжденіе, что правительство заблуждалось въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Врагъ формъ и всякой внѣшней регламентаціи и, какъ историкъ, уважающій жизнь, Карамзинъ негодуетъ на новыя учрежденія и полагаетъ, что спасеніе Россіи зависитъ собственно отъ выбора достойныхъ людей и этихъ достойныхъ людей, преимущественно въ начальники губерній, правительство должно искать въ сословіи потомственныхъ дворянъ, въ «сословіи отборныхъ своихъ слугъ», собранія которыхъ самъ государь долженъ иногда почтить своимъ присутствіемъ. Наравнѣ съ дворянствомъ, Карамзинъ указываетъ необходимость возвышенія духовенства. Выставляя лѣкарство для каждаго зла, имъ указаннаго и разобраннаго, Карамзинъ думаетъ, что только пріостановкою широко-задуманныхъ, но трудно выполнимыхъ нововведеній, уваженіемъ людей больше формъ, строгостію къ преступленіямъ, бережливостію въ финансахъ и проч. можно достигнуть будущаго счастія Россіи. «Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно, оканчиваетъ записку свою Карамзинъ. Возвращаюсь въ безмолвіе подданнаго, съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ царя и царство Россійское!»

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе до сихъ поръ неизданной записки Карамзина, слова и убѣжденія которой очень часто приводились въ обществѣ въ подтвержденіе взглядовъ партіи. Мы не имѣемъ возможности входить въ разсмотрѣніе справедливости мыслей Карамзина и повѣрять ихъ съ явленіями окружавшей его государственной жизни Россіи. Записка Карамзина имѣетъ мѣсто въ его біографіи, какъ доказательство, что историкъ, занимаясь прошедшимъ, былъ не чуждъ вопросовъ времени и живо, сознательно, съ глубокимъ чувствомъ понималъ, чего недостаетъ его родинѣ, гдѣ болѣзни ея и чѣмъ могутъ быть излѣчимы онѣ. Изъ содержанія записки видно, что Карамзинъ былъ консерваторъ, но консерватизмъ его не былъ безсознательнымъ противодѣйствіемъ. Основы и причины его консерватизма были гораздо глубже. Карамзинъ былъ *вообще* правъ, потому что въ выводахъ своихъ опирался на исторію прошлаго. Больше другихъ его современниковъ, увлеченныхъ легкостію дѣлать бумажные опыты

надъ жизнію народа, какъ историкъ, онъ уважалъ и цѣнилъ эту жизнь и понималъ только то крѣпкимъ и прочнымъ въ ней, что выросло изъ нея самой, а не набросано сверху творчески самовластною рукою чиновника администратора, воображающаго себя Пигмаліономъ передъ бездушною статуею страны. Время и исторія показали, въ чемъ онъ ошибался, прочно было ли то, во что онъ вѣровалъ, поддержало ли его убѣжденія то, на что онъ надѣялся, подобно тому, какъ тоже самое время безвозвратно унесло въ вѣчность и многія созданія его противниковъ. Не забудемъ того великаго, полнаго трепетнымъ ожиданіемъ для страны, времени, когда читалась Карамзинымъ записка его Императору. Тяжелыя войны съ Наполеономъ отняли у насъ множество молодыхъ силъ изъ народа, унесли наши деньги и не дали намъ ничего, кромѣ пустынныхъ степей Бессарабіи и униженія вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ. На далекомъ Западѣ подымалась грозовая туча двѣнадцатаго года и тревожное сердце людей, выросшихъ въ блестящихъ преданіяхъ Екатерининскаго вѣка, созрѣвшихъ въ сознаніи историческаго призванія родины, невольно задавало мучительные вопросы времени и странѣ. Отъ царя и отъ народа нужны были не одни матеріальныя жертвы и усилія, а нравственное сознаніе и чувство любви къ родинѣ. Карамзинъ, какъ и нѣкоторые другіе представители «московской» партіи, какъ и близкій ему Растопчинъ, сдѣлавшійся скоро столь популярнымъ, могъ предчувствовать собиравшуюся грозу лучше другихъ. Въ эти часы, переживаемые страною въ великую эпоху своего существованія, Карамзинъ читалъ свою записку Александру I. Тайна скрыла отъ насъ то впечатлѣніе, какое произвела искренняя и смѣлая рѣчь патріота-историка на сердце Царя, съ какимъ чувствомъ «Владыка Сѣвера», приготовляясь къ роковой и неизбѣжной борьбѣ съ «Владыкою Запада», внималъ голосу жизни изъ устъ Карамзина и узнавалъ современное состояніе своей имперіи съ другой точки зрѣнія, нежели привыкъ онъ видѣть въ заявленіяхъ петербургскихъ реформаторовъ. Можетъ быть Государь оцѣнилъ гражданское мужество Карамзина; по крайней мѣрѣ, прощаясь съ нимъ, онъ звалъ его въ Петербургъ и предлагалъ жить съ семьею въ Аничковскомъ дворцѣ. Можетъ быть и ссылка Сперанскаго, главнаго творца реформъ, имѣла нѣкоторую связь съ «Запискою».

«Безмолвіе подданнаго», посвященное трудамъ надъ русской исторіей, нарушено было бурею двѣнадцатаго года. Въ самый день Бородинскаго сраженія, 27 августа, Карамзинъ отправилъ жену свою съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ рѣшился остаться въ Москвѣ, въ домѣ главнокомандующаго графа Растопчина, ожидая послѣдней минуты. «Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ», писалъ онъ къ брату своему ([14]) и только на-канунѣ того дня, въ который французы заняли Москву, онъ выѣхалъ съ П. А. Вяземскимъ въ Ярославль, откуда вмѣстѣ съ семействомъ очень скоро перебрался въ Нижній Новгородъ. Здѣсь съ другими московскими «изгнанниками» Карамзинъ прожилъ до мая 1813 года, скорбя объ отечествѣ, наблюдая за ходомъ событій и ожидая возможности воротиться въ Москву. Безъ матеріаловъ и пособій, ему нельзя было думать о продолженіи насильственно прерваннаго труда и «несносная праздность» мучила его. Въ тяжеломъ раздумьи, Карамзинъ то собирался ѣхать въ Петербургъ для продолженія исторіи, то мечталъ идти въ ополченіе, но «дѣло обошлось и безъ меча исторіографскаго» ([15]). Первыя побѣды русскихъ вызвали только недовѣріе съ его стороны. «Французы истребляются рукою неба, а не нашимъ умомъ и мужествомъ», писалъ онъ изъ Нижняго ([16]).

Только въ маѣ воротился Карамзинъ въ подмосковную деревню Вяземскихъ, въ печальномъ настроеніи духа и отъ бѣдствій родины и отъ разстройства собственной жизни. Вся библіотека его сгорѣла въ Москвѣ; спаслись только немногія книги, которыя были въ Остафьевѣ; особенно тяжела была для Карамзина гибель богатой исторической библіотеки графа Мусина-Пушкина, рукописи которой составляли для него главные источники. Съ грустію смотрѣлъ онъ на развалины любимой имъ Москвы. «C'est le vrai séjour de la mélancolie, пишетъ онъ къ В. К. Екатеринѣ Павловнѣ. Aussi je m'y promène volontiers, souvent au milieu de la nuit, quand les rayons de la lune tombent sur les squelettes de ces palais jadis si magnifiques, et qui devastés par la flamme, ont l'air *des vesti-*

([14]) Атеней 1858 г. ч. 3, стр. 485

([15]) Русск. Арх. 1866 г. стр. 230.

([16]) Атеней 1858, ч 3, стр, 533.

bules de la mort. Plus de fêtes, plus de parures, plus de superbes équipages» ([17]).

Спокойствіе духа и возможность работать воротились къ Карамзину вмѣстѣ съ ходомъ событій. Для него настали лучшіе дни. Побѣды русскихъ за границею, паденіе Наполеона, Парижскій миръ, всѣ эти славныя событія, которыми русскіе заплатили за сожженную Москву и тяжелыя испытанія народной войны должны были снова оживить его душу. Въ ожиданіи «державнаго умиротворителя Европы», возвращающагося въ Россію, Карамзинъ написалъ послѣдніе стихи свои, посвятивъ ихъ жителямъ Москвы ([18]). Работа пошла по прежнему и снова со всѣхъ сторонъ собираетъ онъ матеріалы для исторіи и думаетъ скорѣе кончить ее, жалуясь на слабость приближающейся старости, «не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти».

Карамзинъ дописывалъ исторію Грознаго и ожидалъ возвращенія Императора Александра въ Петербургъ, чтобъ лично представить ему написанное. Никогда такъ кстати не могло быть появленіе его исторіи, какъ въ эту пору славы и торжества русскаго имени. Карамзинъ кажется самъ сознавалъ это.

Въ началѣ 1816 года Карамзинъ ѣздилъ одинъ въ Петербургъ съ «запасомъ терпѣнія, уничиженія, нищеты духа» по его словамъ ([19]) и представилъ Императору первые восемь томовъ исторіи. Пріемъ, сдѣланный ему Государемъ и двумя Императрицами, произвелъ сильное впечатлѣніе на Петербургское общество. Государь пожаловалъ Карамзину чинъ статскаго совѣтника и звѣзду Анны 1-й степени, чему не было прежде примѣровъ въ такомъ чинѣ. Ему дозволено было печатать безъ цензуры, даны деньги на изданіе и предоставлены въ полное распоряженіе всѣ экземпляры. Въ маѣ долженъ былъ Карамзинъ переѣхать въ сѣверную столицу и жить въ любимомъ Императоромъ Царскомъ селѣ. Любопытно, что не смотря на Высочайшее повелѣніе печатать Карамзину безъ цензуры, тогдашній дежурный генералъ Закревскій пріостано-

---

([17]) Неизд. Сочин. стр. 114.

([18]) Сочин. т. I, стр. 238—254 и Москвит. 1852 г. т. 2, Науки, стр. 61.

([19]) Письма К-на къ Малиновскому М. 1860 г. стр. 6.

вилъ печатаніе, требуя цензурнаго дозволенія и Карамзинъ долженъ былъ жаловаться князю Голицыну ([20]).

Послѣ тринадцатилѣтнихъ уединенныхъ трудовъ надъ исторіею, Карамзинъ вдругъ очутился въ новомъ, непривычномъ для него свѣтѣ, съ незнакомыми ему интересами мимолетнаго значенія. Не смотря на то, что въ Петербургѣ у него было много литературныхъ враговъ, въ главѣ которыхъ стоялъ извѣстный старовѣръ Шишковъ, тамъ были у него также и искренніе, преданные друзья, образовавшіе, въ противоположность старой литературной партіи, представляемой членами «Бесѣды русскаго слова», свое общество съ литературно-комическимъ направленіемъ, извѣстное подъ именемъ «Арзамаса». Въ немъ принимали дѣятельное участіе лица, прославившія себя потомъ въ мірѣ литературномъ и административномъ: Жуковскій, Тургеневы, Блудовъ, Дашковъ, Батюшковъ, Уваровъ и нѣкоторые другіе. Карамзинъ былъ принятъ радушно всѣми партіями. Даже Шишковъ сердечно полюбилъ его. Въ аристократическихъ гостиныхъ Петербурга читалъ онъ на первыхъ порахъ отрывки печатавшейся исторіи и съ добродушною улыбкою принималъ сыпавшіяся на него похвалы ([21]). Карамзинъ не потерялся въ этомъ новомъ мірѣ. Обласканный Государемъ и императрицами, частый гость у нихъ, онъ не искалъ никакихъ связей, не желалъ составить себѣ значенія въ свѣтѣ и умѣлъ создать и здѣсь тихое уединеніе, «особнякъ», какъ говорилъ онъ, посвященное продолженію историческаго труда, семейству и немногимъ избраннымъ друзьямъ, которые любили уединяться въ свѣтлый міръ Карамзина отъ шума петербургскаго свѣта. По прежнему хлопочетъ онъ объ источникахъ и пособіяхъ для своего труда и этимъ заботамъ посвящена дѣятельная, длившаяся до самой смерти его, переписка съ начальникомъ Московскаго Архива А. Ѳ. Малиновскимъ. Здѣсь были самые дорогіе интересы Карамзина и, если вокругъ его, человѣка близкаго къ Государю и часто разрѣшались вопросы современной политики, то Карамзинъ былъ чуждъ ихъ, далекъ отъ современной политики и равнодушно, даже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на конституціонныя попытки,

---

([20]) Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. Спб. 1862 г. стр. 32.

([21]) Воспоминанія о Н. М. К-нѣ (Стурдзы). Москвит. 1846 г. ч. V, №. 9 и 10, стр 145— 154.

которыми была полна тогда Европа. «Сапожники, портные хотятъ быть законодателями, пишетъ онъ къ брату ([22]), особенно въ ученой нѣмецкой землѣ. Покойная французская революція оставила сѣмя, какъ саранча: изъ него вылезаютъ гадкія насѣкомыя.... Впрочемъ будетъ, чему быть надобно по закону вѣчной премудрости». Одно сожалѣніе объ оставленной имъ Москвѣ и постоянное желаніе поселиться въ ней было сильно въ Карамзинѣ. Къ ней привязывали его «милые, и живые и мертвые». Петербургъ не нравился ему; онъ чувствовалъ, «что не созданъ для здѣшней жизни».

«Исторія Государства Россійскаго» явилась въ февралѣ 1818 года. Успѣхъ ея былъ громадный и неслыханный до того времени: въ одинъ мѣсяцъ разошлось 3000 экземпляровъ и въ первый разъ все свѣтское общество Петербурга не читало ничего кромѣ родной исторіи. «Всѣ, даже свѣтскія женщины, говоритъ въ своихъ запискахъ Пушкинъ ([23]), бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили». Пушкинъ передаетъ также всю нелѣпость тогдашнихъ свѣтскихъ сужденій о великомъ трудѣ Карамзина и совершенно справедливо замѣчаетъ, что не было въ то время въ Россіи ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи оцѣнить трудъ Карамзина, его неутомимое прилежаніе и огромную ученость, блистательно доказанную въ его безчисленныхъ примѣчаніяхъ. Только «молодые якобинцы, прибавляетъ Пушкинъ, негодовали на исторіографа за его умѣренность; они забывали, что Карамзинъ (который, впрочемъ, былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи самодержавія, внѣ коего нѣтъ, или по крайней мѣрѣ долго, долго не будетъ для нея безопасности), печаталъ исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, полагалъ на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чегожъ болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что «Исторія Госу-

---

([22]) Атеней, 1858 г. № 26, стр. 655.

([23]) Сочин. т. V, стр. 7—8.

дарства Россійскаго» есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка». Къ этому отзыву Пушкина, любопытному какъ сужденіе современника, мы можемъ прибавить только то, что самъ онъ принадлежалъ къ числу «молодыхъ якобинцевъ» и упрекалъ исторію Карамзина въ томъ, чего она не могла дать.

Время давно уничтожило страстный и несправедливый взглядъ современниковъ, искавшихъ въ исторіи Карамзина разрѣшенія волнующихъ ихъ вопросовъ и не умѣвшихъ понять и оцѣнить въ ней то, что было въ ней прочнаго, что перешло въ наслѣдіе потомству. Трудъ Карамзина давно уже оцѣненъ русскою историческою критикою и останется навсегда памятникомъ самоотверженнаго труда и глубокой науки нашего великаго историка. Здѣсь, въ литературной біографіи его, неумѣстна подробная оцѣнка «Исторіи Государства Россійскаго» и мы чувствуемъ себя не въ силахъ рѣшиться на нее; но въ общемъ очеркѣ мы обязаны сказать объ ея историко-литературномъ значеніи. Это значеніе «исторіи» Карамзина раскрывается во времени, какъ значеніе всякаго литературнаго труда. Умѣя поставить писателя въ тѣ условія, въ которыхъ онъ находился, мы лучше поймемъ и оцѣнимъ его. Къ сожалѣнію мы такъ мало жили умственною жизнію, такъ мало были ей обязаны, такъ быстро переходили отъ одного вліянія къ другому, что великое созданіе Карамзина потерялось въ перемѣнчивой волнѣ мнѣнія, выражавшаго не дѣйствительную, а воображаемую жизнь общества. Извѣстно, что едва только Карамзинъ сошелъ въ могилу, какъ Полевой, недовольный его «государственною» точкою зрѣнія, объявляетъ свою исторію русскаго «народа»; увлеченіе Полеваго смѣнилось новымъ и такъ далѣе. Не было времени исторіи Карамзина получить то значеніе, которое принадлежитъ ей по историческому праву и по достоинству; не было времени русскимъ людямъ остановиться, вглядѣться въ этотъ трудъ и на долго остаться подъ впечатлѣніями его, чтобъ проникнуться взглядомъ и убѣжденіями Карамзина. Русскія поколѣнія не успѣли воспитаться на историческомъ трудѣ Карамзина; образованіе такъ эфемерно у насъ, что въ нашей скороспѣлой наукѣ не можетъ быть такого уваженія къ ея прошлому, какъ въ наукѣ, давно пустившей глубокіе корни въ жизнь страны. Намъ не дождаться того, чтобъ въ жизни русской Карамзинъ получилъ хоть такое же значеніе, какое для англичанъ имѣютъ исто-

рики прошлаго вѣка: Юмъ, Гиббонъ, Робертсонъ.... Но не Карамзинъ виноватъ въ этомъ.

Пусть на трудѣ его лежитъ печать общихъ недостатковъ господствовавшей тогда теоріи, пусть онъ понимаетъ исторію такъ какъ понимали ее въ его время, но прежде всего отдадимъ справедливость Карамзину за его громадное, неутомимое трудолюбіе, крупицами котораго жили многіе изъ его непризнанныхъ наслѣдниковъ. Исторія Карамзина есть памятникъ его эпохи и результатъ тяжелыхъ усилій страны во время двѣнадцатаго года. Весь пылъ тогдашняго патріотизма, вся справедливая гордость русскаго человѣка, послѣ освобожденія и умиротворенія Европы силою русскою, все обожаніе народа къ Царю-Агамемнону перешли въ душу Карамзина и вылились въ его исторіи. Считая исторію, «священною книгою народовъ», не смотря на то, что онъ давно убѣдилъ въ себѣ космополитическія убѣжденія, Карамзинъ все таки ищетъ въ лѣтописяхъ Россіи *достоинства общаго*, которое было уже завоевано русскими въ современной исторіи и хочетъ доказать, что «нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи *любопытны не менѣе древнихъ*; онъ ищетъ въ русской исторіи *мыслей для прагматика, красотъ для живописца*; онъ старается оправдать въ ней *скучное и утомительное*. Что иное, какъ не глубокая любовь къ странѣ своей создала этотъ взглядъ Карамзина и желаніе, въ виду современной славы Россіи, написать достойную времени исторію, доказавъ, что и прошедшее Руси не безцвѣтно и ничтожно, а исполнено глубокаго содержанія не для однихъ русскихъ. Изъ этого убѣжденія Карамзина можно объяснить и его художественность, видную въ желаніи дать рельефъ тѣнямъ прошлаго и сдѣлать изъ нихъ оживленныя фигуры; отсюда и краски Карамзинскаго слога. Глубокою искренностію звучатъ послѣднія, заключительныя слова его введенія: «Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!» Никто не заподозритъ въ Карамзинѣ этой искренней любви къ родинѣ и въ устахъ его она была не фразою оды, а сознательнымъ чувствомъ гражданина, со-

зрѣвшимъ въ медленномъ и упорномъ изученіи бытописаній Россіи.

Съ переѣзда Карамзина въ Петербургъ, значеніе и содержаніе историческаго труда его, глубокое знаніе Руси и искреннія убѣжденія, въ соединеніи съ честнымъ и неискательнымъ характеромъ, сдѣлали его близкимъ лицемъ къ Императору Александру; особенно связь ихъ скрѣпилась послѣ перваго лѣта, проведеннаго Карамзиными въ Царскомъ Селѣ, любимомъ государемъ, въ «китайскомъ домикѣ,» не далеко отъ дворца. Въ тѣнистыхъ аллеяхъ царскосельскаго парка, во время утреннихъ прогулокъ, происходили бесѣды Карамзина съ Императоромъ. Здѣсь, года за четыре до смерти Карамзина, посѣтилъ его другъ молодости И. И. Дмитріевъ и разсказалъ образъ его тогдашней жизни. Радуясь славою и семейнымъ счастіемъ Карамзина, онъ вспоминалъ однако съ грустію старые московскіе годы, когда оба друга были неразлучны и бесѣдовали только о литературѣ, а теперь разговоръ Карамзина былъ полонъ новой жизни, окружающей его: дворомъ и петербургскими вѣстями ([24]). Александръ дружески былъ расположенъ къ Карамзину и его семейству; онъ старался устроить жизнь ихъ въ Царскомъ, со всѣмъ гостепріимствомъ царственнаго хозяина, запросто бывалъ у него и исполнялъ желанія Карамзина, которыя были однако весьма ограничены и доказывали, что историкъ не желалъ имѣть никакого вліянія, ничего не искалъ для себя, а развѣ старался помочь друзьямъ или роднымъ. Послѣдніе томы исторіи были написаны на глазахъ у Александра; онъ, не смотря на частые разъѣзды свои по Европѣ, успѣвалъ читать написанное Карамзинымъ и говорилъ съ нимъ о его трудѣ, что доказывается дружескими записками къ Карамзину ([25]). Но не одно историческое прошлое было предметомъ бесѣдъ Карамзина съ Александромъ. Извѣстенъ патріотическій подвигъ Карамзина, озаглавленный имъ «Мнѣніе русскаго гражданина», написанный въ «волненіи души» въ 1819 году, въ то время, когда Императоръ, подъ вліяніемъ старыхъ дружескихъ привязанностей, думалъ возстановить независимую Польшу. Всею силою страстнаго краснорѣчія, опираясь только на любовь къ оте-

---

([24]) Взглядъ н. м. ж., стр. 245—247.

([25]) Неиздан. сочин. стр. 25—36.

честву и не думая о томъ, что онъ поражаетъ глубоко сердце Императора, съ пророческимъ предвѣдѣніемъ, возсталъ Карамзинъ противъ намѣренія Государя. «Возстановленіе Польши, говорилъ онъ, будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу» ([26]). Повидимому записка и убѣжденія Карамзина не произвели сначала вліянія на Александра; бесѣда ихъ о Польшѣ длилась далеко за полночь и Карамзинъ, сознавая, что онъ разстался съ Государемъ душею и кажется на вѣки, отдаетъ себя на судъ потомства: «достоинъ ли я былъ имени гражданина россійскаго? Любилъ ли отечество?» спрашиваетъ онъ. Событія послѣдующей исторіи оправдали взглядъ Карамзина, но къ чести вѣнценосца, благоволеніе его къ историку не измѣнилось до самой кончины его и онъ слушалъ его откровенное изложеніе состоянія Россіи, слушалъ его совѣты, «хотя имъ большею частію и не слѣдовалъ». Другія обстоятельства, а не убѣжденія Карамзина, не допустили соединенія западныхъ губерній съ конституціоннымъ царствомъ польскимъ и еще черезъ пять лѣтъ послѣ представленія «Мнѣнія», Карамзинъ, описывая смутное время и говоря о польскихъ союзникахъ лже-Димитрія, въ угодность Государю, долженъ былъ внимательно слѣдить за перомъ своимъ и стараться, чтобъ не было «ни слова обиднаго для польскаго народа» ([27]). Не смотря на это ничтожное значеніе мнѣній Карамзина для его вѣнценоснаго друга, историкъ любилъ Александра «какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля.... Его величіе и слава конечно давали этой связи еще особенную для меня прелесть.... Привязанность моя къ нему осталась безкорыстною» ([28]). Еще нѣжнѣе и сердечнѣе кажется былъ расположенъ Карамзинъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, къ этой робкой и тихой спутницѣ жизни Императора Александра I, которая платила Карамзину полною взаимностію. Въ ея письмахъ и запискахъ къ исторіографу отражается свѣтлая душа той, которая внушила молодому Пушкину его искренніе и единственные въ этомъ родѣ стихи. Окончимъ эту общую передачу связей Карамзина съ

([26]) Неиздан. Сочин. стр. 7.

([27]) Тамъ же, стр. 29.

([28]) Атеней, 1858 г. ч. IV, стр. 117.

царскимъ домомъ замѣчаніемъ, что здѣсь была дѣйствительная и сердечная дружба, которая уравнивала отношенія; въ ней незамѣтно никакой принужденности, ни малѣйшаго слѣда того, что ставитъ непроходимую преграду между подданнымъ и державнымъ царемъ. Для Карамзина и Императоръ и Императрица были добрые и любимые друзья. Онъ былъ одинаковъ съ ними, какъ и съ другими.

Изъ близкихъ друзей Карамзина въ этотъ послѣдній періодъ его жизни долженъ быть упомянутъ президентъ освобождающейся Греціи, извѣстный греческій патріотъ, заплатившій за патріотизмъ свой трагическою смертію, графъ Каподистрія. Уроженецъ Корфу, но получившій солидное образованіе въ итальянскихъ университетахъ, Каподистрія, когда его родина послѣ Тильзитскаго мира отошла подъ покровительство Великобританіи, вмѣстѣ съ другими Іоническими островами, переѣхалъ въ Россію, отъ которой греки тогда такъ много надѣялись. Съ 1809 года онъ служилъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ сдѣлался статсъ-секретаремъ и человѣкомъ близкимъ къ Императору Александру. Не смотря на то, что Каподистрія былъ прикованъ къ торжественной колесницѣ Императора и сопровождалъ его по Европѣ на всѣ частые тогда конгресы государей, съ Карамзинымъ въ Петербургѣ онъ очень подружился. Его соединили съ историкомъ и общая любовь къ Государю, отъ котораго Каподистрія надѣялся помощи для своей страдальческой родины и глубокое историческое сознаніе призванія, назначеннаго судьбою Россіи въ дѣлахъ юго-востока Европы. Тогда, послѣ Тильзитскаго мира, когда европейскій міръ раздѣлился на двѣ половины, историческое назначеніе Россіи казалось яснѣе и ближе, и нѣтъ сомнѣнія, что бесѣды о немъ соединяли обоихъ друзей. Переписка ихъ, свидѣтельство искренней дружбы ([30]), вся посвящена интересамъ общимъ, интересамъ высокой привязанности, которая могла быть только между такими избранными натурами, какія были у Карамзина и Каподистріи.

Послѣдніе годы Карамзина въ Петербургѣ, когда онъ работалъ надъ послѣдними томами своей «Исторіи», погруженный въ міръ прошедшаго и только издали и равнодушно слѣдя за

([30]) Утро, стр. 195—203.

развитіемъ реакціонной системы въ Европѣ и за прорывающимися вспышками либерализма, были тихими годами Карамзинской жизни. Только общія человѣческія горести посѣщали его: болѣзни, то собственныя, то близкихъ, потери семейныя или государственныя. Общее уваженіе и заслуженная слава окружали его; зависть молчала. Современнаго литературнаго общества въ Петербургѣ онъ чуждался, былъ выше его и одни только Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій, близкій родной, его воспитанникъ, и нѣсколько другихъ лицъ участвовали въ бесѣдахъ Карамзина. Но Карамзинъ любилъ русское слово; его домъ посѣщалъ до ссылки молодой Пушкинъ; его заступничествомъ передъ Александромъ эта ссылка замѣнила для поэта болѣе тяжкое наказаніе; онъ защитилъ также и Воейкова. Главное дѣло Карамзина было по прежнему исторія, которую ему хотѣлось довести до воцаренія дома Романовыхъ, оставя всѣ другіе планы. Онъ спѣшилъ къ цѣли, боялся умереть. «Я простился даже и съ мечтою быть полезнымъ въ государственномъ смыслѣ; не простился только съ исторіею», пишетъ онъ къ Малиновскому ([31]). Написавъ XII томъ, онъ хочетъ уже «субботствовать до отбытія на нашу родину—вѣчность». Вся жизнь его духа до самой смерти сосредоточивается на великомъ трудѣ, съ которымъ сливается у него идея родины, ея самобытность, ея величіе.

Сознаніе почти оконченнаго труда своего, сознаніе заплаченнаго долга отечеству, удовлетворенное чувство гражданина и семейное счастіе наполнили отраднымъ миромъ душу Карамзина. Его сердце расширялось любовію и лучшіе люди времени невольно стремились въ кругъ свѣта, сіявшій около Карамзина. Смерть императора Александра, а вслѣдъ за нею и Императрицы Елисаветы Алексѣевны, событія 14 Декабря, грозившія перевернуть русскую исторію, хотя и сильно потрясли сердце Карамзина, но не могли уже разстроить его субботняго мира и мысль о смерти, украшенная образами самой сердечной вѣры, не тревожа и не волнуя его, клала казалось еще при жизни лучезарный вѣнокъ свой на него. Воспоминанія друзей его изображаютъ Карамзина изъ этого послѣдняго времени:

([31]) Письма, стр. 61.

«О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами *онъ*, теперь ужъ не земной
Онъ для меня живое провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ мой.
О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его казалось,
Небесный ангелъ обиталъ» ([32])....

Широкою любовью было полно сердце Карамзина и послѣднія строки, написанныя имъ не задолго до смерти, какъ то невольно просятся подъ перо, потому что въ нихъ выражается его прекрасная душа. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Дмитріеву Карамзинъ не нахвалится своею тихою жизнію. Описавъ день свой, онъ говоритъ и о трудѣ: «Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло? Знаю *что и какъ пишу*; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ; я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и человѣчеству..... Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти» ([33])..... Образъ смерти заключался для него въ выраженіи Руссо: *засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи* и, обращаясь въ отрадное чувство, этотъ образъ не тревожитъ его, а пробуждаетъ высокое, эпикурейское наслажденіе. «Я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное, пишетъ онъ за четыре мѣсяца до смерти къ Каподистріи; я радуюсь имъ по своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что онъ мнѣ даровалъ въ ней: можетъ быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня» ([34])..... И такая отрадная мысль о смерти, вмѣстѣ съ увѣренностію, что прошедшее невозвратно, кажется еще болѣе давала ему любви. Представляя людей «земными путешественниками», онъ высказываетъ къ нимъ теплую

([32]) Стихотворенія Жуковскаго, т. IV, стр 138.
([33]) Взглядъ, стр. 252.
([34]) Журн. М. Н. П. 1835 г. ч. V, стр. 11.

привязанность: «О какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! Какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ!» Какая прекрасная смерть, прибавимъ мы отъ себя, когда сердце разрывается отъ такого безконечнаго, обнимающаго цѣлый міръ чувства.....

Со смертію Александра I казалось кончились лучшіе дни Карамзина, какъ будто онъ понималъ, что его жизнь прошла. «Новый государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, пишетъ онъ къ брату ([34]), какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ». Но извѣстно, какими щедротами осыпалъ новый государь умирающаго исторіографа, скорбѣвшаго о будущей судьбѣ своей семьи. Омертвѣлою рукою Карамзинъ успѣлъ написать благодарность Царю; онъ собирался въ Италію лѣчиться; для переѣзда его въ Ливорно назначенъ былъ отъ правительства особый фрегатъ, но въ маѣ 1826 года, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, Карамзину пришлось лечь подъ мраморную плиту Александро-Невскаго кладбища.

([34]) Атеней, 1858 г. ч. 4, стр. 117.

Цѣна 75 коп. сер.

LIBRARY OF CONGRESS
00025277533